

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)
Российской академии наук**

На правах рукописи

Касаткина Александра Константиновна

**Дачные разговоры как объект этнографического исследования:
разработка метода
(на материале интервью об освоении садовых участков
в 1980-е — 1990-е гг.)**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель – д.и.н. А.К. Байбурин

Санкт-Петербург

2019

Оглавление

Введение.....	5
1. Актуальность темы исследования	5
2. Предмет, объект, цели и задачи исследования	6
3. Эмпирический материал.....	7
4. Теория и методы исследования.....	12
5. Степень изученности темы.....	14
5.1. Этнография разговора.....	14
5.2. Дачные разговоры	18
6. Научная новизна исследования.....	22
7. Положения, выносимые на защиту.....	22
8. Теоретическая и практическая значимость работы	23
9. Степень достоверности и апробация результатов.....	24
10. Структура диссертации.....	25
Глава 1. Разговор, интервью, диалог: речевое взаимодействие в социальной антропологии	27
1.1. Антропологическое изучение разговора.....	27
1.1.1. Разговор как ритуал: исследования ритуализованной коммуникации.....	27
1.1.2. Разговор как социальный порядок и сцена культуры: антропологическое изучение коммуникативного взаимодействия	28
1.1.3. Разговор и нарратив	32
1.2. Интервью – метод и разговор.....	36
1.2.1. Интервью – речевое событие	36
1.2.2. Интервью – интенсификация наблюдения.....	43
1.3. Диалог.....	45
1.3.1. Диалогизм М.М. Бахтина и западная антропология 1980-х гг.	45
1.3.2. Интервью как диалог	49
1.3.3. Интервью и культура	55
Выводы	58
Глава 2. Рождение объекта дачных разговоров: история садоводческих товариществ	61
2.1. История садоводческих товариществ с 1949 г. по настоящее время	61
2.1.1. Начало: коллективные сады	61
2.1.2. «Садоводческий бум» 1980-х: накормить город, «возродить хозяина».....	62
2.1.3. Садоводства в «свободном плавании»: 1990-е и 2000-е гг.....	67
2.2. Культура садовых товариществ эпохи «садоводческого бума» 1980-х – 1990-х гг.	71
2.2.1. «Соцкультбыт»	72

2.2.2. «Шесть соток простора на Мшинском болоте»	77
2.2.3. Как получить участок?	79
2.2.4. Садовый участок – в массы	81
2.2.5. Время без уставов: борьба за участки	83
2.2.6. «Ничего не было!» «Садоводческий бум» в условиях краха экономики.....	85
2.2.7. «А я торопился, мне, вот, очень хотелось...» или «Время, вперед!»	89
Выводы	93
Глава 3. Порядок дискурса садоводства горожан	95
3.1. Метод и источники	95
3.1.1. Критический анализ дискурса	95
3.1.2. Источники и ограничения.....	96
3.2. Дача на садовом участке: след дореволюционных дискурсов.....	99
3.3. Любительское садоводство горожан: труд как творчество	105
3.4. Хозяйство на шести сотках.....	111
3.4.1. Садовый участок как ЛПХ, садовод как хозяин на земле	111
3.4.2. Дискурс автономии	114
3.4.3. Крестьянский дискурс.....	118
3.5. Переосмысление дискурсов о садовом участке.....	121
3.5.1. Новый смысл слова «хозяин».....	121
3.5.2. Ретроспективная переоценка.....	123
Выводы	131
Глава 4. Устройство дачного разговора	133
4.1. Реестр дачных разговоров	133
4.2. Разговор как лаборатория	150
4.2.1. Со-настройка позиций	151
4.2.2. Манипулирование точками зрения во «внутренних диалогах».....	156
4.2.3. Коммуникативные проекты собеседников	162
4.2.4. Сенсорный опыт как совместное достижение в интервью.....	169
4.3. От интервью к культуре через насыщенное описание	175
4.3.1. Скрытый конфликт поколений	175
4.3.2. Столкновение словарей – столкновение миров.....	178
4.3.3. Общее культурное знание в разговоре	187
Выводы	190
Заключение	192
Список сокращений.....	198

Список использованной литературы	199
Список иллюстраций	216
Приложение 1. Список интервью	217
Приложение 2. Путеводители	219
Путеводитель 1, 2007-2008 (П1)	219
Путеводитель 2, 2008 (П2).....	226
Путеводитель 3, 2009-2011 (П3)	228
Приложение 3. Условные обозначения при расшифровке интервью	232
Приложение 4	233

Введение

1. Актуальность темы исследования

Перемещаясь из деревни в урбанизированную среду города или поселка, современный социальный антрополог или этнограф стремится получить доступ к повседневности, которая проходит за закрытыми дверьми, в невидимых электронных сетях или в потоках перемещений мигрантов, беженцев и транснациональных рабочих, и метод интервью в его исследовании обретает все больший вес по сравнению с включенным наблюдением. Однако в антропологии этот метод воспринимается с долей скептицизма и остается уязвим для критики: считается, что интервью не дают полного погружения и участия в изучаемой реальности, обеспечивают лишь точечные контакты с полем, реализуются в искусственных ситуациях взаимодействия (Hockey, 2002; Pink, 2009; *The Interview. An Ethnographic Approach*, 2012). Отечественная этнография, которая сформировалась в тесном соседстве с фольклористикой и сфокусирована на фиксации уходящей традиционной культуры, более терпима к «опросам» в поле (Громов, 1966; Арзютов, Кан, 2013). Но и здесь постепенный переход к этнографическому осмыслению современности требует пересмотра техник сбора и анализа полевых интервью, которые были созданы для записи монологов об ушедших традициях и по-прежнему ориентируются, прежде всего, на работу с информацией о прошлом, зафиксированной в тексте, а не с самим взаимодействием в интервью как с культурно обусловленной ситуацией.

Автор данного диссертационного исследования полагает, что метод интервью способен обеспечить глубокое погружение в поле и может быть переосмыслен в этнографической перспективе в качестве формы включенного наблюдения. Для этого необходимо по-новому посмотреть на интервью – увидеть в нем коммуникативные действия, форма и содержание которых обусловлены не только конкретной ситуацией взаимодействия, но и коммуникативными правилами, компетенциями, контекстами, жанрами, характерными для сообщества и культуры в целом. В данном исследовании реализовано, во-первых, теоретическое обоснование и разработка этнографического подхода к интервью, во-вторых, его практическое использование для изучения *дачных разговоров*.

Современная российская дача, принадлежащая горожанину, который постоянно мигрирует между своим участком и городом, – это урбанизированное мультилокальное поле, которое включает и зимнее выращивание рассады в городской квартире, и летнюю работу в огороде, и строительство садового домика, и участие в городских мероприятиях для садоводов,

и поездки в электричках и автобусах. Даже добравшись вслед за своим информантом до его участка, антрополог может наблюдать только за одной площадкой, где разворачивается дачная жизнь, но почти никогда – за всеми, и ему доступно только ограниченное время пребывания в гостях. Поэтому неудивительно, что существующие этнографические исследования дач основаны преимущественно на *дачных разговорах* – интервью и неформальных беседах с дачниками. При этом сами дачные разговоры остаются в некотором роде невидимыми для исследователей – их специфика как культурной практики не становится предметом специальной рефлексии, а особенности коммуникативной организации не рассматриваются. Единственное антропологическое исследование, посвященное устройству и содержанию русских разговоров как культурной практики – это книга Н. Рис «Русские разговоры» (Рис, 2005). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что американский антрополог повествует главным образом о монологах, а разговор как серия обменов репликами в ситуации взаимодействия и его культурные логики не изучаются. Между тем, как убежден автор настоящей работы, методологически продуманное этнографическое изучение разговоров – в том числе, и дачных, – дает доступ не только к рутинным и ускользающим от рефлексии практикам, но и к культурным правилам, реализуемым в речевом поведении, что, в свою очередь, позволяет соотнести случаи единичных социальных взаимодействий и культуру и таким образом предлагает решение старой антропологической проблемы масштаба.

2. Предмет, объект, цели и задачи исследования

Объект исследования – аудиозаписи и расшифровки исследовательских интервью, проведенных и записанных автором с владельцами садовых участков в Ленинградской области. Интервью посвящены их опыту освоения участка начиная с 1980-х – 1990-х гг.

Предмет исследования – дискурсивное устройство разговоров с дачниками на дачные темы (*дачных разговоров*), т.е. тематика, речевые жанры, речевые действия, занимаемые позиции, приоритеты и коммуникативные стратегии, изучаемые с учетом их культурной обусловленности.

Цель исследования – изучить культурное и коммуникативное своеобразие современных российских дачных разговоров.

Задачи работы:

1. Охарактеризовать исследовательское интервью как разновидность разговора.

2. Адаптировать аналитические модели и методы, выработанные для анализа речи и разговоров в этнографии речи, конверсационном анализе и прагматике дискурса, для этнографического изучения расшифровок и аудиозаписей исследовательского интервью.

3. На основе архивных документов, художественной и специализированной литературы, публикаций в СМИ и воспоминаний выявить и описать историко-культурный контекст изучаемых дачных разговоров.

4. Описать устройство дачных разговоров из корпуса, собранного автором. Выявить тематику, речевые жанры, речевые действия, занимаемые позиции, приоритеты, коммуникативные стратегии собеседников, использованные в ходе интервью.

5. Охарактеризовать дачные разговоры в их связи с широким историко-культурным контекстом.

3. Эмпирический материал

Сбор полевого материала для диссертации проходил между 2007 и 2012 гг. 17 из 20 интервью записаны в первые два года полевой работы. Информантами стали 23 человека, 13 из них – инженеры, остальные – экономисты, преподаватели, торговые работники, люди со средним техническим образованием. Все родились между 1930 и 1950 гг. (кроме дочери одной из информанток). Среди них 9 мужчин и 14 женщин. Все получили садовые участки в Ленинградской области и приступили к их освоению в 1980-е или начале 1990-х гг. Продолжительность интервью от одного часа с небольшим до почти четырех часов (см. Таблица интервью в **Приложении 1**). Интервью проходили дома у информанта, либо в городской квартире, либо на его или ее садовом участке. В ответ на мою просьбу об интервью многие удивлялись, особенно когда узнавали, что у меня тоже есть садовый участок: людям казалось, что они не смогут рассказать мне ничего нового. Любопытно отметить, что американский социальный антрополог М. Колдуэлл столкнулась с противоположной реакцией: желающих рассказать ей о даче оказалось так много, что она и за целое лето не успела поговорить со всеми (Caldwell, 2011, 22). Дача кажется само собой разумеющейся, очевидной частью нашей культуры, о которой мы готовы много говорить, но полагаем, что за пределами повседневных дачных разговоров это может быть интересно только иностранцу.

Для своего исследования я намеренно ограничилась только одной разновидностью российской дачи – садовыми участками в садоводческих некоммерческих товариществах (СНТ). Этот тип дачи обладает рядом характеристик, которые позволяют рассматривать его отдельно от других видов загородного отдыха в России и в мире: садовые участки начали

раздавать только в послевоенное время рабочим и служащим в городах и поселках для решения проблемы продовольственного снабжения советских городов. Эти обстоятельства определили и внешние, и юридические отличия садового участка от дач советской номенклатурной или творческой элиты, и от превратившихся в дачи деревенских домов. Садовый участок можно охарактеризовать как позднесоветскую массовую неэлитную дачу.

Для сбора материала использовался метод *полуструктурированного интервью* – разновидность открытого глубинного интервью, которая рассчитана на то, чтобы получить ответы на интересующие интервьюера вопросы в удобном для информанта порядке и естественной для него разговорной форме. Интервьюер задает открытые вопросы, которые поддерживают общую структуру разговора и нужный ему фокус (в моем случае – садовый участок), но при этом не соблюдает жесткий порядок и формулировки вопросника, а старается следовать течению беседы и «имитировать роль равноправного собеседника» (Семенова, 1998). Полуструктурированное интервью стремится к компромиссу между выполнением исследовательских задач интервьюера и сохранением естественной экологии беседы. Для такого интервью вместо вопросника (списка вопросов с обязательным соблюдением порядка их следования) составляется путеводитель – список тематических блоков вопросов или тем, которые нужно осветить во время беседы.

В течение полевой работы я трижды меняла путеводитель (см. **Приложение 2**). Первая версия путеводителя была составлена в октябре 2007 года и использовалась для моего магистерского исследования на факультете антропологии (тогда – этнологии) ЕУСПб, которое было посвящено роли садового участка в жизни городской семьи (П1). В П1 много места занимала тема формальной организации советских садоводческих товариществ. Другие блоки вопросов точно выхватывали разные сферы жизни информанта (общение, отдых, бюджет), фокусируясь на роли, которую играет в них садовый участок. Тема разработки участка и строительства дома затрагивалась мимоходом. Первые же интервью показали, что мои собеседники особенно охотно говорили именно о первых годах освоения участка, своем первом опыте огородничества и строительства, ведь первый опыт, ещё не перешедший в рутину, лучше поддается нарративизации, легко складывается в сюжетное повествование. (С таким же явлением столкнулась И. Чеховских: ее информанты «искренне и вдохновенно» рассказывали о прошлом, но коротко и однотипно – о текущих дачных буднях (Чеховских, 2000, 75)) Это открытие определило новый фокус моих интервью: теперь меня интересовало освоение участка, которое я рассматривала как процесс адаптации горожан к не городским условиям. Летом 2008 года, после защиты магистерской, начался второй этап сбора материала с новым путеводителем (П2). К 2009 г. мой интерес окончательно сдвинулся в сторону самого дачного

разговора как места, где производятся значения. Новый путеводитель (ПЗ) открывается иницилирующим вопросом-просьбой «Расскажите о своей даче!», остальное – только уточняющие вопросы, свое участие я старалась свести к минимуму.

Пьер Бурдьё в предисловии к опубликованному корпусу интервью своего проекта, которое посвящено природе понимания в интервью, описывает один случай в своей практике. Интервью с парижанами об истории их переездов, где респонденты отвечали удивительно естественно и открыто и точно попадали в структуру вопросника, по форме и содержанию оказались аналогичны разговору двух женщин, который он подслушал в метро (Bourdieu, 1996, 28). Это значит, что искусственно сконструированная ситуация интервью может воспроизводить повседневные практики говорения (если интервьюер достаточно искусен – добавляет Бурдьё). Трансформация моего путеводителя и тактик интервьюирования от 2007 к 2009 году отражает процесс все более тонкой настройки интервьюера на формат естественно протекающей беседы о даче. Но вместе с тем мой путеводитель так и не превратился в схематичный прототип повседневных дачных разговоров. Во всех версиях сохранялись темы, которые обычно не получают дискурсивного оформления за пределами интервью (например, рутина садоводческой жизни), а также «экспериментальные» вопросы (например, о поверьях и народных праздниках). Путеводитель оставался инструментом исследования, в том числе провокативного, а мои беседы о дачах оставались исследовательскими интервью.

Родовое противоречие метода, который я выбрала, вполне проявилось в моем интервьюировании. Стремясь к имитации естественной беседы в интервью, я в то же время следовала тому позитивистскому принципу минимизации вмешательства исследователя, который критикую в этом исследовании. Я надеялась, что мои информанты будут повествовать, самостоятельно структурируя свой опыт, а мне останется только скромно подтверждать свой интерес к их рассказу и задавать уточняющие вопросы в конце. Этого так и не случилось. Зато получился набор разговоров на дачные темы, где наряду с интервью нашлось место другим разнообразным речевым жанрам и коммуникативным практикам, связанным с дачей на садовом участке.

Во время работы над диссертационным проектом я также брала несколько экспертных интервью у председателей садовых товариществ и у сотрудников Земельной палаты одного из районов Ленинградской области и Управления по развитию садоводства и огородничества Правительства Санкт-Петербурга (последнее – не под запись). Я спрашивала о постсоветских трансформациях садовых товариществ, их современном административном статусе, ситуации с приватизацией участков, о ситуации внутри товариществ и деятельности органов

самоуправления – председателя и правления. Эти четыре интервью в Приложении 1 идут отдельным списком.

Из двух десятков интервью с садоводами для ответа на главный вопрос своего исследования я выбрала базовый корпус из шести интервью, поскольку для указанных задач необходим глубокий тщательный анализ каждого разговора, выявление внутренней динамики речевых событий, а главное – сохранение целостности каждой отдельной встречи. Стремясь поддержать у читателя ощущение целостности описываемых встреч и персонажей, в этой работе я задаю разные вопросы к одним и тем же фрагментам интервью, поэтому те же цитаты из шести базовых транскриптов могут повторяться в разных главах. Остальные 14 бесед используются в исследовании как источники для реконструкции контекстов и сравнения. Поскольку в центре исследования – диалог информанта и исследователя, эти базовые интервью отобраны так, чтобы были представлены разные степени знакомства со мной и сохранялся гендерный баланс. В итоге выбраны два интервью с людьми, которые так или иначе лично меня знали: Р.Ф. – наша соседка по улице в садоводстве и знает меня с детства, когда я играла с ее внуками, М.Г. не был нашим соседом, т.к. имел участок слишком далеко, но когда моя мама вступила в правление нашего СНТ, он стал ее другом и помощником. И еще четыре интервью с родителями моих соучеников в ЕУСПб и друзей, с которыми я не была знакома прежде: Т.А., Л.А., Ю.А., А.В.. Среди отобранных информантов три женщины (Т.А., Л.А., Р.Ф.) и трое мужчин (М.Г., Ю.А., А.В.). Двое информантов являются также экспертами по отдельным аспектам садоводческой жизни: М.Г. был куратором своего садоводства в 1982 году от профкома крупного строительного предприятия (Главзапстрой) и много лет состоял в правлении, Т.А. на момент интервью уже несколько лет была председателем своего товарищества, а до того – членом правления. С А.В. и Р.Ф. мы разговаривали у них на участках, и интервью в обоих случаях дополнилось экскурсией по участку и по дому. С остальными – в их городских квартирах. Интервью с Л.А. проходило при участии ее дочери и в присутствии ещё одной гостьи (информации о ней нет в таблице, поскольку ее участие было очень незначительным). Несмотря на все различия между людьми и их историями, некоторые жизненные ситуации оказались схожи. Так, М.Г. и Л.А. на момент нашей встречи недавно потеряли супруга, и оба во время интервью смотрят на свои дачные истории сквозь призму значимости ушедшего человека. М.Г. – с точки зрения мужчины, который внезапно, во время нашего разговора, осознает, что приобрел когда-то дачный участок и построил домик исключительно ради укрепления слабого здоровья любимой жены. Л.А. – напротив, с точки зрения женщины, той, ради которой строился дом, вкладывались усилия в разработку земли, и которая теперь, во время разговора, вместе с дочерью размышляет о том, как им управляться с

участком и домом без отца семейства. Пятеро разрабатывали свои участки в сложное время середины 1980-х – начала 1990-х. (М.Г. начал раньше, в 1982, и был в привилегированной ситуации и по ряду других причин). Если для М.Г., Л.А. и Р.Ф. дачи – это семейные проекты, где усилия поделены между супругами, то остальные трое рассказывают мужские (А.В. и Ю.А.) и женскую (Т.А.) истории одинокого освоения участка.

Фокус исследования на речевых действиях потребовал очень детальной расшифровки аудиозаписей собранных интервью. Тем не менее, я не стала пользоваться специализированными системами условных знаков, разработанными для фиксации мелких деталей устной речи в диалектологии или в разговорном анализе. Как представляется, ключ к решению поставленных задач – наблюдению речевых действий во время интервью и их культурной контекстуализации – это совмещение внимания к деталям процесса и контекста говорения и к содержанию, к тому, о чем говорят. Для этого необходимо, чтобы транскрипты (расшифровки) легко читались, в то время как обилие специальных нотационных знаков затрудняет чтение. Поэтому я пользовалась минимальным набором условных обозначений (см. **Приложение 3**), который представляет собой значительно упрощенную систему знаков, разработанную для расшифровок интервью в серии «Обнинских проектов» (вклад в разработку этой системы сделали, прежде всего, один из руководителей проекта Г.А. Орлова, а также Ю. Градович, Е. Проненко и другие расшифровщики).

Кроме интервью, я опираюсь в исследовании на материалы своих полевых дневников (ПД), которые вела по итогам интервью и наблюдений в различных садовых товариществах Ленинградской области, на общих собраниях садоводов и в Доме садоводов в Санкт-Петербурге.

Для реконструкции истории садовых товариществ и историко-культурного контекста моих разговоров с садоводами я обращаюсь к архивным документам, законодательным актам, специализированной и художественной литературе, а также к художественным фильмам, телепередачам и сериалам, точно – к материалам социальных сетей в Интернете. Чтобы восстановить вехи истории ленинградского любительского садоводства, я изучила архивные протоколы заседаний Ленинградского горисполкома и материалы к ним с 1956 по 1991 гг. (ЦГА СПб, фонд 7384). Кроме того, я работала с архивом месткома Главзапстроя с 1981 по 1991 гг. (ЦГА СПб, фонд 9972), чтобы проследить становление отдельного садового товарищества в 1980-е гг. (время, когда получали участки многие мои информанты) и соотнести сведения из документов с рассказами М.Г., бывшего сотрудника этого предприятия. Дополнительным источником о садоводческой повседневности советского времени стал архив обнинской газеты «Вперед» 1950-х – 1980-х гг. Ленинград – большой город, садовые товарищества ленинградцев

(особенно те, что располагались на территории Ленинградской области) редко попадали на страницы ленинградских газет. Зато в единственной газете Обнинска, небольшого города в Калужской области, находилось место для освещения жизни садовых товариществ горожан. Для сравнения я точно обращаюсь также к корпусу интервью с обнинскими садоводами-любителями, которые собрала в 2013-2014 гг. в рамках проекта «Оцифрованная наука: техника, методология и этика создания гуманитариями открытых исследовательских баз данных» (один из «Обнинских проектов», руководители: А.Л. Зорин, Г.А. Орлова).

4. Теория и методы исследования

В предлагаемом диссертационном исследовании для решения задач полевой этнографии и социальной антропологии активно заимствуются идеи и методы лингвистической философии, литературоведения и исследований дискурса.

В основе исследования лежит тезис теории речевых актов Дж. Остина: при помощи слов люди могут совершать действия, т.е. некоторые речевые акты (высказывания) *перформативны* (не просто описывают мир, но и изменяют его) (Austin, 1962). Из этой перспективы главный вопрос диссертации можно сформулировать так: как выявить и описать перформативные высказывания в разговоре и в частности в интервью и как выявить и показать их связь с культурой, к которой принадлежат говорящие?

Для описания отношений между высказыванием и его контекстом в диссертации используются элементы терминологического аппарата этнографии речи – области социальной антропологии, где изучаются культурные аспекты речевого общения (Hymes, 1964). В отличие от Остина, который работал с вымышленными примерами высказываний, этнография речи занимается эмпирическим наблюдением конкретных ситуаций речевого взаимодействия, так что термин *речевой акт* здесь помещается в контекст и понимается как минимальная единица коммуникации. Для работы с контекстом в этнографии речи существуют термины *речевая ситуация* – типичная для сообщества практика, диктующая те или иные нормы речи, и *речевое событие* – набор речевых актов, которые разворачиваются в контексте той или иной речевой ситуации (Hymes, 1972a, 56).

Для осмысления ситуации интервью в терминах перформативности и речевых событий я обращаюсь к диалогической (полифонической) теории М.М. Бахтина, которую он предложил для описания устройства литературных произведений особого типа. Автор диалогического романа не подчиняет героев своему монологическому повествованию, но дает им возможность самим проявить себя с собственных субъектных позиций: «...множественность равноправных

сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» (Бахтин, 1972, 7). Автор «не убеждает, а организует голоса, сопрягает смысловые установки» (Там же, 157). Таких голосов в одном эпизоде может быть несколько, и тогда можно наблюдать не диалог, а многоголосье – гетероглоссию или полифонию. Если исследовательское интервью рассматривается как полифоническая коммуникация, это означает следующее:

1. Интервьюер – это не источник влияния на рассказ информанта, а полноценный участник беседы. Все участники полифонической коммуникации – равноправные носители своих взглядов, которые соплагаются, сталкиваются, пересматриваются и меняются в ходе разговора.

2. Расширяется определение знания, источником которого является интервью. В диалоге знание не просто конструируется между участниками и в их соавторстве, но оно ещё и само по себе событийно, разворачивается во взаимодействии (Там же, 147).

Для выявления и описания речевых действий, совершаемых участниками интервью, и их эффектов в диалогическом взаимодействии в диссертации применяется теоретико-методологический аппарат прагматики дискурса, в частности, *теория позиционирования* Р. Харре (Harré, van Langenhove, 1999), а также элементы семиотической теории композиции Б.А. Успенского (Успенский, 1970) и *анализа коммуникативного взаимодействия* или *конверсационного анализа* (conversation analysis) (КА) (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974).

Для установления связи между конкретными речевыми взаимодействиями и культурными практиками используется теория *речевых жанров* М.М. Бахтина, а также метод *насыщенного описания* К. Гирца, *этнометодологический* подход Г. Гарфинкеля и метод *критического дискурс-анализа* Н. Ферклафа (в разных версиях транслитераций: Феркло, Фэрклоу). Теория речевых жанров выявляет устойчивые типы высказываний, характерные для тех или иных сфер человеческой деятельности или культурных доменов (Бахтин, 1997). Насыщенное описание (thick description) – это концептуализация этнографического метода, предложенная К. Гирцем (Geertz, 1973). Гирц описал занятие этнографа как постоянное добавление новых контекстуальных пояснений к описанию событий, так чтобы происходящее стало понятно внешнему наблюдателю, далекому от этой культуры. Информацию о контексте этнограф черпает из наблюдения за представителями изучаемой культуры, описывая фоновое, очевидное для носителей культуры знание. Этнометодологический подход позволяет создать насыщенное описание не только ритуалов, экономических обменов и других традиционных объектов наблюдения этнографа, но и коммуникативного взаимодействия, например, интервью. Гарфинкель рассматривает взаимодействие и, в частности, коммуникацию как совместное достижение участников. В фокусе внимания этнометодологии – фоновое знание, которое делает

возможным пониманием или непониманием, и совместные действия, которые делают возможными совместное переживание того или иного сенсорного опыта, т.е. его объективацию и превращение в культурную категорию (Гарфинкель, 2007; Попова, 2017). Критический дискурс-анализ (КДА) используется в исследовании для реконструкции культурных ресурсов, к которым обращаются участники интервью, чтобы обосновать свои действия или доводы в связи со специфическим культурным доменом любительского садоводства горожан (Jorgensen, Philips, 2002; Фэрклоу, 2015).

5. Степень изученности темы

5.1. Этнография разговора

В антропологии есть несколько направлений, которые так или иначе интересовались разговором: этнография речи, культурные исследования коммуникативного взаимодействия, исследования нарратива, постмодернистская этнография 1980-х гг.

Программу этнографии речи предложил американский антрополог Д. Хаймс в серии работ 1960-х гг. (Hymes, 1962; Hymes, 1964). Новая область должна была пролить свет на «слепое пятно» между лингвистическими и антропологическими исследованиями, где оказались социальные причины и последствия лингвистических явлений. Именно в этой традиции выполнено единственное антропологическое исследование, специально посвященное русским разговорам (Ries, 1997; Рис, 2005). В повседневных разговорах москвичей перестроечного времени Нэнси Рис обнаружила черты ритуализованной коммуникации и признаки фольклорных жанров. Исследовательница рассматривает разговоры как важный социальный ритуал разрядки и средство воспроизводства ценностей и социального порядка в русской культуре в целом и в ситуации перестроечных лет в частности. Парадоксальным образом, однако, Рис очень мало работает с разговором как таковым, с его формальным и содержательным устройством. Многие разговоры, приведенные в ее книге, – это, по сути, монологические нарративы. Основное внимание уделяется общекультурным смыслам русского разговора как ритуала.

Извлечение культурных смыслов из детального анализа взаимодействия в разговоре провозглашалось задачей «культурно контекстуализированного конверсационного анализа» (Moerman, 1988) или, другими словами, культурных исследований коммуникативного взаимодействия. Это адаптация к задачам социальной антропологии метода анализа коммуникативного взаимодействия, который был разработан социологами, последователями

Г. Гарфинкеля, для наблюдения работы социальных правил на материале естественно протекающих взаимодействий (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974; Корбут, 2015). Антрополог, специалист по этнографии Таиланда, М. Мурман объявил культурные исследования коммуникативного взаимодействия альтернативой абстрациям структурализма и полноценной реализацией программы интерпретативной антропологии К. Гирца (Moerman, 1988, 87). В своей книге на основе детального анализа эпизодов коммуникации, записанных им в тайской деревне, он предложил «насыщенные описания» этих разговоров, поясняя для читателя их культурные и социальные контексты (Moerman, 1988). Мурман полагал, что работа с конкретными эпизодами коммуникации позволяет не только увидеть, но и убедительно продемонстрировать, как культурные коды и символы работают в повседневных взаимодействиях (Moerman, 1988, 79, 100). После этого многие антропологи модифицировали метод конверсационного анализа для своих задач, но фокус их интереса неизменно оставался ближе к локальным коммуникативным практикам, чем к более широким культурным контекстам. Так, М. Гудвин показала, как в конфликтной коммуникации между чернокожими девочками из рабочего района Филадельфии создается и поддерживается локальный порядок взаимоотношений и действует неписаное право (Goodwin, 1990). Дж. Сиднелл рассматривал устройство локальной эмпирической эпистемологии в гайанской деревне: как люди, взаимодействуя между собой в повседневной жизни, различают знание и верование, факт и фантазию, реальность и иллюзию (Sidnell, 2005). Н. Беснир на материале записей разговоров полинезийских сплетников смотрел, как темп речи, рисунок пауз и повторов, локализация и распределение смеха позволяют участникам управлять балансом власти и солидарности в политически непростой ситуации передачи сплетни (Besnier, 2009).

В 1990-е и 2000-е интерес к разговору начинают проявлять исследователи нарратива, который традиционно изучался как монологическое повествование. Антрополог Э. Окс и психолог Л. Кэппс в книге, обобщающей результаты их многолетних совместных исследований, прежде всего, детской речи и нарративных практик в американских семьях выделяют два вида нарративных практик: *нарратив* и *конверсационный нарратив* (conversational narrative) (Ochs, Capps, 2001, 3). Позднее, представляя эту модель в коротком обзорном тексте, Окс называет их просто *нарративная практика 1* и *нарративная практика 2* (Ochs, 2004). В отличие от практики 1, практика 2 диалогична, неразрывно связана с течением разговора, предлагает тезисы, открытые для изменений. Задача практики 2 – предложить опыт для обсуждения, опробовать разные способы его упорядочивания и осмысления, помочь познанию и изменению себя (Ochs, 2004, 279, 285). Окс констатирует, что подавляющее большинство исследователей нарратива заняты только нарративными практиками первого типа,

то есть теми, которые минимально принимают в расчет интерактивность (Ochs, 2004, 279). Ей вторят исследовательницы дискурса А. Георгакопулу и А. де Фина в серии работ 2000-х гг. Отталкиваясь от методических наработок и концептуальных аппаратов анализа коммуникативного взаимодействия, прагматики дискурса и лингвистической антропологии (включая упомянутую модель Окс и Кэппс), они предлагают собственный подход к нарративу, который называют «анализом нарративов во взаимодействии» (*analysis of narratives-in-interaction*) (Georgakopoulou, 2006) или «подходом социального взаимодействия» (*social interactional approach*) (de Fina, Georgakopoulou, 2008, 379).

Американская постмодернистская этнография 1980-х гг. обратилась к разговору и теории полифонического романа Бахтина в поисках выхода из кризиса репрезентации, который представители этой парадигмы констатировали в социальной антропологии эпохи деколонизации. Один из ключевых авторов этого направления Дж. Клиффорд, анализируя разные способы создания этнографических текстов, считает признаками новой этнографии, отвечающей современным условиям, чуткость к интересубъективности, многоголосью и контекстуальной обусловленности этнографического знания, способность принимать во внимание и выводить на поверхность разные перспективы (Clifford, 1983). Полифонический этнографический текст можно создать, например, при помощи обильного цитирования разговоров, которые велись в поле, или представив само исследование как долгий разговор двоих или процесс переговоров с разнообразными участниками (Clifford, 1983, 134-139). Однако для постмодернистских этнографов разговор – это всего лишь одна из ситуаций, где можно уловить множественность контекстов, дискурсов и перспектив, с которыми антрополог сталкивается в поле, а цитирование разговора – одна из возможных форм репрезентации этой множественности. Устройство разговора и действия, совершаемые его участниками при помощи слов, исследователей этого направления не интересуют.

Интервью как особая разновидность профессионального исследовательского разговора редко привлекает внимание социальных антропологов и этнографов. Пионерской здесь является книга Ч. Бриггса «Научиться спрашивать: социолингвистическая оценка роли интервью в социальном исследовании» (Briggs, 1986), написанная в русле этнографии речи и посвященная влиянию речевой ситуации интервью на его содержание. Опираясь на свой полевой опыт среди испаноговорящих жителей штата Нью-Мексико, Бриггс подробно рассматривает речевую ситуацию интервью, «процедурные проблемы», которые могут в ней возникнуть, и их эвристическую ценность. Он показывает, что интервью нужно интерпретировать не только как свидетельское описание реальности, но и как речевое событие, тесно связанное с локальным контекстом – заданными вопросами, развитием отношений между

участниками и др. Исследователь также замечает, что нужно принимать во внимание не только локальный, но и общекультурный контекст интервью, включая коммуникативные компетенции его участников и доступные им репертуары метакоммуникативных практик.

Обзор М. Ковен – первый после Бриггса антропологический текст, который, не концентрируясь на специфическом случае, специально посвящен особенностям интервью как речевого события (Koven, 2014). Отбирая и сортируя разрозненные идеи и случаи, Ковен из антропологической перспективы, во многом опираясь на Бриггса, формулирует вопросы к исследовательскому интервьюированию в современном обществе, где интервью стало общеизвестной и распространенной практикой:

- как участники взаимодействия создают и поддерживают речевой жанр интервью?

Следуя методологии КА, Ковен рассматривает поддержание конвенциональных рамок интервью как совместное достижение участников (Ibid., 508, 511).

- как интервью сосуществуют с другими речевыми жанрами (повседневной беседой, исповедью, школьным уроком и т.п.)? Жанровые границы интервью нестабильны и проницаемы. Чтобы описать это явление, Ковен использует термин «интертекстуальность», введенный Ю. Кристевой, но восходящий к бахтинской диалогичности на уровне отношений между текстами (Ibid., 506).

- какие лингвистические идеологии, т.е. устойчивые аксиомы относительно природы языка и коммуникации, стоят за пониманием интервью, характерным и для исследователей, и для их собеседников? (Ibid., 503-504).

- как интервью соотносятся с контекстами их производства и дальнейшей циркуляции? (Ibid., 511-512).

Можно, таким образом, отметить две волны интереса к разговору в социальной антропологии: направления, которые сложились вокруг этнографии речи Д. Хаймса в 1960-1980-е годы и сейчас иногда объединяются под вывеской лингвистической антропологии, и постмодернистская этнография 1980-х. Однако если положения постмодернистской этнографии были настолько широко восприняты, что стали рутиной и зачастую утратили первоначальный критический запал, то лингвистическая антропология инкапсулировалась в отдельную область исследований и ее инструментарий, за редкими исключениями, не вошел в общее употребление антропологов. Разговоры попадают в современные этнографические тексты главным образом в составе цитат из интервью или насыщенных описаний полевых ситуаций. При помощи цитат создаются риторические конструкции диалога, где «поле» говорит, а исследователь дает аналитический комментарий к сказанному, или монолога «поля», которое говорит «само за себя». Насыщенные описания позволяют и ввести в текст голоса информантов, и создать

иллюзию погружения в поле, чтобы исподволь подвести читателя к нужным автору текста выводам.

5.2. Дачные разговоры

Дачные разговоры сами по себе до сих пор не были объектом специального внимания исследователей дач. Однако дачи представляют собой пример того самого урбанизированного поля, к которому легче всего получить доступ через интервью с дачниками. Ведь даже если полевик арендует дачу на лето или сам является владельцем дачи, доступ к повседневной жизни соседей для него будет ограничен, а в их городские квартиры он сможет попасть только на короткое время визита в гости или встречи для интервью. Полевые исследования дачной культуры начались в 1990-е гг. и в значительной степени опираются на интервью и другие жанры разговоров с дачниками. Эти тексты не только позволяют проследить динамику формы и содержания дачных разговоров за последние три десятка лет, но и демонстрируют принятые в социальных исследованиях способы работы с полевыми разговорами.

В 2000 г. И. Чеховских защитила диссертацию, где исследовала мотивы дачного труда, который выглядит совершенно нерациональным с точки зрения капиталистической экономики (Чеховских, 2000). Она выбрала метод нестандартизованного (открытого) интервью, поскольку была уверена, что это лучший способ получить информацию о неформальных экономических практиках, связанных с дачами в 1990-е гг., и собрала 20 интервью с владельцами садовых и огородных участков из Петербурга и Новой Ладogi. Договоренность об интервью исследовательница использовала как повод, чтобы попасть на дачный участок и провести включенное наблюдение за дачными практиками респондентов. Как и я, Чеховских проводила полуструктурированные глубинные интервью, но при этом строго следовала методу сбора и анализа нарративного биографического интервью, разработанному Ф. Шютце. Это значит, что она стремилась получить от своих респондентов как можно более спонтанные повествования о моментах их биографии, связанных с дачами, и как можно меньше вмешиваться в ход рассказа, максимально нейтрализовать свое присутствие в ситуации интервью. В выбранной ею парадигме считается, что присутствие интервьюера должно превращать респондента в рассказчика, побуждать его следовать конвенциям создания биографического нарратива, принятым в его культуре, и не более того. И что структура полученного таким образом рассказа соответствует структуре жизненного опыта рассказчика и не зависит от ситуации интервью (Чеховских, 2000, 61-68). Интервью, таким образом, рассматривается как монологический рассказ, независимый от контекста рассказывания. Чеховских находит в своих интервью, во-

первых, свидетельства о трансформациях дачных практик на протяжении XX в., во-вторых – значения, которыми ее респонденты наделяют дачи. В частности, она обнаружила, что в современном (на конец 1990-х гг.) понимании неэлитная дача неразрывно связана с сельскохозяйственным трудом и большими трудовыми усилиями.

Н. Гальц в 2000 г. защитила диссертацию по исторической социологии советской и постсоветской неэлитной дачи, а в 2004 г. опубликовала статью на ее основе (Galtz, 2000; Galtz, 2004). При помощи теории пространства А. Лефевра и этнометодологического подхода Г. Гарфинкеля она хотела получить доступ к жизненному миру обычного советского человека. Полевую работу исследовательница проводила в дачном кооперативе и садоводческом товариществе в Подмосковье в 1997 и 1998 гг. Она брала полуструктурированные интервью и просто беседовала с 44 дачниками, а также старалась почаще бывать у них на дачах, чтобы вести включенное наблюдение. Как и Чеховских, Гальц находит в интервью свидетельства более ранних периодов истории дач, значения, которыми ее собеседники наделяют дачи и дачные практики, а также наблюдает функционирование важных для понимания дачной культуры категорий: «простота», «свое», «доставать» (Galtz, 2000, 48-49). Но при этом она глубже работает с само собой разумеющимся и обращает внимание на умолчания, скрывающие общее знание, когда, например, информантка лишь машет рукой в ответ на вопрос о том, как ей удалось достать листы металла для своих террасных грядок (Galtz, 2004, 180). Конкретные ситуации разговоров и их динамика не привлекают внимание Гальц, хотя она внимательна к тому, кто с кем говорит, и приводит много цитат из расшифровок. Зато американский социолог подмечает действия, которые дачники совершают при помощи слов в более широких масштабах, когда дискурсивно создают и поддерживают тот или иной пространственный опыт. Так, ее информантка, которая настаивает, что в ее садоводстве все друг друга знают, на самом деле, как оказалось, не знакома даже с некоторыми ближайшими соседями. Но при помощи таких высказываний она создает вокруг себя пространство, субъективно ощущаемое как безопасное, где можно спокойно ходить и отпускать детей одних (Galtz, 2000, 64). Тонко работая с высказываниями, Гальц обращается и к внедискурсивным практикам дачников и замечает, как в постоянных обходах участка рождается особое практическое знание о садоводстве, укорененное в повседневном опыте и постоянном экспериментировании (Ibid., 313). Она выделяет такие особые дискурсивные практики (понятие «жанр» она не использует), как экскурсия по участку и дискуссии о садоводстве, и особо останавливается на последних, описывая, как обмен садоводческим практическим знанием мобилизует сети общения от соседей до коллег по работе и выплескивается на страницы журнала «Приусадебное хозяйство» (Ibid., 320, 334).

В 2003 г. С. Ловелл выпустил книгу по истории дачной жизни в России с петровских времен, где в разделе о XX в. тоже обращается к интервью (Lovell, 2003; Ловелл, 2008). Он сам собирал «неформальные этнографические интервью», т.е. попросту беседовал с людьми об их дачах, а также использовал корпус, собранный И. Чеховских в ходе описанного выше проекта. Кроме того, в 1999 году Ловелл объявил «конкурс дачных биографий» в московских и петербургских газетах и таким образом получил ещё 20 письменных текстов личных воспоминаний. Он не только ищет в этих источниках исторические свидетельства, но и отслеживает общие места, характерные образы и культурные процессы (не особенно вдаваясь в подробности). Например, реконструирует позитивный образ «практичного, умелого, решительного» дачника позднесоветской эпохи или констатирует, что участки актуализируют связь национальной гордости и тяжелого труда на земле. Кроме того, Ловелл обращает внимание на саму практику разговоров о садоводстве, которые легко завязываются между незнакомцами в транспорте, и на этом основании трактует садовые участки как один из самых сильных факторов интеграции в постсоветской России (Ловелл, 2008, 233, 266).

Небольшая работа Дж. Зависка оказалась ближе всего к предлагаемой мной методологии исследования дачных разговоров. В своей статье, написанной на основе интервью и наблюдений в Калуге в 2001 и 2002 гг., Зависка фокусируется на одном жанре дачных разговоров того времени – дебатах о дачном труде (Zavisca, 2003). Вопрос целесообразности, рациональности трудовых вложений в хозяйствование на даче занимает не только экономистов и социологов (помимо работы Чеховских, существует также дискуссия в литературе, которая получила название «dacha debate» и основывается на количественных исследованиях 1990-х гг. (Rose, Tikhomirov, 1993; Seeth, Chachnov, Surinov, 1998; Clarke, Varshavskaya, Alasheev et al, 2000)), но и самих дачников. Отношение к дачному труду оказалось индикатором позиции по отношению к переходу к рыночной экономике в целом, его морали и рациональности (Zavisca, 2003, 786). Те, кому удалось встроиться в новую экономику, считали труд на участке советским пережитком и пользовались дачами только для отдыха, в то время как менее преуспевшие отстаивали моральную ценность физического труда на земле. Зависка предлагает типологию дискурсов о даче, чтобы продемонстрировать всю сложную палитру позиций по отношению к экономическим трансформациям, характерную для России переходного периода:

1. Дискурсы о труде и досуге: дача – это (приятный) труд vs дача – это вообще не труд, а досуг;
2. Дискурсы о ценности: дачный урожай бесценен vs купить на рынке дешевле;
3. Дискурсы об автономии: дача – царство автономии vs дача – тяжкий груз (Zavisca, 2003).

Опираясь на теории дискурса М. Фуко и П. Бурдьё, Зависка рассматривает дискурс как способ интерпретации практик, который легитимирует, делает возможными те или иные формы рациональности и власти (Zavisca, 2003, 791). Она не только распределяет отдельные цитаты из своих полевых материалов по перечисленным типам дискурса, но и в духе бахтинского диалогизма показывает, как разные позиции сталкиваются и разворачиваются прямо в разговорах, между членами семьи или гостями за обеденным столом. В то же время, исследовательница не анализирует сами ситуации разговоров и не наблюдает за действиями, которые собеседники производят при помощи слов. Ее интересует только содержание позиций, которые они высказывают, и их связь с социальными и демографическими характеристиками говорящих – образованием, родом занятий, доходом, возрастом и т.п.

И, наконец, монография М. Колдуэлл, опубликованная в 2011 г., целиком посвящена этнографии российской дачи (Caldwell, 2011). Колдуэлл ведет исследования в России с 1995 г. и много раз бывала на дачах своих знакомых, но только в 2005 специально посвятила полевой сезон даче и провела лето в дачном кооперативе в Тверской области. Ее полевой архив насчитывает несколько сотен бесед с дачниками и о дачах (Caldwell, 2011, 23).

Исследовательница не впадает в различия между разными формами организации дачной жизни в России, поскольку ее интересуют, прежде всего, отношения российских горожан с природой. Колдуэлл отмечает мощное дискурсивное измерение дачи в российской культуре: когда она начала искать информантов для интервью, к ней выстроилась длинная очередь, и даже за границей российские эмигранты и студенты охотно говорили о даче (Caldwell, 2011, 22-23). Неудивительно, что большие цитаты из групповых интервью, разговоров и отдельных реплик составляют значительную долю ее книги. Следуя канону этнографического письма, заданному постмодернистским поворотом 1980-х, Колдуэлл не только иллюстрирует цитатами свои тезисы, но и позволяет идеям разворачиваться, усложняться прямо в цитируемых разговорах, так что читатель погружается в создаваемую в тексте действительность и вместе с автором приходит к выводам. Этот эффект усиливается подробными описаниями обстоятельств разговоров, их хода, смены тем. Колдуэлл обращает внимание не только на то, как в речи присваиваются значения и функционируют категории, например, «дали» в рассказе о получении дачи или «отдых» и «активный отдых» в описании дачных занятий (Caldwell, 2011, 7, 43, 69). Как и Гальц, она останавливается на расхождении между словами и реальностью, когда ее информанты прославляют тишину и уединение на даче, в то время как на самом деле их крохотный участок зажат между огромными домами соседей, или восхищаются прелестями простоты своего дачного домика, а потом строят вместо него роскошный загородный коттедж

(Caldwell, 2011, 3, 121). Но для Колдуэлл все это примеры устойчивых дискурсивных практик, которые она, лишь отчасти следуя за Н. Рис, описывает в терминах не жанров, а ритуализованной коммуникации. Она обращает внимание на ритуал экскурсии по участку или всему поселку для гостей и ритуализованный характер «комментария» во время такой прогулки, на ритуализованное соревнование историй о тяготах пути на дачу (Caldwell, 2011, 24, 52). И предполагает, что риторические тактики, которые локализуют дачный опыт отдельно от повседневности («дача – другая планета»), призваны защитить дачную жизнь от внешнего непонимающего взгляда и помочь разрешить противоречия дачной жизни, вынося их за скобки обыденной действительности (Caldwell, 2011, 45). При этом, однако, несмотря на обилие цитат, Колдуэлл не разбирает конкретные случаи функционирования категорий или работы речевых приемов, зачастую предоставляя цитатам говорить самим за себя.

6. Научная новизна исследования

В диссертационном исследовании впервые на русском материале разговор рассматривается одновременно как коммуникативное взаимодействие и как культурная практика, подлежащая этнографическому изучению. В научный оборот вводятся разговоры с дачниками на дачные темы (*дачные разговоры*), описывается их коммуникативное и культурное своеобразие. В работе впервые предлагается и применяется на эмпирическом материале методология этнографического исследования разговоров на основе полевых интервью. Опираясь на положения этнографии речи Д. Хаймса, исследование продолжает методологические разработки Ч. Бриггса и М. Мурмана и отвечает запросу на этнографические исследования полевого интервьюирования, который сформулировала М. Ковен. При этом в отличие от М. Мурмана, я работаю с полевыми интервью и использую более разнообразную линейку методов, включая позиционный анализ, анализ внутренних диалогов, понятие коммуникативных проектов, элементы сенсорной этнографии. В отличие от Ч. Бриггса, я работаю с интервью, где исследователь и информанты являются носителями одной культуры. В отличие от существующих этнографических исследований дискурсивных практик, предлагаемая этнография разговора включает не только анализ культурных смыслов дискурсивных практик, но и описание конкретных примеров этих практик в исследовательских интервью, т.е. демонстрирует, как культурные смыслы работают в конкретных речевых событиях.

7. Положения, выносимые на защиту

1. Превращение исследовательского интервью с дачниками в разновидность *дачных разговоров* – это эпистемологическая операция, которую можно произвести при помощи диалогической теории М.М. Бахтина, этнографии речи (Д. Хаймс, Ч. Бриггс), конверсационного анализа (Х. Сакс, Ч. и М. Гудвины) и теории позиционирования (Р. Харре). Осмысление исследовательского интервью как контекстуально специфичного речевого взаимодействия, разворачивающегося в рамках культурных конвенций собеседников, позволяет применить этнографический подход как к самим исследовательским интервью, так и к материалам, полученным в ходе интервьюирования.
2. Современные русские дачные разговоры (беседы с дачниками на дачные темы) обладают специфическим формальным, содержательным и коммуникативным устройством, которое можно выявить эмпирически и описать, обратив внимание на используемые собеседниками репертуары тем, позиций, объяснительных моделей, риторик, способов взаимодействия.
3. Современные разговоры о возделывании садовых участков и дачной жизни, начавшейся в период «садоводческого бума» 1980-х — 1990-х гг., несут на себе отпечаток социальных и экономических практик переходного периода, смены социально-экономического порядка, адаптации к новым условиям рынка, а также актуального на момент беседы процесса смены поколений дачников. Осмысление дачного опыта в этих разговорах опирается на гетерогенный набор объяснительных моделей, где сочетаются наследие прежних эпох (дореволюционный гигиенистский дискурс, позднесоветский дискурс о труде-творчестве), специфические для эпохи «садоводческого бума» попытки наделить возделывание садового участка значением через сходные социальные практики, позиции и отношения (крестьянский дискурс и дискурс автономии) и новые прочтения старых идей в современных условиях (переосмысление труда на садовом участке из перспективы дискурса автономии, переосмысление всего прежнего набора ценностей, связанных с садовым участком, из конспирологической и пережиточной перспектив).

8. Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость предлагаемой работы определяется ее вкладом в этнографические исследования речевого взаимодействия и, в частности, речевого жанра исследовательского интервью, а также в дискуссии о применении теории речевых актов Дж.

Остина и диалогической теории М.М. Бахтина в социальноантропологических исследованиях. Предлагаются конкретные способы интеграции методов, разработанных в узкой области этнографии речи или лингвистической антропологии, в широкую линейку методов этнографии и социальной антропологии. Кроме того, работа на эмпирическом материале делает вклад в исследования русских разговоров как культурных практик, исследования культуры позднесоветских и российских незлитных дач, позднесоветской и российской городской повседневности и культуры труда и досуга, а также современной памяти о перестроечном периоде и 1990-х гг. Полученные результаты могут использоваться для разработки методологии этнографических исследований, опирающихся на материалы полуструктурированных интервью или спонтанных разговоров, и прежде всего – для этнографии и антропологии современного города, а также в исследованиях позднесоветской и российской незлитной культуры и речевых практик.

Текст диссертации может использоваться для подготовки курсов лекций и учебных пособий по этнографическим методам, исследовательскому интервьюированию и лингвистической антропологии, а также по городской этнографии и антропологии и культуре позднесоветского и российского общества. Материалы диссертации уже использовались при подготовке лекции для студентов из Финляндии, изучающих русскую культуру, (2012), выступления на XI Байкальской международной школе социальных исследований «Рабочие языки памяти» (2018), а также для реализации коллективного исследовательского проекта «Социальная история России (1990-е годы)» в 2017–2018 гг. (при финансовой поддержке Фонда «Президентский центр Б. Н. Ельцина») и студенческого проекта «Перестройка и 1990-е годы в зеркале дачных разговоров» на департаменте истории НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге в 2018-2019 учебном году.

9. Степень достоверности и апробация результатов

Степень достоверности проведенного исследования обеспечивается использованием собранных автором полевых материалов – интервью с владельцами садовых участков в Санкт-Петербурге в 2007-2011 гг., их сопоставлением с другими источниками: архивными документами, периодикой, художественной литературой и публицистикой, – и помещением в контекст исследовательской литературы.

Основные результаты диссертационного исследования были представлены в докладах автора на следующих конференциях: «Конструируя “советское”? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (ЕУ СПб, Санкт-Петербург, 2010, 2012),

Общеуниверситетская конференция «Выставка достижений научного хозяйства» (ЕУ СПб, Санкт-Петербург, 2011, 2017, 2018), the 6th ESEH Conference «Encounters of Sea and Land» (Турку, Финляндия, 2011), «Urban development and politics in Europe and Russia» (Санкт-Петербург, 2011), Казанские чтения по социокультурным исследованиям (Казань, 2012), «Российское общество в поисках публичного языка: вчера, сегодня, завтра» (ЕУ СПб, Санкт-Петербург, 2013), «Still Postsocialism? Cultural Memory and Social Transformations» (Казань, 2013), «Проекты модерности: конструируя “советское” в европейской перспективе» (Пермь, 2013), X Конгресс Этнографов и Антропологов России «Современный город и социально-культурная модернизация России» (Москва, 2013), 15th Annual Aleksanteri conference «Culture and Russian society» (Хельсинки, Финляндия, 2015), Четвертые научные чтения памяти К.В. Чистова «Русский Север: утопии и мобильности» (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2017), Международный научный семинар «Постаграрная деревня: экономики, стили жизни, отношения» (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2018), Радловские чтения (МАЭ РАН, Санкт-Петербург, 2019). Также фрагменты диссертации и промежуточные результаты исследования обсуждались на исследовательских семинарах факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (2007-2009). По теме диссертации опубликовано 10 статей (из них 3 опубликованы также в переводе на английский), в том числе 4 – в изданиях, рекомендованных Всероссийской аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ.

10. Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников, списка литературы и четырех приложений. В первой главе дается обзор социальноантропологических исследований разговора и, в частности, интервью, а также предлагается теоретическая рамка и инструментарий для анализа интервью как полифонического речевого события. Во второй главе излагается краткая история того явления культуры, которому посвящен исследуемый в работе корпус интервью – садоводческих товариществ как формы организации загородного отдыха позднесоветских и российских горожан. В главе прослеживается путь садоводческих товариществ рабочих и служащих от способа решения продовольственных проблем послевоенных советских городов к площадкам для возрождения «хозяйственности» в перестройку и, наконец, к «школам демократии» и распутью постсоветского времени. Особое внимание уделяется культуре садоводств периода «садоводческого бума» конца 1970-х – начала 1990-х гг., поскольку именно это время в основном обсуждается в интервью. В третьей главе

продолжается реконструкция историко-культурного контекста рассматриваемых интервью. При помощи метода критического дискурс-анализа выявляются устойчивые способы осмысления любительского садоводства горожан в современной российской культуре – ресурсы, к которым обращаются участники интервью, чтобы придать смысл своему садоводческому опыту. Среди них: гигиенистский дискурс, восходящий к ещё дореволюционной дачной традиции, позднеосоциалистический дискурс о труде – творчестве, крестьянский дискурс, дискурс автономии и ряд гибридных дискурсивных образований. В четвертой главе дается реестр речевых жанров дачных разговоров, которые встречаются в базовой части рассматриваемого корпуса интервью, а также на конкретных эмпирических примерах демонстрируются методы выявления и описания проявлений устойчивых культурных форм в речевых действиях участников интервью. При помощи динамической настройки позиций, манипулирования точками зрения и других речевых действий собеседники в интервью инсценируют столкновения разных интерпретаций и конфликты поколений. Раскрыть скрытое «второе дно» коммуникации, реконструировать конфликтующие интерпретативные рамки, вывести на поверхность общее фоновое знание собеседников помогает метод насыщенного описания. Также в главе показано, как, анализируя интервью, исследователь постоянно двигается между двумя позициями наблюдения: участника разговора и внешнего наблюдателя. В диссертации используются разные методы анализа интервью с разной степенью приближения. Во второй главе интервью выступают как источники сведений об историческом периоде (традиционное использование для исторических и социальноантропологических исследований). Такой масштаб, средней величины, позволяет работать с содержанием сказанного и, сопоставляя высказывания с другими источниками, реконструировать события и атмосферу эпохи. В третьей главе интервью наравне с другими источниками выступают как одна из площадок, где реализуются интерпретативные схемы того или иного дискурса, и с их помощью удается реконструировать эти схемы и дополнить историко-культурный контекст рассматриваемых разговоров. И, наконец, в четвертой главе используется предлагаемая автором сборка инструментов, которая обеспечивает оптику максимального приближения и наибольшую чувствительность к локальным контекстам высказываний и диалогической составляющей интервью. Вторая и третья главы диссертации необходимы, чтобы насытить контекстуальными деталями крупномасштабный анализ разговоров в четвертой главе, проследить связь между конкретными взаимодействиями и большими историко-культурными процессами. Обращаясь к разным методам анализа интервью для выполнения разных исследовательских задач, я отдаю должное каждому из них.

Глава 1. Разговор, интервью, диалог: речевое взаимодействие в социальной антропологии

1.1. Антропологическое изучение разговора

Разговор как коммуникативное событие – давний объект интереса антропологов, работающих с речью. Начало этому направлению положила программа этнографии речи Делла Хаймса, представленная им в нескольких работах 1960-х гг. (Hymes, 1962; Hymes, 1964). Новая область была призвана изучать проблематику, которая до тех пор ускользала от внимания и антропологов, и лингвистов – коммуникацию в социальном и культурном контексте.

К тому моменту изучением интерактивной, социальной природы языка занималась лингвистическая философия (теория речевых актов Дж. Остина, аналитическая философия языка Л. Витгенштейна), начали уделять этому внимание и лингвисты. В частности, Р. Якобсон, автор модели коммуникативной ситуации, был одним из вдохновителей и ориентиров Хаймса (Hymes, 1962, 13). Хаймс принес эту повестку в антропологию, и в ответ стало расти количество антропологических исследований коммуникативных взаимодействий. Сейчас в американской научной традиции эта тематика включается в область лингвистической антропологии (Duranti, 1997), в российской – в область социолингвистики (Вахтин, Головкин, 2004). Параллельно, на страницах тех же самых журналов и сборников по антропологии и лингвистике, где публиковался Хаймс, развивались направления конверсационного анализа и нарративного анализа, в центре каждого – собственный метод работы с устной коммуникацией.

1.1.1. Разговор как ритуал: исследования ритуализованной коммуникации

В 1980-е гг. несколько американских антропологов, отталкиваясь от идей Хаймса, предложили программу «изучения культуры, сосредоточенного на дискурсе» (например: (Sherzer, 1987; Urban, 1991)). Это значит – изучать культуру в ее конкретных проявлениях в повседневном дискурсе, т.е. в речи в конкретной ситуации ее осуществления и разворачивания. Однако главным объектом интереса авторов программы стала ритуальная и ритуализованная коммуникация. Джоэль Шерцер и Грег Урбан полагали, что подобно тому, как в поэзии в наибольшей степени реализуется потенциал языка, в дискурсе ритуала можно наблюдать наивысшую концентрацию отношений языка и культуры (Sherzer, 1987). Поэтому они, работая

с индейцами Бразилии, анализировали исполнение мифов и заклинаний, причитания, дипломатические церемонии, торг, но мало касались повседневных разговоров.

Исследователи этого направления сочетали этнографические методы с элементами конверсационного анализа. Так, Урбан в своей статье о церемониальных диалогах у индейцев Южной Америки соблюдает равновесие между вниманием к контекстуальному значению этих диалогов и их формальным аспектам. Ему удается показать, как обязательный ритуальный отклик собеседника на каждую фразу (отчасти аналогичный знакомым нам фатическим «угу» в разговоре) превращает монолог в диалог и вынуждает участников исполнять, разыгрывать солидарность в тех ситуациях, где солидарность находится под угрозой: переговоры с чужаками, сватовство или иная просьба, война (Urban, 1986). Урбану важно продемонстрировать распространенность этой модели в масштабе Южной Америки, и он пользуется не только своими полевыми данными, но и чужими свидетельствами. В результате контуры конкретных ситуаций диалогов и фигуры их участников размываются, обретают статус типичных, а в аналитическом фокусе оказывается универсальная модель социального функционирования ритуального диалога.

Именно этой традиции следовала Нэнси Рис в единственном антропологическом исследовании, специально посвященном русским разговорам (Ries, 1997; Рис, 2005), но она решила применить подход дискурс-центрированного изучения культуры не к ритуальным, а к повседневным разговорам, и за счет этого получился интересный поворот: в обычной болтовне обнаружились черты ритуализованности. Исследовательница предлагает изучать повседневные разговоры как важный социальный ритуал разрядки, а также главное средство воспроизводства ценностей и социального порядка в русской культуре в целом и в ситуации перестроечных лет в частности. При этом общекультурный смысл ритуала русских разговоров явно интересовал Рис значительно больше, чем их формальное и содержательное устройство. Парадоксальным образом она очень мало работает с разговором как таковым: в какой-то момент разговоры в ее книге сливаются с монологическими нарративами и фактически перестают существовать в качестве особой культурной практики. Обрисовав общее функционирование литаний, Рис лишь мимоходом остановилась на интересном случае переключения между горизонтами самоидентификации в речи журналистки (Рис, 2005, 189), прежде чем окончательно уйти в реконструкции культурно-семиотического контекста русских lamentаций.

1.1.2. Разговор как социальный порядок и сцена культуры: антропологическое изучение коммуникативного взаимодействия

У истоков конверсационного анализа в 1960-е гг. стояли американские социологи Харви Сакс, Эммануэль Щеглофф и Гейл Джефферсон, которые работали в фарватере Ирвина Гоффмана с его интересом к «порядку взаимодействия» в конкретных социальных ситуациях и автора этнометодологии Гарольда Гарфинкеля, выявлявшего практические компетенции, необходимые для социального поддержания нормального хода вещей. В отличие от своих предшественников, однако, основатели КА считали принципиально важным изучать социальность не по вторичным источникам и искусственно сконструированным ситуациям, а на первичном материале естественно протекающих взаимодействий. Повседневный разговор заинтересовал их как наиболее доступный для изучения пример социальной практики, создающей локальный социальный порядок (Корбут, 2015, 122).

Кратко перечислю основные принципы КА (в своем отборе я опираюсь на обобщение, которое сделал Андрей Корбут в предисловии к первому русскому переводу статьи Сакса, Щеглоффа и Джефферсон, одного из основополагающих для КА текстов (Корбут, 2015), а также на учебник Джека Сиднелла (Sidnell, 2010) и обзорные статьи (Goodwin, Heritage, 1990; Clemente, 2013)):

1. Разговор – это полностью упорядоченный процесс. В нем нет лишних деталей. Каждая мелочь выполняет свою роль в создании и поддержании локального порядка разговора.
2. Локальный порядок разговора направлен на достижение взаимопонимания участников. Взаимопонимание в разговоре – совместное и ситуативное достижение, которое постоянно требует проверки и уточнения.
3. Собеседники непрерывно анализируют происходящее, отслеживая текущий статус взаимопонимания, и активно используют коммуникативные средства, чтобы продемонстрировать, проверить и скорректировать разделенное с другими понимание ситуации. Эти приемы – механизмы, процедуры, работающие в разговоре, и изучает КА.
4. Высказывания (комплексы вербальных и невербальных элементов) рассматриваются как действия. Значение реплики или иной детали разговора определяется через отслеживание ее непосредственных эмпирических эффектов в конкретном взаимодействии.
5. В основе метода КА лежит тщательный анализ детальных транскриптов аудио- и видеозаписей естественно протекающих (т.е. не спровоцированных исследователем в исследовательских целях) бесед. Гейл Джефферсон разработала специальную систему нотационных знаков для наложений, пауз, изменения тона и других важных элементов устной речи, в том числе невербальных (Jefferson, 2004).

Чтобы описывать способы достижения взаимопонимания в разговоре, разговорные аналитики создали специфический словарь. Основная единица речевого взаимодействия, выделяемая эмпирически, – *очередь* (*turn*, А. Корбут предлагает перевод «черед»). Смена очереди – главный двигатель разговора, в основе которого лежит простейшее правило: люди говорят по очереди. Нарушения механизма смены очереди: *задержка* (*gap*), *заминка* (*lapse*), *наложение* (*overlap*) (Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974; Сакс, Щеглофф, Джефферсон, 2015). Речевое взаимодействие в КА представляется как набор упорядоченных последовательностей реплик или *секвенций*. Именно секвенция составляет базовую единицу анализа в КА. Некоторые реплики образуют *смежные пары* (*adjacency pairs*), где инициирующая реплика создает условия релевантности для ограниченного репертуара ответных (например, приветствие или извинение) (Sidnell, 2010; Goodwin, Heritage, 1990, 289). Важнейший механизм обратной связи и корректировки понимания в текущей интеракции – *починка* (*repair*¹) (Sidnell, 2010, 111–136).

КА – это масштабный научный проект со своими специфическими задачами, которые связаны с изучением порядка разговора и реализуются через накопление больших коллекций эмпирических примеров разных ситуаций. Другие социальные дисциплины, работающие с разговором, адаптировали метод, разработанный КА, для своих задач. Среди них лингвистика, качественная социология, дискурсивная психология, антропология.

Антропологи, обратившиеся к методу КА, нашли в нем хорошо разработанную процедуру изучения того, как культурные явления производятся и функционируют в их естественной среде (т.е. в повседневных взаимодействиях) – в некотором роде радикальную реализацию методологической программы Малиновского. Работа с подробным транскриптом действительных коммуникативных взаимодействий позволяет свести к минимуму неизбежную деконтекстуализацию наблюдаемых явлений на стадии анализа, а также дает противовес от вольного вписывания локальных реалий в универсальные модели и далеко идущие исследовательские интерпретации (Goodwin, Heritage, 1990, 295; Clemente, 2013, 690-691). При этом если конверс-аналитиков интересуют только те источники взаимопонимания, которые локализованы в механике повседневных интеракций, то антропологи пользуются микроанализом коммуникации, чтобы получить доступ к более широким социальным и культурным контекстам, и сочетают его с этнографическими методами сбора и анализа данных.

Майкл Мурман предложил свою модификацию этого метода под названием «культурно контекстуализированный КА» и объявил его альтернативой структурализму с его универсальными оппозициями и абстрактными классификациями и полноценной реализацией

---

¹ А. Корбут предпочитает перевод «исправление», т.к. речь идет не о поломке или сбое, а о предупреждении неверного понимания, мне же кажется симпатичной и уместной техничностью и безоценочностью слова «починка».

программы интерпретативной антропологии К. Гирца (Moerman, 1988, 87). Мурман был первым, кто применил КА к не английскому и вообще не западному (тайскому) языковому материалу. Предложенный им метод, по сути, дополнял КА этнографией и экспликацией культурных и социальных контекстов разговора, в которой редко нуждаются исследователи, работающие с разговорами на своем родном языке. Ведь для понимания коммуникативных приемов, наблюдаемых в диалогах между жителями Таиланда, необходимо знание семиотических ресурсов, из которых они черпают: локальной прагматики употребления разных диалектов, пищевого и географического кода, этикетных правил, исторических и политических противоречий и т.д. Фактически Мурман делал насыщенные описания записанных им разговоров, т.е. снабжал западного читателя сведениями, необходимыми для понимания, о чем и почему говорят люди. Насыщенное описание (*thick description*) – это концептуализация этнографического метода, предложенная К. Гирцем (Geertz, 1973). Гирц описал занятие этнографа как постоянное добавление новых контекстуальных пояснений к описанию событий, так чтобы происходящее стало понятно внешнему наблюдателю, далекому от этой культуры. Информацию о контексте этнограф черпает из наблюдения за представителями изучаемой культуры, описывая фоновое, очевидное для носителей культуры знание. Мурман полагал, что работа с конкретными эпизодами коммуникации позволяет увидеть и, что важно, убедительно продемонстрировать, как культурные коды, символы, паттерны работают в повседневных интеракциях и какие эффекты производят (Moerman, 1988, 79, 100). Таким образом, разговор, представленный в технике насыщенного описания, становится и сценой, где производятся и разворачиваются культурные явления, и ключом к культуре.

Другие антропологи, работающие с КА, не замахиваются на то, чтобы перекроить всю дисциплину, а модифицируют этот метод для своих целей, смешивая его другими методами сбора и анализа данных, прежде всего, этнографическими. Так, М. Гудвин показала, как в конфликтной коммуникации между чернокожими девочками из рабочего района Филадельфии создается и поддерживается локальный порядок взаимоотношений и действует неписаное право (Goodwin, 1990). Дж. Сиднелл с помощью этнографических методов и конверсационного анализа конкретных эпизодов взаимодействия рассматривал устройство и работу локальной эмпирической эпистемологии в гайанской деревне: как люди, взаимодействуя между собой в повседневной жизни, различают знание и верование, факт и фантазию, реальность и иллюзию (Sidnell, 2005). Нико Беснир применил к записанным им разговорам полинезийских сплетников техники КА, чтобы увидеть, как темп речи, рисунок пауз и повторов, локализация и распределение смеха позволяют участникам управлять балансом власти и солидарности в политически непростой ситуации передачи сплетни (Besnier, 2009).

1.1.3. Разговор и нарратив

Исследования нарратива уходят корнями в поиски формалистов (В. Шкловский, Р. Якобсон, В.Г. Пропп) и структуралистскую традицию в западной теории литературы (Р. Барт, Ц. Тодоров, А. Греймас) и изучают структурные свойства повествования. Анализ устного нарратива, который фокусируется, прежде всего, на нарративе о личном опыте (*personal narrative*), начинается с также структуралистского исследования У. Лабова и Дж. Валецки (Labov, Waletzky, 1967). В поисках базовой структуры нарратива они проанализировали корпус из 600 интервью с жителями США всех возрастов и цветов кожи, объединенных одним - отсутствием высшего образования, и выявили общую для всех их рассказов последовательность из пяти структурных единиц (Ibid.: 12-13). Характерно, что исследователи рассматривали интерактивность интервью как помеху, опасаясь, что информант будет подбирать слова и строить сюжет, ориентируясь на интервьюера, и не получится «естественного» рассказа о личном опыте. Чтобы «очистить» рассказы от влияния ситуации интервью, они решили собирать истории о смертельной опасности, надеясь, что воспоминание об экстремальном опыте заставит человека так погрузиться в повествование, что он забудет о чужом присутствии (Labov, 1972, 355).

Почти через 30 лет, в 2001 г., междисциплинарный тандем лингвистического антрополога Элинор Окс и психолога Лизы Кэппс в книге, обобщающей результаты их многолетних совместных исследований, выделяет два вида нарративных практик: *нарратив* и *конверсационный нарратив* (*conversational narrative*) (Ochs, Capps, 2001, 3). Позднее, представляя эту модель в коротком обзорном тексте, Окс называет их просто *нарративная практика 1* и *нарративная практика 2* (Ochs, 2004). Авторы вводят пять измерений для анализа любого нарратива о личном опыте:

1. Рассказчики (*tellership*) – сколько повествователей активны в рассказывании истории.
2. Значительность (*tellability*) – насколько опыт, о котором идет речь, воспринимается рассказчиком как значимый и достойный хорошего рассказа. От этого зависит стиль повествования.
3. Встроенность (*embeddedness*) – насколько тесно нарратив связан с тем взаимодействием, в котором он родился.
4. Линейность (*linearity*) – насколько повествование связно и упорядочено.

5. Моральная позиция (moral stance) – насколько четко рассказчик формулирует мораль своего повествования, его связь с идеями о хорошем и плохом

(Ochs, Capps, 2001).

Каждое измерение формирует континуум между двумя полюсами. Каждая из двух указанных нарративных практик тяготеет к одному из двух полюсов:

Практика 1 (нарратив):

1. Один активный рассказчик.
2. Опыт, достойный хорошего рассказа.
3. Нарратив относительно легко можно отделить от коммуникативного контекста.
4. Сюжет линейен, есть установленная временная последовательность событий и/ или причинно-следственные связи.
5. Есть однозначная мораль.

Практика 2 (конверсационный нарратив):

1. Множественные активные рассказчики.
2. Значение опыта умеренное.
3. Нарратив хорошо встроен в текущее взаимодействие.
4. Сюжетная линия не определена, причинно-следственные связи не установлены.
5. Мораль открыта для обсуждения

(Ochs, 2004, 286)

Нарративная практика 1 дает возможность упорядочить опыт, придать ему связность и в конечном счете получить и представить другим стабильную непротиворечивую картину мира, событий и собственного «я». Задача Практики 2, напротив, предложить опыт для обсуждения, опробовать разные способы его упорядочивания и осмысления, помочь познанию и изменению себя (Ochs 2004: 279; 285). Практика 1 монологична и легко отделяется от своего коммуникативного контекста, Практика 2 диалогична, неразрывно связана с течением разговора.

Окс и Кэппс отнюдь не были первыми, кто обратил внимание на интерактивную природу нарратива, его погруженность в разговор. За те десятилетия, которые прошли между пионерской работой Лабова и Валецки и их книгой, были исследователи, которые работали с

коммуникативным устройством нарративов, используя методы КА или этнографии речи, часто на материале спонтанных речевых взаимодействий. Так, Г. Джефферсон изучала, как разговор определяет рождение и развитие (или угасание) истории и как, в свою очередь, история влияет на дальнейшее течение разговора (Jefferson, 1978). Ч. Гудвин показал, что в повседневной коммуникации в рассказывании истории принимают участие все присутствующие, используя для координации действий как вербальные, так и невербальные средства – взгляд, положение тела (Goodwin, 1984). Д. Таннен описала, как динамика взаимодействия влияет на рассказывание историй во время встречи компании друзей за праздничным обедом (Tannen, 1984). К. Янг на материале рассказов, собранных среди фермеров в английской глубинке, исследовала связи между содержанием нарратива (*taleworld*, «рассказанным миром») и взаимодействием между участниками ситуации рассказывания (*storyrealm*, «миром рассказа») (Young, 1987). Дж. Хавиланд показал, как исторический контекст, конкретная ситуация рассказывания и вклады других участников этого события определили форму и содержание автобиографического нарратива, рассказанного коренным австралийцем для съемки фильма (Naviland, 1991). В подробном обзоре научной литературы о нарративах о личном опыте, который сделала К. Лангельер в 1989 году, два больших раздела отведены существовавшим на тот момент исследованиям нарратива как коммуникативного и, шире, социального взаимодействия (Langellier, 1989, 256-261, 261-266).

Тем не менее, в 2004 г. Окс констатирует, что подавляющее большинство исследователей нарратива по-прежнему заняты только нарративными практиками первого типа, то есть теми, которые минимально принимают в расчет интерактивность (Ochs, 2004, 279). Похоже, что перечисленные исследования остались известны в узких дисциплинарных кругах, и интерактивная природа нарративного рассказывания так и не стала общим местом в социальных науках. Косвенно об этом свидетельствует статья Ренато Розальдо, который, записывая охотничьи рассказы илонготов на Филиппинах, обнаружил, что такой рассказ может развиваться в активном взаимодействии рассказчика и слушателей. Само слушание оказалось особым культурным и дискурсивным навыком: нужно уметь вовремя вставлять нужные реплики, чтобы помочь рассказчику прояснить детали и поддержать сюжетную интригу (Rosaldo, 1986, 128-129, 132). Розальдо, однако, сетует, что нарративный анализ работает с монологом, который разворачивается в присутствии безмолвной аудитории, и пасует перед диалогическим нарративом (Rosaldo, 1986, 136). То есть даже в середине 1980-х, в разгар исследований нарративных интеракций в лингвистической антропологии, методологический горизонт американского антрополога, не связанного с лингвистикой или фольклористикой, еще ограничивался традицией анализа нарративных практик первого типа, заложенной Лабовом.

Доминирование лабовского «нарративного канона» критикуют исследователи дискурса Александра Георгакопулу и Анна де Фина в серии текстов 2000-х гг, которые претендуют на основание новой парадигмы. «Канон» – это монологический хорошо структурированный нарратив, предпочтительно полученный в интервью (de Fina, Georgakopoulou, 2008, 380). Отталкиваясь от методических наработок и концептуальных аппаратов анализа коммуникативного взаимодействия, прагматики дискурса и лингвистической антропологии (включая упомянутую модель Окс и Кэппс), Георгакопулу и де Фина предлагают собственный подход к нарративу, который называют «анализом нарративов во взаимодействии» (analysis of narratives-in-interaction) (Georgakopoulou, 2006) или «подходом социального взаимодействия» (social interactional approach) (de Fina, Georgakopoulou, 2008, 379).

Модельным для новой парадигмы стало этнографическое исследование функционирования коммуникативного жанра «малых историй» (small stories) среди греческих девочек-подростков, которое предприняла Георгакопулу, причем термин «малая история» ей подсказал психолог М. Бамберг, который ещё в 1990-е гг. интересовался интерактивностью нарратива (Georgakopoulou, 2007: 36). В этом конкретном случае «малые истории» - это небольшие или обрывочные рассказы о событиях, которые тесно связаны с актуальным настоящим собеседников, т.е. либо произошли только что («срочные новости»), происходят во время разговора или могут произойти в недалеком будущем (возможная встреча с молодым человеком). «Малые истории» встроены не только в текущее коммуникативное взаимодействие, но и в историю отношений между подругами (Ibid., 148). Исследовательница показывает, как социальная ситуация – место, время и отношения между собеседниками – влияет на форму и содержание истории, а истории, в свою очередь, создают безопасное пространство социализации, близкого общения и поддержания связей в группе (Ibid., 155). Чтобы связать нарративы и социальные практики, она использует понятие «жанр», определяя его широко, как «ориентирующие рамки конвенциональных ожиданий» (Ibid., 149). В более поздней работе де Фина и Георгакопулу предлагают называть «малыми историями» любые «неканонические» нарративные жанры (de Fina, Georgakopoulou, 2008, 385).

«Анализ нарративов во взаимодействии» существенно размывает границу между классическим нарративным анализом с его вниманием к общей структуре и связности истории и ее социальному и историческому контексту и разговорным анализом, внимательным к микроконтекстам и разворачиванию разговора, и радикально расширяет круг потенциальных материалов для исследования. Различие между нарративом и разговором здесь подчас кажется едва заметным, ведь жанровое семейство «малых историй» включает не только собственно

истории, но и обещания рассказать историю и даже отказы от рассказывания (Georgakopoulou, 2007, 148).

1.2. Интервью – метод и разговор

Интервью – один из главных методов сбора данных в социальных науках. При этом, по крайней мере, в англо-американской антропологии интервью традиционно занимает подчиненное положение по сравнению с включенным наблюдением. Ситуация в советской и российской этнографии, работающей в «домашнем» поле и выросшей в соседстве с фольклористикой, отличается: здесь необходимость «опросов» по исследовательским программам никогда не подвергалась сомнению (Громов, 1966; Арзютов, Кан, 2013). Однако техника полевого опроса, созданная для записи, часто от руки, монологов об ушедших традициях, не годится для новых условий, когда этнографы переключаются на изучение современности, а зависимость от наличия розетки и количества пленки существенно снизилась в связи с развитием технологий звукозаписи. И все же в российской этнографической литературе вопрос обновления метода интервью не обсуждается, в то время как в других странах можно наблюдать подъем интереса к этой теме в 2000-е гг. Дискуссии разворачиваются по двум линиям: изучение особенностей интервью как речевого, т.е. интерактивного, события и устойчивого речевого жанра и возможности расширения за счет интервью включенного наблюдения в городских полях.

1.2.1. Интервью – речевое событие

Концептуализация исследовательского интервью как «профессиональной беседы» лежит в основе главного пособия по интервьюированию для качественных социальных исследований, которое написал Стейнар Квале, психолог, исследователь образования и один из ведущих специалистов по качественному исследовательскому интервью (Kvale, 1996; Квале, 2003). Интервью-беседу он противопоставляет формализованному интервью — опросам, интервью с жесткой структурой вопросника, которые направлены на получение однотипной информации с целью ее дальнейшей статистической обработки. Качественное полуструктурированное интервью максимально приближено к естественной повседневной коммуникации, беседам — нашему главному методу понимания других людей, их переживаний и жизненных миров (Квале, 2003, 15). Знание, полученное в таком интервью, интерсубъективно, оно родилось в диалоге исследователя и его собеседника и несет на себе отпечаток их коммуникации (Там же,

24-25). Квале, однако, ограничивается констатацией влияния коммуникативной ситуации интервью на рождение знания и не останавливается подробно на том, как это влияние устроено. Кроме того, в своем пособии он предлагает, анализируя расшифровку уже взятого интервью, работать с ним с позиций герменевтики, т.е. как с текстом: «Исследовательское интервью – это беседа о жизненном мире человека, с трансформацией устного дискурса в текст для последующей интерпретации» (Там же, 53). Между тем письменная расшифровка устной коммуникации лишь с большими оговорками может быть названа текстом и представляет собой скорее модель оригинального разговора, особенно если она выполнена с максимальным сохранением особенностей устной речи и интерактивной составляющей (в частности, сохранены реплики активного слушания² интервьюера).

Всерьез вопросом о влиянии ситуации интервью на его содержание задается Чарльз Бриггс в книге «Научиться спрашивать: социолингвистическая оценка роли интервью в социальном исследовании» (Briggs, 1986), которую можно считать пионерской в изучении исследовательского интервью как речевого события (speech event). Он локализует свой подход в области социолингвистики и использует терминологический аппарат этнографии речи, анализа коммуникативного взаимодействия, теории фреймов Гоффмана, этнометодологии Гарфинкеля. На основе модели речевого события, предложенной Р. Якобсоном (Jakobson, 1960; Якобсон, 1975) и модифицированной Д. Хаймсом (Hymes, 1964; Hymes, 1972a) Бриггс создает модель речевой ситуации интервью (Рисунок 1). Опираясь на свой полевой опыт среди испаноговорящих жителей штата Нью-Мексико, он показывает, как важно на всех этапах исследования, где используется метод интервью, принимать во внимание не только локальный, но и общекультурный контекст этого речевого события, включая коммуникативные компетенции его участников и доступные им репертуары метакоммуникативных практик (т.е. устойчивых форм коммуникации; ср. «речевой жанр» М. Бахтина ниже). Понятие «коммуникативная компетенция», введенное Д. Хаймсом, означает речевые умения, необходимые для успешной коммуникации в сообществе. Помимо базовых лингвистических знаний, сюда входит знание, что, как и когда уместно говорить, т.е. умение ориентироваться в контекстах, другими словами, навыки, разделяемые носителями культуры (Hymes, 1972b).

Бриггс указывает на важность различения референтивной (описательной) и индексальной функций языка при анализе интервью. Индексальность, т.е. связь с контекстом, с

² Активное (или поддерживающее) слушание – термин из психотерапии, еще одной области знания, где большое значение имеет диалог. Это выражение внимания к словам говорящего в диалоге психотерапевта и пациента или, при переносе термина в этнографическое интервью, интервьюера и его собеседника при помощи специальных приемов. В традиции исследовательского интервьюирования, где исследователь стремится ограничить свое вмешательство в повествование рассказчика, приемы активного слушания ограничиваются мимикой, жестами, междометиями, короткими комментариями и уточняющими вопросами.

речевой ситуацией, в исследовательском интервью обычно преобладает: формулировки ответов зависят от заданных вопросов, а также от отношений между говорящими и множества других контекстуальных факторов. Между тем, интерпретируя полученные в интервью ответы, исследователи часто обращаются с ними так, будто они исключительно референтивны, т.е. представляют собой точные описания реальности, свидетельства о ней. Особенно велик соблазн только описательного восприятия интервью для исследователей, которые работают в собственном обществе. Им может казаться, что различия между ними и их собеседниками настолько малы, что не могут повлиять на ход взаимодействия и полученные ответы. Но в результате они упускают эту игру различий из виду и делают ошибочные интерпретации (Briggs, 1986, 42).

Рисунок 1. Компоненты ситуации интервью (Briggs, 1986, 41).

В главе, посвященной «процедурным проблемам» интервью, Бриггс описывает идеальную ситуацию «классического интервью», раскладывая ее по компонентам своей модели, и отклонения от нее, которые постоянно случаются в поле:

1. Интервью подразумевает, что участники будут использовать только *вербальный канал* коммуникации и давать эксплицитные вербальные ответы на вопросы. Но некоторые значения не принято или просто неудобно передавать вербально, как, например, обценные жесты или ручные умения, подобные резьбе по дереву.
2. *Социальная ситуация*, т.е. место и время взаимодействия, может препятствовать реализации схемы «классического интервью». Нужно знать, где и когда в данном сообществе уместно задавать вопросы на те или иные темы, и учитывать, что социальный контекст может повлиять на степень откровенности информанта.

3. В идеальном интервью информант старается дать как можно более полные, детальные и понятные ответы на вопросы интервьюера, максимально прояснить незнакомые другим контексты. В реальности, под воздействием социальной ситуации или других факторов, это правило *формы* часто не соблюдается. У высказывания информанта может появиться двойное дно: юмор, ирония, намеки, умолчания. В его речь могут проникнуть цитаты из других жанров – пословица, анекдот, риторика политического лидера, Священное писание и т.п. Эти речевые приемы характерны для повседневной коммуникации, и их бывает сложно распознать представителю другого сообщества. Между тем именно в эти моменты можно наблюдать, как в речи конкретного человека работает культура и ее ценности (Briggs, 1986, 47).

4. Отклонение от правил интервью происходит, когда у участников различаются *цели взаимодействия*. Бывает, что информант хочет не ответить на вопрос интервьюера о событиях прошлого, а, например, сравнить прошлое и настоящее, чтобы сформулировать морализаторское поучение (Ibid., 48).

5. Цели взаимодействия различаются, когда участники по-разному понимают, какое *коммуникативное событие* между ними разворачивается. Так, информанты могут считать, что они заняты не интервью, а нравоучительной беседой или развлечением. Чтобы вовремя это заметить, необходимо изучить местный репертуар речевых событий и метакоммуникативные ремарки и другие знаки, по которым можно отличить один тип от другого (Ibid., 49).

6. Формулируя вопрос, интервьюер должен четко определить свой *референт* – ясно дать понять информанту, о чем и насколько подробно ему следует рассказать. Однако для этого участники коммуникации должны иметь общую рамку референции, а ее установление подчас требует очень высоких коммуникативных компетенций. Распространенные расхождения связаны с тонкими оттенками значений слов и понятий, которых может не знать интервьюер («invalid presuppositions» - «неверные пресуппозиции» (Ibid., 55-56)). Например, информант Бриггса был сбит с толку, когда тот задал ему вопрос о его дедушке-плотнике: в местном диалекте испанского «плотник» подразумевает определенную узкую специализацию, которой его дед не владел. Также неадекватным оказался вопрос о том, как местный известный человек нажил свое богатство, поскольку в этом сообществе считается, что богатство невозможно создать, его может только послать Бог (Ibid., 52-56).

7. Интервью предполагает стабильное распределение *социальных ролей*: интервьюеру принадлежит право задавать вопросы и вводить новые темы для обсуждения, в то время как за информантом зарезервировано право монологического говорения, занимающего несколько очередей, – пока интервьюер не прервет его новым вопросом. Согласно критериям релевантности, ответ должен быть связан с заданным вопросом, что существенно ограничивает

возможности информанта в формулировании реплик. И оценивает релевантность и достаточность ответа интервьюера, когда решает, задать ли дополнительный вопрос по этой теме или перейти к следующей (Ibid., 27, 56). В западном мире такое распределение ролей знакомо всем, кто смотрит телевизор, читает газеты, проходит собеседования при приеме на работу и медосмотрах³. Кроме того, существует представление о социальной роли исследователя-интервьюера. В поле, однако, сплошь и рядом случается, что информанты не соблюдают описанные правила интервью. Бывает, что они незнакомы с этим коммуникативным жанром, а иногда просто не хотят следовать его правилам, несовместимым с тем раскладом социальных ролей, который они считают уместным. Так, пожилые собеседники Бриггса, которых он расспрашивал об искусстве резьбы по дереву, вовсе не собирались давать ему интервью. Они видели перед собой не исследователя, а дерзкого юнца, который почти ничего не знает ни о резьбе, ни о том, как надо вести себя и разговаривать в приличном обществе. Для них было немыслимо позволить ему занять доминирующую позицию в беседе. И они взялись обучать его – и резьбе, и хорошим манерам. Именно поэтому, а не по своей некомпетентности, как Бриггс сперва подумал, эти люди первое время, пока он не обучился достаточно, отвечали отговорками на его отвлеченные вопросы (Ibid., 56-58).

Бриггс предостерегает исследователей от навязывания информантам коммуникативных правил интервью. В духе критической антропологии 1980-х он даже говорит о «коммуникативной гегемонии» исследователя как форме «научного колониализма»⁴ (Ibid., 121). Чтобы избежать этого, Бриггс призывает прежде, чем начинать собирать интервью, провести исследование метакоммуникативного репертуара изучаемого сообщества, а приступая к интервью, всегда обращать внимание на знаки, указывающие на то, как участники понимают происходящее. Так интервьюер сможет и получить нужную информацию, и соблюсти экологию коммуникации (Ibid., 103-104).

Эстафету от Бриггса подхватили, прежде всего, социологи: судя по Google Scholar, подавляющее большинство ссылок на его книгу делается в пособиях по качественным методам в социологии, в то время как среди антропологов она не получила широкого резонанса. Возможно, это связано с тем, что социологическая дисциплина традиционно более требовательна к экспликации и систематизации метода, чем антропологическая.

---

³ Социологи даже предложили называть американское общество «обществом интервью» (Atkinson, Silverman, 1997).

⁴ По его мнению, такое навязывание происходит, например, когда исследователь отбирает или обучает ключевых информантов – тех, кто соглашается играть по правилам интервью и осваивает этот формат. Это созвучно критике Д. Тэдлока, принадлежащей той же эпохе, что и книга Бриггса, в адрес «аналогической» антропологии, принципиально поощряющей монологическое говорение информантов (см. далее).

Неудивительно, что когда в 2014 г. в «Annual review of anthropology» Мишель Ковен пишет об интервью как о «речевых событиях, понимаемых посредством определенных языковых идеологий» (Koven, 2014, 500), она обращается не только к антропологической литературе, но и к текстам социологов, психологов или аналитиков коммуникативного взаимодействия. Ее обзор – это едва ли не первый после Бриггса антропологический текст, который, не концентрируясь на специфическом случае, специально посвящен особенностям интервью как речевого события. Если Бриггс писал о помехах, возникающих на пути интервьюера в поле, и их эвристической ценности, то Ковен, отбирая и сортируя разрозненные идеи и случаи, формулирует вопросы к исследовательским практикам интервьюирования и к функционированию «общества интервью» из антропологической перспективы:

- как участники взаимодействия создают и поддерживают речевой жанр интервью?

Следуя методологии КА, Ковен рассматривает поддержание конвенциональных рамок интервью как совместное достижение участников (Ibid., 500, 508). И, воспроизводя с некоторыми нюансами фрагменты схемы ситуации интервью Бриггса, спрашивает: что происходит, если представления интервьюера и его собеседников о жанровых конвенциях интервью различаются? или если собеседники пытаются одновременно с интервью задействовать конвенции других жанров? (Ibid., 506-508). В своих эскизных описаниях скольжения между жанрами и позициями в интервью Ковен пользуется словарем И. Гоффмана (расщепления, опоры (footing), фреймы) и Бахтина (голоса) (Ibid., 508, 511).

- как интервью сосуществуют с другими речевыми жанрами (повседневной беседой, исповедью, школьным уроком и т.п.)? Жанровые границы интервью нестабильны и проницаемы. В разговоре исследователя и информанта могут актуализироваться в той или иной форме (цитирования, переключения и т.д.) разные речевые жанры (ср. (Briggs, 1986, 47)). Чтобы описать это явление, Ковен использует термин «интертекстуальность», введенный Ю. Кристевой, но восходящий к бахтинской диалогичности на уровне отношений между текстами (Koven, 2014, 506).

- какие лингвистические идеологии, т.е. устойчивые аксиомы относительно природы языка и коммуникации, стоят за пониманием интервью, характерным и для исследователей, и для их собеседников? Как они определяют дизайн интервью и их последующие интерпретации? Вновь опираясь на Бриггса, Ковен приводит в пример представления о том, что в интервью объективируется содержимое сознания и аутентичное «я» информанта, а также что информант в интервью выступает как полномочный представитель какой-либо группы (Ibid., 503-504).

- как интервью соотносятся с контекстами их производства и дальнейшей циркуляции – с коммуникацией до и после интервью, с нарративными ответами на вопросы, которые

традиционно отделяются от интерактивного контекста их порождения, с теми текстами, в которые интервью превращаются при расшифровке и цитировании? Нарративы в интервью возникают под влиянием предшествующей интеракции и влияют на дальнейшее течение разговора. Расшифровка стабилизирует значения, которые в аудиозаписи устной коммуникации открыты интерпретациям. Дальнейшее помещение цитат в исследовательские и более широкие контексты влечет новые интерпретации, неподконтрольные всем участникам интервью (Ibid., 511-512).

Для настоящего исследования важна одна полемика, на которую обратила внимание Ковен (Ibid., 509). Это дискуссия о противопоставлении интервью и естественно протекающего взаимодействия, которая не так давно развернулась в соседних с антропологией дисциплинах. В 1990-х – середине 2000-х некоторые авторы, в частности, занимавшиеся анализом коммуникативного взаимодействия (М. Гудвин) и прагматикой дискурса (Дж. Поттер, А. Хепберн), т.е. плотно работавшие с устройством коммуникации, предлагали исследователям вовсе отказаться от интервью, поскольку этот метод не позволяет нейтрализовать влияние интервьюера на высказывания информанта. В 2000-е в смежных дисциплинарных областях социолингвистики и анализа дискурса появились возражения: нет необходимости проводить строгое разграничение между данными, полученными в спонтанно возникших и искусственно созданных исследователем речевых ситуациях. Эти авторы предлагают воспринимать присутствие интервьюера не как помеху, шум, мешающий собеседнику производить аутентичную информацию о себе и своем мире, а как условие производства интерактивных высказываний. Ковен приводит в пример исследования расизма, где авторы смотрели, как локальные идеологические нормы формируют высказывания о расизме во время интервью (Ibid., 509). Изменение понимания роли интервьюера – это прямое следствие переключения с анализа содержания интервью на работу с интервью как коммуникативным событием.

Ковен ссылается, в частности, на спецвыпуск журнала «Language in society» 2011 г., редакторы которого социолингвист Анна де Фина и лингвистический антрополог Сабина Перрино считают противопоставление интервью и естественно протекающей речи «ложной дилеммой». Материалы спецвыпуска делают вклад в новую парадигму анализа нарратива во взаимодействии (см. раздел 1.3), и потому в центре внимания авторов – нарративы в интервью. Редакторы в предисловии предлагают рассматривать интервью как локальный коммуникативный контекст для возникновения и развития нарратива. Они задаются вопросами, очень близкими к вопросу настоящего исследования: «Что значит анализировать интервью как интерактивное событие?» «Какие методологические следствия имеет такой подход?» (de Fina, Perrino, 2011, 7). Подборка статей спецвыпуска предлагает свои ответы, и особое внимание

авторы уделяют процессам взаимного позиционирования интервьюера и его собеседников и их влиянию на создаваемые высказывания. Кроме того, М. Ковен, чья статья тоже есть в этой подборке, обнаруживает, что в интервью ее информанты не менее склонны к вовлеченному, не отстраненному рассказыванию и использованию полифонических речевых конструкций, чем в спонтанной беседе (Koven, 2011). С. Перрино показывает, как в интервью постоянно нарушается граница между нарративом и ситуацией рассказывания, существование которой склонны постулировать исследования нарратива (например, см. выше об исследовании К. Янг (Young, 1987)) (Perrino, 2011).

1.2.2. Интервью – интенсификация наблюдения

В 2000-е тема интервью проникает в антропологические публикации в связи с потребностью расширения области применения и легитимации этого метода в антропологии. Британские антропологи Дженни Хоки (Hockey, 2002), Сара Пинк (Pink, 2009) и авторы сборника под редакцией Джонатана Скиннера (The Interview. An Ethnographic Approach, 2012) указывают, что в современном урбанизированном обществе, когда возможности жизни в изучаемом сообществе и наблюдения его практик серьезно ограничены, интервью становится наиболее культурно приемлемой формой включенного наблюдения (М. Форси, углубляясь в размышления о сенсорном (аудиальном в данном случае) измерении этнографии, предлагает термин «участвующее слушание» (participant listening) (Forcey, 2010)).

Социальная жизнь горожанина проходит под защитой правил приватности, за закрытыми дверями или в невидимых сетях телефонных и Интернет-коммуникаций. Зато коммуникативный формат интервью в «обществе интервью» всем известен. Мишель Ковен описывает случаи, когда в изучаемом сообществе именно интервью, а не включенное наблюдение воспринималось как легитимный метод исследования. Это и ее парижские собеседницы, и российские горожане, с которыми столкнулся автор цитируемой ею работы (Koven, 2014, 509).

Более того, пространственная организация полевого интервьюирования так же соответствует пространственному устройству современного городского общества, как организация участвующего наблюдения соответствует открытости тропической деревни, где большая часть деятельности происходит на улице. Фрагментированность встреч для интервью, которые дают доступ не к самой жизни человека, а только к его рассказу о ней, соответствует опыту повседневных контактов в современном городе, которые часто тоже не опосредованы телесным присутствием (Hockey, 2002, 211–220).

Для того чтобы сделать эти точечные контакты с изучаемой реальностью максимально продуктивными, необходимы новые методологические разработки в области интервьюирования. Перечисленные авторы, не концентрируясь на речи, смотрят шире и обращают внимание на чрезвычайную насыщенность пространственного, телесного, чувственного контекста, в котором разворачивается интервью (Hockey, 2002, 212-213; Pink, 2009).

Принцип мультимодальности, учета разных каналов чувственного восприятия в исследовательской работе, лежит в основе проекта сенсорной этнографии Сары Пинк (Pink, 2009). Пинк рассматривает интервью как пространство более интенсивной, концентрированной коммуникации опыта, где для передачи значений используются все подручные средства, в том числе невербальные: манипуляции с телом, предметами, вкусом, запахами и т.п. Для неё чрезвычайно важна интерактивность (в которой она предпочитает акцентировать элемент сотрудничества) интервью: пространство, где идет интенсивное производство опыта, создается совместными усилиями собеседников. Интервью – это феноменологическое событие: во время визита к информанту домой для интервью происходит мультимодальное погружение в его жизненный мир: знакомство с его жизненным пространством, чаепитие и т.п. Внимание к другим чувственным модальностям, к сенсорному измерению интервью позволяет уловить ту информацию, которая не может быть выражена словами и существует в додискурсивном пространстве, передается по невербальным каналам. Этот подход Пинк использовала, в частности, для изучения, как работают категории чистого и грязного в современных британских домах. При таком целостном восприятии и интерпретации человеческого взаимодействия стирается граница между чувственным и интеллектуально осмысленным и выраженным словесно опытом (Pink, 2009, 82-87).

Метод интервью хорошо приспособлен и к этнографическому исследованию в глобальном мире. Для антрополога, ведущего традиционное включенное наблюдение, поле четко отделено от дома («кабинета»), наблюдение нужно проводить в среде обитания изучаемого сообщества (Гупта, Фергюсон, 2013). Изменения, привнесенные в этнографическую практику глобализацией, Дж. Маркус предложил осмыслить при помощи термина «мультилокальная этнография»: теперь поле этнографа находится там же, где и люди, связанные с интересующими его явлениями (Marcus, 1995). Изучая миграции, транснациональные корпорации, международные торговые сети или Интернет, этнограф может перемещаться вслед за своими информантами по всему миру и все равно быть в поле. В этом случае интервью, исследовательская беседа, будет для него важнейшим методом. Локальность для интервью не так принципиально важна, как для наблюдения: для интервью достаточно

наличия информанта. Нельзя, однако, забывать о влиянии места проведения интервью на ход коммуникации и на потенциал разговора как события для наблюдения. Так, поговорить с российским дачником о его дачной жизни можно даже на балийском курорте, но разговор у него дома даст возможность наблюдать степень присутствия дачи в его городской повседневности. Разговор же непосредственно на участке даст наиболее широкие возможности для наблюдения во время интервью – можно увидеть своими глазами то, о чем идет речь, разделить с собеседником его сенсорный опыт.

1.3. Диалог

1.3.1. Диалогизм М.М. Бахтина и западная антропология 1980-х гг.

Понятия диалога и, шире, диалогизма М.М. Бахтин предложил для описания способа создания художественной действительности, который применял, в частности, Ф.М. Достоевский (Бахтин, 1972). Суть этого литературного метода в особой позиции автора по отношению к своим героям. Автор диалогического повествования не описывает своих героев как законченные образы, не подчиняет их своему монологическому повествованию, но дает им возможность самим проявить, рассказать себя с собственных субъектных позиций: «...множественность равноправных сознаний с их мирами сочетаются здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» (Там же, 7). Автор «не убеждает, а организует голоса, сопрягает смысловые установки» (Там же, 157) и отказывается от объективации своих персонажей:

«Та позиция, с которой ведется рассказ, строится изображение или дается осведомление, должна быть по-новому ориентирована по отношению к этому новому миру: миру полноправных субъектов, а не объектов» (Там же, 9).

Бахтин подчеркивал сходство диалогического романа с самой жизнью: как и жизнь человека, которая завершается только смертью, роман-диалог принципиально открыт, не завершён (Там же, 99). Неудивительно, что творческая программа диалогического романа оказалась созвучна поискам новых форм репрезентации этнографической действительности, которыми были заняты американские антропологи в начале 1980-х гг. Ведь именно с таким «новым миром полноправных субъектов» столкнулась западная антропология в эпоху деколонизации. И как раз в это время вышло американское издание четырех статей Бахтина, объединенных под говорящим названием «Диалогическое воображение» (Bakhtin, 1981).

Обращение к диалогу и intersубъективности в антропологии стало ответом на кризис методов сбора и анализа материала, но прежде всего – репрезентации результатов, который стал остро ощущаться в 1970-е гг. Объективизм и монологичность традиционной монографии школы Малиновского выглядели неловко и неуместно в постколониальном мире, который стремительно менялся в сторону усложнения, релятивизма и множественности. Молодые антропологи видят путь к выходу из кризиса в обращении от наблюдения социальных фактов к коммуникации, диалогу (Fabian, 1971, 41; Dwyer, 1977). В 1980 и 1982 гг. одна за другой выходят публикации полевых диалогов: сначала Винсента Крапанзано с марокканским крестьянином по имени Тухами (Crapanzano, 1980), потом Кевина Дуйера с другим марокканским крестьянином Факиром (Dwyer, 1982).

Замысел Крапанзано – публикуя разговоры попеременно с контекстуальными и культурными комментариями и своими интерпретациями сказанного, продемонстрировать, что материал для антропологических выводов рождается в результате переговоров между исследователем и информантами, и потому информант не может считаться его единственным источником (Crapanzano, 1980, ix). Дуйер уверен, что только его полевой диалог с информантом может передать тот новый для антропологии, intersубъективный и конкретный, а не объективирующий и абстрактный, «режим артикуляции инаковости», который он обнаружил в своих разговорах с Факиром (Dwyer, 1977, 150). Название его книги, «Марокканские диалоги: антропология под вопросом»⁵, намекает на необходимость критического пересмотра антропологии в новой, диалогической и intersубъективной, модальности.

В это же время группа американских антропологов в поисках направлений разрешения кризиса решила занять метапозицию по отношению к происходящему и предпринять ревизию и этнографической традиции в поисках истоков кризисного состояния, и актуальных экспериментов в этнографии. Вдохновленные высказыванием Гирца о том, что антропологи, в сущности, только и делают, что пишут, они обратились к изучению тех литературных приемов, с помощью которых пишутся этнографии, устанавливается авторитет исследователя, формируются факты, создаются образы культур и их носителей, т.е. складывается политика репрезентации. Методологическими и политическими ориентирами им, наряду с упомянутыми только что переведенными работами М.М. Бахтина, служили постструктуралистские исследования дискурса и постколониальная литературная критика, которые тогда задавали тон в западном интеллектуальном мире. Отсюда самоопределение этого движения как

---

⁵ По-английски название содержит каламбур: “Anthropology in question” – одновременно и антропология под вопросом, и антропология в вопросах.

постмодернистской этнографии. Их программа изложена в нескольких основополагающих текстах, среди них эссе Джеймса Клиффорда «Об этнографическом авторитете» («On ethnographic authority») (Clifford, 1983), сборник статей «Записывая культуру: поэтика и политика этнографии» («Writing culture: the poetics and politics of ethnography») под редакцией Клиффорда и Джорджа Маркуса (Writing culture, 1986).

Именно чуткость к интересубъективности, многоголосью и контекстуальной обусловленности этнографического знания, способность принимать во внимание и выводить на поверхность разные перспективы Джеймс Клиффорд делает водоразделом, отделяющим устаревающие модальности этнографической работы от нарождающихся новых (Clifford, 1983). Для модальности школы Малиновского гарантия этнографического авторитета – личный опыт присутствия в поле и структурированного профессиональной выучкой наблюдения за другой культурой. «Модальность интерпретации», предложенная Гирцем, добавила к наблюдению повышение веса личного контакта и внимания к словам, в том числе, метадискурсу – собственным интерпретациям носителей культуры. И все же оба режима предполагают репрезентацию результатов в виде текстов, написанных в объективистском стиле, где есть место информантам только в качестве обобщенных, типичных туземцев, и нет критики позиции самого автора – внешнего всезнающего наблюдателя. Кроме того, в интерпретациях, произведенных вне культурного контекста, по-прежнему доминируют абстрактные структуры, функции или понятия (культура, личность, игра и т.д.).

Новые политические и интеллектуальные условия потребовали «вообразить этнографию не как опыт или интерпретацию “другой” реальности с четко определенными границами, а скорее как конституирующие переговоры по меньшей мере двух, а обычно – больше, сознательных, политически значимых субъектов. Парадигмы опыта и интерпретации уступают место парадигмам дискурса, диалога и полифонии» (Ibid., 133). Дискурс здесь понимается как коммуникация, укорененная в контексте, в противоположность деконтекстуализированному тексту или цитате ((Ibid., 131), со ссылкой на Э. Бенвениста). Радикальный идеал полифонической этнографии – множественное авторство, полноправное соавторство антрополога и его полевых партнеров (Клиффорд отказывается использовать термин «информант» для таких отношений) и отказ от иерархии дискурсов, т.е. от иерархических отношений между профессиональным письмом исследователя и теми жанрами, в которых предпочли бы изъясняться носители культуры (Clifford, 1983, 140; Tyler, 1986, 126).

Параллельно с постмодернистской этнографией, в диалоге и полемике с ней, Деннис Тедлок под влиянием опыта сотрудничества с индейскими сказителями и поэтами сформулировал идею диалогического поворота (Briggs, 2018). В манифесте 1979 г. он

объявляет, что антропология может быть «аналогической» и «диалогической». «Аналогические» антропологи последовательно игнорируют в своих текстах диалогические контексты, в которых появлялись их материалы, и, стремясь имитировать естественные науки, пытаются работать только с чистыми, не «загрязненными» чужим присутствием, монологами, будь то рассказы информантов или исторические документы. Поэтому уводятся в примечания или приложения рассказы о полевом опыте самих антропологов, поэтому в текстах почти отсутствуют обмены репликами между антропологами и информантами, поэтому долгое время не изучались документы майя, где заметно «контаминирующее» влияние христианства (Tedlock, 1979, 397).

Основываясь на феноменологической идее интерсубъективного существования мира и диалогизме Бахтина, Тедлок понимает диалогическую модальность как принципиальную открытость множеству голосов и перспектив и отказ от навязывания внешних идеальных категорий. Для этнографии это, в его понимании, означает активно участвовать в коммуникации с информантами, не вынуждая их к пространным монологам о своей культуре, фиксировать возникающие диалоги, а потом в изобилии цитировать их в текстах, чтобы показывать знание непосредственно в контексте его возникновения (Tedlock, 1979, 395).

Диалог для Тедлока – решение всех проблем. Проблему отношений власти в поле можно обсудить с информантами и опубликовать дискуссию. То же – с большим метанарративом, если вдруг исследователь решит им воспользоваться в качестве рамки. Проблема монопольного контроля исследователя над публикуемым текстом, по его мнению, решается с помощью больших цитат из полевых диалогов: многоголосье само по себе будет подрывать любые попытки единоличного авторитета и контроля над текстом (Tedlock, 1987, 334-335). Этот «диалогический фундаментализм» стал основным поводом для критики Тедлока, в том числе со стороны постмодернистских этнографов. Признавая обильное цитирование приемом создания полифонического текста и важным шагом вперед, критики, тем не менее, указывали, что контроль над репрезентацией остается у автора, а записанный им разговор, так или иначе, уже деконтекстуализирован и прошел многочисленные фильтры, т.е. не тождественен оригинальной ситуации полевой интерсубъективности (Clifford, 1983, 139; Strapanzano, 1990, 286-287).

В то же время, ни «диалогический фундаментализм» Тедлока, ни «дискурсивный поворот» постмодернистских этнографов не предполагали работу с устройством разговора, с наблюдаемыми в речи механизмами диалогического взаимодействия, установления понимания и рождения смысла. Тедлок изучал фольклор – песни, сказки, мифы – и его бытование⁶. В

⁶ Добавлю, что система транскрибирования устной речи для фольклора зуни и майя, созданная Тедлоком, использует разные размеры шрифта и расположение строк и букв на странице, чтобы передать особенности тона и

публикациях он следует своим заветам: в его книге о фольклоре зуни можно найти и заметки о том, как на исполнителей и их аудиторию повлияло присутствие этнографа и магнитофона, и рассказ о том, как была сочинена и исполнена специально под запись, для собирателя, новая сказка-быль, а также публикацию глав «Пополь-Вух» в сопровождении комментариев читателя-зуни, с которым Тедлок решил обсудить этот текст, – т.е. диалог современного индейца с древним текстом (Tedlock, 1983). Но ни повседневные разговоры, ни интервью как речевые взаимодействия его не интересовали. Во введении к публикации диалогов с Тухами Крапанзано декларировал интерес к тому, как он и его собеседник использовали язык, чтобы артикулировать свой опыт в ситуации разговора. Но при этом он не вел аудиозапись и восстанавливал реплики своего информанта по заметкам в тетради (а свои – и вовсе по памяти) (Crapanzano, 1980, 139). Более того, он полностью исключил из этих диалогов следы присутствия переводчика, который помогал ему вести разговор (переводчику, впрочем, посвящена отдельная глава). Беседы Крапанзано и Тухами прошли через множество фильтров, но при этом опубликованы так, как если бы все эти фильтры были прозрачны.

Пренебрежительное отношение к устройству разговора как среды, где рождается смысл, характерно для этнографических экспериментов с репрезентациями полевого многоголосья 1980-х гг.⁷ Для постмодернистских этнографов разговор – это только пример диалога, одна из ситуаций, где можно уловить множественность контекстов, дискурсов и перспектив, с которыми антрополог сталкивается в поле, а цитирование разговора – одна из возможных форм репрезентации этой множественности. Нужды в особых методах для работы с разговором они не испытывали.

1.3.2. Интервью как диалог

В продолжение линии, намеченной в последних разработках в области анализа интервью, я бы хотела посмотреть на исследовательское интервью как на разговор и приложить к нему бахтинское понятие диалога, иными словами, увидеть в исследовательском интервью полифоническое речевое событие. У этого шага есть два важных следствия:

ритма исполнения, но, в отличие от системы Джефферсон, разработанной для КА, не предлагает особых средств для работы с рисунком реплик собеседников в диалоге (Tedlock, 1983).

⁷ Позднее в своем эссе о диалоге Крапанзано уделяет больше внимания к устройству отдельных реплик в разговорах (Crapanzano, 1990). Его в частности занимают «теневые диалоги» - скрытые адресаты сообщений, которые иногда актуализируются в высказываниях, т.е. то, что Бахтин называл внутренними диалогами. Но, похоже, эти рассуждения так и остаются теорией и не применяются к анализу конкретного полевого материала.

Во-первых, это означает новый взгляд на участников интервью. Исследователь – больше не источник влияния, которое нужно нейтрализовать или учесть как неизбежную помеху. В диалоге все участники, включая исследователя, – равноправные носители своих позиций, которые соплагаются, сталкиваются, пересматриваются и меняются в ходе разговора. В случае рассматриваемого корпуса интервью, где интервьюер – носитель той же культуры, что и информанты, и обладатель схожего опыта, такой подход представляется особенно уместным.

Во-вторых, это значит расширение определения знания, источником которого является интервью, внимание не только к его описательной функции и индексальности, т.е. связи с коммуникативным и, шире, социальным и культурным контекстом, о которой писал Бриггс (Briggs, 1986), но и к его перформативности, событийности.

В качественной социологии распространен феноменологический подход, который исходит из посылки, что интервью позволяет получить доступ только к тому опыту реальности, который производят информант и исследователь совместными усилиями в разговоре. Здесь, в отличие от референтивного (описательного) подхода, нерелевантен вопрос о правдивости высказываний информанта: они не правдивы и не лживы, они обусловлены контекстом взаимодействия. Кроме того, субъективный опыт, который в них производится, тоже не может быть истинным или ложным (Квале, 2003; Rapley, 2001).

Диалогизм развивает этот подход. В диалоге знание не просто конструируется между участниками и в их соавторстве, но оно ещё и само по себе событийно, разворачивается во взаимодействии, как и бахтинская идея – «живое событие, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний» (Бахтин, 1972, 147). В диалоге можно непосредственно наблюдать события: взаимодействие разных представлений, конфликты, их разворачивание и разрешение. Так реализуется потенциал интервью как пространства включенного наблюдения.

Взгляд Бахтина на литературное пространство диалога созвучен постмодернистскому взгляду на природу коммуникации, который признает ее ключевую роль в конструировании смыслов и самого субъекта: это «пороговая» или буферная зона, где нет ничего стабильного, все идеи и позиции подвергаются пересмотру, все – взгляды участников на свое прошлое и настоящее, на самих себя – строится заново (Там же, 292). Аналогичным образом работает Нарративная практика 2, выделенная Окс и Кэппс (Ochs, 2004), но бахтинский диалогизм позволяет включить в фокус внимания более широкий спектр коммуникативных практик, не только истории о личном опыте, но и любой обмен суждениями. При таком подходе перед исследователем интервью стоит вопрос не об истинности или ложности, или достоверности

высказываний, но о тех эффектах, которые они производят (или стремятся произвести) во взаимодействии, а также о стабильности и изменчивости тех или иных позиций.

Проводя ревизию влияния М.М. Бахтина на западные социальные науки, Р. Джонс напоминает, что вымышленный мир художественного текста, существование которого определяется задачами писателя, – это вовсе не то же самое, что реальный мир социальных отношений, где фигура автора с его задачами может быть только домыслена. Поэтому идеи Бахтина, предназначенные для анализа литературных текстов, могут иметь лишь ограниченное применение для задач социальных наук (Jones, 2016). Для анализа диалогического, интерперсонального характера действительных человеческих взаимодействий необходимы теории, которые предлагали бы свое объяснение природы человеческой коммуникации, субъекта и общества.

Британский философ и психолог Ром Харре вслед за Г. Гарфинкелем интересовался теми социальными структурами, которые делают возможными повседневные взаимодействия. Харре уверен, что именно в человеческой коммуникации существуют и эмоции, и сама человеческая личность – «я». Отталкиваясь, в том числе, от диалогизма Бахтина, он разработал *теорию позиционирования* для описания динамики дискурсивного производства субъекта (Якимова, 1999, 66-67). Тем самым он предложил пространственную метафору для описания диалогического столкновения идей или точек зрения, которое Бахтин обнаруживал в литературных текстах.

Позиция – это конкретная конфигурация прав и обязанностей участников разговора, которая дает им возможность задействовать те или иные средства для выполнения своих задач в рамках более общего локального морального порядка (Harré, 2008, 30). Источник прав и обязанностей, связанных с конкретными высказываниями и жестами – локальные, характерные для данного сообщества, представления об *иллокутивной силе* каждого из них, т.е. о «способности высказывания или действия производить социальный эффект здесь и сейчас» (Ibid.)⁸. Права и обязанности и, шире, локальный моральный порядок соответствуют *сюжетной линии* – форме выражения, которую выбирают участники из доступного им культурного репертуара. Сюжетная линия не только предлагает средства выражения, но и отвечает на вопрос, как участники взаимодействия понимают происходящее между ними. Таков треугольник позиционирования Харре: оперируя представлениями об иллокутивной (социальной) силе высказываний, участники коммуникации постоянно позиционируют себя и друг друга, и разворачивание этого процесса определяется принятой по умолчанию сюжетной линией и одновременно поддерживает или изменяет ее (Harré, van Langenhove, 1999, 18).

⁸ *Иллокутивная сила* – термин из теории речевых актов Дж. Остина, развитой Дж. Серлем (Серль, 1986).

Например, в сюжете, где признаются границы семьи, в культуре, где определенный тип высказывания обладает иллокутивной силой воспитательного воздействия, родители имеют право отчитывать своего ребенка, а соседка – нет. Другой пример: в большой семье в обсуждении недавних событий властная мать игнорирует реплики невестки и тем самым позиционирует ее как не имеющую права формировать историю семьи (Harré, 2008, 31). Сюжет исследовательского интервью предполагает позиции интервьюера и информанта и, в контексте «общества интервью», наделяет их высказывания разными иллокутивными силами: первый имеет право задавать вопросы и направлять разговор, а второй обязан на них отвечать, имеет право занимать несколько очередей пространственным монологическим говорением, а сами его высказывания обладают авторитетом носителя знания, избранного для исследования. Именно к такому конвенциональному пониманию морального порядка интервью апеллируют люди, которые обосновывают свой отказ дать интервью тем, что они недостаточно компетентны в теме.

Участники могут осваивать установленные в их диалоге позиции и действовать согласно соответствующим сюжетным линиям, признавая соответствующую конфигурацию иллокутивных сил, или оспаривать их. Например, если мужчина приносит своей спутнице извинения за то, что таскает ее с собой по улицам в дождь, она может протестовать и настаивать на альтернативном позиционировании, где она сама выбрала погулять с ним под дождем, т.е. сама отвечает за свои действия (Davies, Harré, 1999, 45-46).

В социальных науках разнообразие форм участия во взаимодействии описывал Ирвин Гоффман: говорящий может говорить сам за себя («автор»), но также и от чужого имени («аниматор»), или в интересах другого человека («принципала»), а слушающий может не только слушать, но и случайно услышать, намеренно подслушивать и т.д. Он предложил для них термин «опора»⁹ (footing) (Goffman, 1981). В отличие от опор, позиций может быть неограниченное множество. В отличие от социальных ролей, которыми вслед за социологической традицией оперировал Бриггс (см. раздел 2.1), позиции существуют только в диалоге и крайне динамичны (Harré, van Langenhove, 1999).

Расклад позиций меняется при воздействии на любой другой элемент «треугольника позиционирования». Если интервьюера приглашают выпить чаю, он садится с информантом за стол и выключает диктофон, интервью становится чаепитием, интервьюер и информант – собеседниками, которые делят стол и пищу. (Здесь, конечно, возможны гибридные варианты: диктофон может остаться включенным, чаепитие может проходить на том же месте, где интервью, — но так или иначе, с появлением чая и сюжет, и расклад позиций становятся

⁹ Перевод «опора» для footing предложил А. Корбут (Гоффман, 2007).

другими). Если в ходе интервью о даче оказывается, что информант в первый раз слышит о дачах и садовых участках, то иллюкативная сила его высказываний в интервью меняется вместе с раскладом позиций (интервьюер и информант становятся собеседниками, возможно – хозяином и гостем) и общим пониманием ситуации, которая из интервью становится беседой и, вероятно, переходит в прощание.

Понимание субъекта и субъектной позиции в дискурсивной прагматике принципиально отличается от такового в постструктурализме, где позиция децентрированного подвижного субъекта (т.е. ответ на вопрос, кто он) определяется актуальным в данный момент дискурсом (Фуко, 2004, 188). У Харре и его последователей субъект наделен большей активностью: он выбирает дискурсивную практику из доступного ему культурно специфичного репертуара, исходя из конкретных обстоятельств коммуникации, и тем самым создает соответствующий расклад позиций (Якимова, 1999, 70; Wetherell, 1998).

Рассматривать интервью как полифоническое речевое событие означает не только следить за диалогами участников беседы, но и различать разные голоса внутри реплик одного человека – то, что Бахтин называл «внутренними диалогами» или «микродиалогами» (Бахтин, 1972, 459). Феномен множественности перспектив внутри реплики одного человека — предмет внимания исследователей как литературы, так и устной речи.

Б.А. Успенский в книге «Поэтика композиции» развивает некоторые тезисы Бахтина и рассматривает полифонию как один из возможных принципов композиции художественного произведения (Успенский, 1970). Он говорит не о голосах, а точках зрения – «авторских позициях, с которых ведется повествование (описание)» (Там же, 10-11) и проводит инвентаризацию возможных способов работы с точками зрения в литературе и других видах искусства.

Совмещение разных точек зрения в одном произведении – это проблема композиции. Автор может занять точку зрения всевидящего наблюдателя, сконструировать позицию (для Успенского позиция и точка зрения – синонимы) наблюдателя, намеренно ограничив свое знание о героях, или присоединиться к позиции одного из героев, и все это – на протяжении одного произведения. Успенский выделяет четыре плана, где могут определяться конфигурации точек зрения и, соответственно, структурные принципы композиции:

1. С чьей-либо точки зрения может даваться оценка происходящего и других героев (план оценки).
2. Автор может насыщать свою речь стилистическими особенностями, характерными для кого-то из персонажей, и тем самым принимать его точку зрения (план фразеологии).

3. Автор может описывать пространство, глядя извне или с точки зрения одного из находящихся в нем героев, а также занять по отношению к событиям синхронную или ретроспективную позицию (план пространства-времени)

4. Автор может показывать происходящее через восприятие одного из героев (или глазами наблюдателя), а может – оперировать только объективными фактами (план психологии) (Там же, 12).

Больше всего Успенского, как и нас в этом разделе, интересуют приемы работы с множественными точками зрения на уровне минимальных единиц – одной фразы или даже одного слова, их совмещения и замещения (Там же, 31, 56-57). Манипуляции с точками зрения в художественном произведении – это инструменты, с помощью которых автор стремится донести до читателя свое послание. И в этом смысле точки зрения Успенского диалогичны.

Прежде чем приступить к диалогическому анализу устной коммуникации, нужно отдельно остановиться на приеме иронии, который представляет собой неистощимый источник трудностей для интерпретатора устной речи (поскольку нарушает «правило формы» в модели идеальной ситуации интервью по Бриггсу, см. раздел 2.1 настоящей главы), ведь произнесенные иронически слова нужно понимать противоположным образом. Ирония – это тот случай, когда диалогизм, множественность точек зрения может уместиться в одном слове и выражаться тонкими средствами интонирования или иных имплицитных отсылок к контексту. Бахтин относил иронию к «условно двуголосым словам» и описывал ее как один из приемов введения в свою речь чужого слова – с сохранением зазора, дистанции от него (Бахтин, 1972, 333, 347).

Лингвисты, которые изучают иронию в коммуникативном взаимодействии, главным признаком иронической коммуникации читают расщепление между высказанной (эксплицитной) и скрытой (имплицитной) точками зрения. Наличие этого расщепления, а также отношение к нему говорящего, – и есть главное послание иронического высказывания (Clift, 1999, 543; Kotthoff, 2003, 1392). Однако не всякое высказывание с двойным позиционированием иронично. Хельга Котофф, отталкиваясь от идей Бахтина, предлагает различать разные формы «инсценированной интертекстуальности» (staged intertextuality): иронию, пародию, цитирование и псевдоцитирование. Главным признаком иронии она считает наличие контраста, противопоставления между двумя перспективами. В других перечисленных формах это противопоставление отсутствует или не столь радикально (Kotthoff, 1998).

В речи ирония представляет собой совместное достижение говорящих (Clift, 1999, 546; Sidnell, 2010, 70-72). Несмотря на то, что, как показала Котофф, ирония далеко не всегда комична, универсальным способом продемонстрировать, что ирония распознана, является смех

или реплика, поддерживающая ироническую игру (Sidnell, 2010, 70). Чтобы распознать ироническое высказывание, а тем более – поддержать иронию, необходимо разделять с говорящим общее фоновое знание, общекультурное (этнографическое) или частное, повседневное (Kotthoff, 1998, 4). Поэтому поддержка иронии работает на возникновение между собеседниками ощущения солидарности, принадлежности к одной культуре или сообществу, а сами высказывания «с двойным дном» демонстрируют работу культуры и социальных ценностей в конкретной речевой коммуникации (Briggs, 1986, 47).

Собирая теоретический язык для данного исследования, я совмещу понятийные аппараты Бахтина, Харре и Успенского. Я буду пользоваться термином «позиция», говоря о диалогах между собеседниками, то есть «внешних» диалогах, и термином «точка зрения» (или его синонимом, который Успенский использует для изобразительного искусства, – «перспектива») – говоря о внутренних диалогах, которые разворачиваются внутри реплик одного человека. В четвертой главе я покажу, как мои собеседники манипулируют точками зрения, чтобы определенным образом позиционировать себя и прежде всего – в диалоге со мной.

1.3.3. Интервью и культура

В своем исследовании я намерена показать, что не только спонтанные речевые взаимодействия, с которыми работал М. Мурман, но и интервью, понятое как речевые события, достойные этнографического наблюдения, могут дать доступ к надындивидуальным представлениям и общепринятым практикам, т.е. к культуре изучаемого сообщества. Как увидеть в интервью работу культуры?

Во-первых, во время интервью участники могут использовать другие, устойчивые и нередко культурно специфичные формы повседневной коммуникации, прежде всего связанные с затрагиваемыми в беседе культурными доменами и практиками. Ведь, как отмечали и Бригс (Briggs, 1986), и Ковен (Koven, 2014), границы полуструктурированного интервью и других коммуникативных форм или жанров прозрачны и зыбки. Понятие жанра используют и Бригс, и Ковен в анализе интервью, и Георгакопулу в анализе интерактивных нарративов для установления связи между речевыми событиями и более широким спектром социальных (метакоммуникативных) практик и ожиданий. Я отдам предпочтение пониманию жанра, которое предложил М. Бахтин, когда обратился от проблем литературы к изучению разговорной речи. По Бахтину, речевые жанры – это устойчивые типы высказываний, которые задают форму, структуру, интонацию и экспрессивную окраску, а также «типическую

концепцию адресата» высказывания (Бахтин, 1997, 159, 180-181, 191, 200). Речевые жанры тесно связаны со сферами человеческой деятельности (т.е. сферами или доменами культуры) и могут быть классифицированы по ним (Там же, 165). Поэтому невозможно дать их исчерпывающий список: «...в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» (Там же, 159).

В четвертой главе я покажу, что в корпусе моих интервью с садоводами можно обнаружить семейство речевых жанров дачного разговора. Их объединяет связь с дачными практиками, которые обеспечивают как их тематику, так и контексты возникновения: обмена секретами любительского садоводства и строительства в транспорте по дороге на дачу, демонстрации достижений во время визитов на участки, обсуждение вкусовых качеств урожая, жалобы на соседей, передвинувших забор, и т.д. Кроме того, дачные разговоры — это общение между садоводами, людьми, объединенными общими интересами и проблемами. В них нет места отстраненному исследователю-интервьюеру. В моих интервью благодаря проницаемости жанровых границ стало возможно не только цитирование, но и реализация, исполнение дачных разговоров, поскольку у меня, как и у моих собеседников есть садовый участок, т.е. у них были основания опознавать меня как носителя схожего опыта.

Понятие речевого жанра нацелено на решение тех же задач, что и треугольник позиционирования Харре: связать конкретные коммуникативные взаимодействия с тем обществом, где живут участники. Различаются акценты и степень проработанности тех или иных аспектов. Бахтин подробно останавливается на том, как речевой жанр придает форму речи (сюжетные линии Харре выполняют приблизительно эту же задачу), но лишь вскользь говорит о «типической концепции адресата» (Бахтин, 1997, 200) и дистанции между говорящими (Там же, 203), характерных для жанра, что близко к позиционной динамике Харре. Бахтин совсем не говорит об источниках иллокуции (тех социальных силах, которые обеспечивают действенность позиций), но зато проводит связь речевых жанров с неречевыми практиками. Поэтому треугольник позиционирования хорош для анализа конкретных речевых взаимодействий, в то время как понятие речевого жанра помогает, отталкиваясь от выявленных сюжетных линий, выходить на связанные с ними неречевые практики.

Во-вторых, в разговоре между носителями одной культуры могут быть выявлены и описаны общие фоновые знания, которые разделяют участники. Основатель этнометодологии Гарольд Гарфинкель заставил студентов провести серию экспериментов со своими близкими. Например, молодые люди дома вели себя так, будто они пришли туда в первый раз и не знакомы ни с бытом, ни с родственниками. Или записывали свои обыденные разговоры с

родными и потом пытались объяснить, за счет чего собеседникам удавалось понимать, казалось бы, обрывочные и бессвязные реплики друг друга. Выяснилось, что понимание между людьми в повседневной коммуникации возможно за счет огромных массивов знаний, которые очевидны для всех участников и потому не проговариваются вслух (Гарфинкель, 2007, 49-55). Реплики обыденных диалогов – только «вершины айсбергов», когда как «подводная часть» – те контекстуальные знания, которыми обладают люди, много времени проводящие вместе или принадлежащие одной культуре.

М. Мурман написал свою этнографию тайских разговоров, эксплицируя их культурные и социальные контексты, те знания, которые разделяли их участники и он как исследователь этого общества (или, в терминах гирцевой этнографии, производя «насыщенные описания»). Ему, представителю другой культуры, было несложно увидеть их и сделать интересными для своих западных читателей (Moerman, 1988). Антрополог, который работает в своей культуре, подчас вынужден проводить со своими информантами гарфинкелевские эксперименты, притворяясь, будто он не знает, о чем идет речь, и не понимает их намеков, чтобы получить развернутые ответы и вывести «подводные» фрагменты «айсберга» на поверхность. Если же он этого не делает, в его исследовательских разговорах возникают умолчания, указывающие на общие очевидности, которые можно распознать и описать, как это сделали студенты Гарфинкеля. И таким образом избежать опасности упустить из виду значимые различия между собеседниками, принадлежащими одной культуре, о которой писал Бриггс (Briggs, 1986, 43).

Далеко не всегда непонимание в интервью подстроено специально. И такое спонтанное непонимание тоже может быть чрезвычайно информативным. Вопросы интервьюера предлагают определенные способы структурирования опыта, которые могут вовсе не разделять его собеседники, даже если они принадлежат одной культуре. Выше уже цитировались примеры неверных пресуппозиций, которые приводил Ч. Бриггс в своей книге, говоря о проблемах референции в интервью. Если интервьюер исходит из других пресуппозиций, он может подобрать для описания явления словарь, который не устроит информанта, вызовет непонимание или раздражение. А бывает, что локализация вопросов в интервью вступает в противоречие с *коммуникативным проектом* собеседника. Ведь когда мы начинаем разговор, мы обычно примерно представляем, что хотим сказать, какие ответы собеседника могут последовать, и как мы будем на них реагировать. Для этого явления существует термин *проект коммуникации*: исходя из своего проекта, говорящий оценивает действия собеседника и принимает решения о своих реакциях (Goodwin, Goodwin, 1987, 4; Sidnell, 2010, 68). В исследовательском интервью коммуникативные проекты интервьюера в идеале исходят из его исследовательских задач. В полуструктурированном интервью интервьюер заинтересован в

том, чтобы его собеседник как можно полнее осуществил собственные коммуникативные проекты в отношении задаваемых вопросов: это позволяет увидеть, как человек сам структурирует свой опыт. Но иногда вмешательства и столкновения проектов избежать не удастся. Такие столкновения выводят на поверхность различия и тем самым помогают получить доступ к неочевидным граням жизненного мира собеседника.

В-третьих, когда людям нужно обосновать свои или чьи-либо ещё действия и суждения, объяснить какие-либо явления, они обращаются к тем объяснительным ресурсам, которые дает им их культура. Для выявления таких ресурсов можно воспользоваться методом критического анализа дискурса (КДА) Н. Ферклафа, который нацелен на выявление связей между функционированием языка (дискурсом) и социальными практиками (Jorgensen, Philips, 2002, 69). Ферклаф рассматривает дискурс как форму социальной практики, которая одновременно и отражает существующий социальный порядок, и формирует новые социальные структуры. Высказывание, таким образом, является действием, способным изменять мир, но при этом само по себе обусловлено социальными и историческими условиями своего производства (Ibid.). КДА особенно внимателен к *интердискурсивности* – встрече разных дискурсов и жанров в одном высказывании (здесь очевидно влияние Бахтина). Наличие интердискурсивности (гибридности) Ферклаф рассматривает как индикатор возможных социальных изменений, которые зарождаются на уровне повседневных речевых взаимодействий. Ее отсутствие, соответственно, интерпретируется как воспроизводство существующих порядков дискурса и социальных практик. Например, если в высказываниях, которые производятся в социальном домене высшего образования, наблюдается смешение двух порядков дискурса: высшего образования и бизнеса, – то это и отражает, и поддерживает идущие процессы превращения образования в услугу, а университетов – в корпорации. «Критичность» КДА заключается в том, что он раскрывает роль дискурсивной практики в воспроизводстве определенного миропорядка, в том числе порядка власти (Jorgensen, Philips, 2002, 61-72).

Так становится возможна этнография дачного разговора – его насыщенное описание как события, участники которого во взаимодействии друг с другом мобилизуют устойчивые культурные формы, чтобы заново осмыслить прошлый опыт и актуальную действительность.

Выводы

За последние несколько десятилетий в антропологической теории и практике был создан терминологический аппарат и инструментарий для работы с разговором, причем как с

естественно протекающей речью, так и с интервью – отдельным жанром разговора. И тем не менее, по-прежнему остаются актуальными две проблемы:

Во-первых, актуальна разработка метода, который бы объединял внимание к микромеханике коммуникативного взаимодействия, интерес к производимым в разговоре смыслам и к более широким социальным и культурным процессам, которые находят отражение в разговоре, т.е. позволял бы целостный взгляд на разговор и исследовательское интервью в частности как на речевое событие. Метод конверсационного анализа стал общепринятым для всех, кто интересуется интерактивностью устной речи, но для перехода к работе со смыслами и выхода на более широкие контексты нужны дополнительные инструменты. М. Мурман предложил этнографический метод насыщенного описания для экспликации социального и культурного контекста спонтанной коммуникации (Moerman, 1988). Ч. Бриггс пользуется понятиями коммуникативных компетенций и метакоммуникативных практик из этнографии речи, чтобы представить речевое событие интервью в его социально-культурном контексте (Briggs, 1986). Новая парадигма нарративного анализа А. де Фины и А. Георгакопулу предлагает решать проблему перехода к смыслам и контекстуализации историй, рассказанных во взаимодействии, при помощи литературоведческих понятий нарратива и жанра (de Fina, Georgakopoulou, 2008). Поиски продолжаются.

Во-вторых, внимание к интерактивности разговора и в частности исследовательского интервью до сих пор не стало общим местом в методологии антропологов и социальных исследователей в целом и локализовано в узких дисциплинарных областях лингвистической антропологии, социолингвистики или исследований нарратива или дискурса. В исследовательских кругах по-прежнему распространено восприятие интервью как свидетельского описания событий и мыслей и чувств по их поводу, а присутствия интервьюера – как помехи, «шума», который мешает информанту высказывать свои подлинные мысли.

Между тем, метод интервью получает новое осмысление в антропологии современного города, где встреча для интервью часто оказывается единственной возможностью для включенного наблюдения. Это значит, что необходимы методологические разработки, способные обеспечить анализ интервью как интерактивного взаимодействия, пространства событий, доступных наблюдению.

Я предлагаю использовать для решения указанной методологической проблемы бахтинское понятие диалога (полифонии) (Бахтин, 1972). Несмотря на то, что понятие диалога Бахтина активно осваивалось в американской антропологии (постмодернистской этнографии) 1980-х, разговор для антропологов остался лишь политически благоприятной фигурой для

описания полевой работы этнографа. Потенциал бахтинской полифонии для изучения разговора в поле как культурно обусловленной ситуации взаимодействия не был реализован.

Наряду с бахтинской полифонией, я намерена адаптировать ряд аналитических моделей и методов, разработанных для анализа разговора в этнографии речи, конверсационном анализе, прагматике дискурса, семиотике композиции. Показать в интервью работу более широких культурных и социальных контекстов мне помогут понятие *речевого жанра* М. Бахтина, метод выявления фоновых очевидностей Г. Гарфинкеля, метод насыщенного описания К. Гирца и критический анализ дискурса Н. Ферклафа.

Глава 2. Рождение объекта дачных разговоров: история садоводческих товариществ

2.1. История садоводческих товариществ с 1949 г. по настоящее время

2.1.1. Начало: коллективные сады

Начало организованному любительскому садоводству горожан положило Постановление СМ СССР «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» № 807 1949 г., которое добавило к сложившейся ещё до войны практике огородничества рабочих на городских окраинах новый вид городского земледелия – садоводство. Теперь городские предприятия и организации могли запрашивать у государства землю под «коллективные сады» своих сотрудников. Постановление СМ РСФСР 1955 г. предписывало «коллективам садоводов предприятий, учреждений и организаций» объединяться в садоводческие товарищества (СТ), в 1956 г. вышел первый Типовой устав СТ.

Коллективный сад можно было обрабатывать всем вместе, а можно было разделить на индивидуальные участки и распределить между сотрудниками, подавшими заявление, что чаще всего и делалось (о разногласиях по этому вопросу в начале 1950-х гг.: (Ловелл, 2008, 195)). Поначалу допускалось варьирование размера индивидуального участка от 600 до 1200 м². Был определен вид собственности (бессрочное пользование) и условия получения участка: пять лет работы на предприятии, освоение участка за три года (участок, не освоенный в этот срок, мог быть изъят). В случае смерти члена товарищества право пользования садом оставалось за его семьей (кто-нибудь из членов семьи вступал в товарищество) (Типовой устав..., 1956). Участок можно было «продать» – передать другому сотруднику предприятия, получив компенсацию затрат на освоение (вся земля оставалась государственной, участок находился только в пользовании садовода, но постройки и насаждения, согласно советским законам, были его личной собственностью и потому подлежали компенсации (Коллективное садоводство и огородничество..., 1980, 21)). Небольшие организации могли объединяться или присоединяться к более крупной, чтобы получить садовые участки для своих сотрудников.

Вопрос строительства на участке имел политическое значение, поскольку был связан с вопросами и о допустимом диапазоне индивидуального действия в коллективном саду, и о допустимом наборе благ в личном пользовании советского человека: может ли садовод возделывать только свой индивидуальный надел и, соответственно, хранить свои

инструменты в отдельном строении? Может ли горожанин иметь второе жилье на садовом участке? Отсутствие каких-либо комментариев относительно построек в первом Уставе приводило к тому, что кое-где местные власти запрещали любое индивидуальное строительство на садовых участках, или разрешали только небольшие будки для инструментов, а также коллективные «павильоны» на несколько семей¹⁰ (Ловелл, 2008, 194). Между тем, сады могли располагаться в 50 и более километрах от города (особенно при больших городах, таких как Ленинград).

В 1966 г. вышел новый Типовой устав, который более подробно регламентировал существование СТ, прояснял нормы строительства и посадок. Этот устав узаконил право членов СТ строить «садовые домики летнего типа» площадью 12-25 м² с террасами до 10 м²¹¹. Ответственность за соблюдение законности внутри СТ лежала на руководителе предприятия и профсоюзном органе (Типовой устав 1966, п. 2). Так наступила определенность: второе жилье горожанину разрешалось, но не постоянное, а только на летнее время, чтобы ухаживать за садом, расположенным вдали от городского жилья.

2.1.2. «Садоводческий бум»¹² 1980-х: накормить город, «возродить хозяина»

В советском правительственном воображении любительское садоводство горожан было частью сельскохозяйственной политики и шло в одном ряду с ЛПХ - личными подсобными хозяйствами колхозников. Однако место ЛПХ, т.е. индивидуального пользования землей для самообеспечения, в социалистической идеологии было проблематичным. В сталинской и хрущевской моделях социализма ЛПХ считались временным явлением, которое вот-вот отойдет в прошлое (Bruisch, 2016, 90). Однако в 1970-е годы стал очевиден кризис советской деревни, падение сельскохозяйственного производства, массовый отток из сел в города.

¹⁰ Например, «павильоны» на пять-десять семей были построены в СТ в пос. Солнечное, которое образовалось в 1953 г. В 1990-м их разрешили снести и построить вместо них индивидуальные садовые домики. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 62. Д. 74. Л. 136-152).

¹¹ Некоторые исследователи предполагают, что смягчение властей по отношению к домостроительству на садовом участке связано с переходом страны на два выходных дня в неделю, который состоялся через год, в 1967 г. (Аверкиева, Антонов, Кириллов и др., 2016, 306). Впрочем, как показывает протокол заседания Ленинградского Горисполкома 14.10.1974, двусмысленность и разногласия по указанным вопросам на местах сохранились и после: зам. председателя Ленгорисполкома настаивает, что индивидуальные участки в коллективном саду выделяться не могут, и если это происходит, то это не имеет никакого официального статуса (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 47. Д. 143. Л. 220). Председатель одного из райисполкомов уверен, что «домик летнего типа» не может быть ни деревянным, ни бревенчатым, хотя в постановлении не уточняется материал постройки (Там же. Л. 214).

¹² «А тут, как говорится, просто бум», – так охарактеризовал ситуацию с развитием коллективного садоводства в стране М.С. Горбачев в своем выступлении на Всесоюзном совещании представителей рабочего класса, крестьянства, инженерно-технических работников в январе 1990 г. (Коллективное садоводство и огородничество..., 1991, 11).

Отрицать роль ЛПХ в жизни колхозников было уже невозможно. Анализируя научные труды советских социологов и экономистов и публицистику этого периода, немецкий историк Катя Бруйш замечает, как ЛПХ становится все более легитимной темой исследований и к концу 1970-х ассимилируется государственной идеологией: в официальной печати ЛПХ теперь выступает не как пережиток, а как составная часть экономики социализма, которая, в свою очередь, признается многоукладной. Более того, индивидуальное хозяйство становится легитимным источником социалистических ценностей: признается роль ЛПХ в становлении личности советского колхозника (Ibid., 90-91). Исследовательница полагает, что, легитимизируя индивидуальные хозяйства, власть пыталась преодолеть социальную исключенность деревни, создать позитивный образ сельской жизни и таким образом справиться с кризисом советского села (Ibid.: 93). Законодательные акты, проводившие в жизнь эти изменения идеологического курса, распространялись и на коллективное садоводство горожан.

В 1977 г. выходит Постановление СМ СССР от 14.09.1977 № 843 «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» (его российская версия – Постановление СМ РСФСР от 12.12.1977 № 623), которое существенно расширило диапазон возможного сельскохозяйственного использования садового участка. Теперь садоводам разрешалось держать кроликов и птицу, заниматься пчеловодством (Постановление № 843, п. 76). Разрешалось также строить садовые домики «с отоплением твердым топливом», т.е. с печами (Там же, п. 76), что означало приближение садового домика к дому, пригодному для круглогодичного проживания. Расширяется роль предприятия в жизни садоводства. С 1966 г., согласно Постановлению СМ РСФСР и ВЦ СПС № 261 от 18.03.1966 «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР», предприятиям разрешалось помогать своим садоводам в благоустройстве, которое до того осуществлялось только на средства самих садоводов. Теперь организации могли использовать для этих целей фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства и покрывать до четверти расходов на строительство внутренней инфраструктуры сада – дорог, электрических и водопроводных сетей и т.д. (Постановление № 843, п. 11).

Постановление СМ РСФСР № 141 от 13.03.1981 «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан РСФСР» предписывало органам советской власти всех уровней «повсеместно создать такой общественный климат, при котором колхозники, рабочие, служащие и другие граждане ощущали бы, что, выращивая в личном подсобном хозяйстве скот и птицу, занимаясь

огородничеством и садоводством, они делают полезное государственное дело» (п. 17). В том же 1981 году индивидуальные земледельцы получили свой собственный печатный орган – журнал «Приусадебное хозяйство», который до этого был приложением к журналу для колхозников «Сельская новь», обрел самостоятельный статус. Наоми Гальц, которая посвятила истории журнала «Приусадебное хозяйство» целый раздел своей диссертации, показала, что идеологическая реабилитация индивидуального земледелия, которую поддерживали и отчасти осуществляли сотрудники журнала, была сопряжена с легитимацией особого рода знания – практического, основанного на личном опыте многочисленных советских садоводов-любителей¹³. При том, что публикация «полезных советов» читателей, касающихся быта, была широко распространена в советской периодике в это время, в сельскохозяйственной сфере эта практика столкнулась с сопротивлением профессиональных агрономов, которым в итоге пришлось покинуть редакцию «Приусадебного хозяйства» (Galtz, 2000, 325–334).

Продовольственная программа СССР, принятая в 1982 г., перечисляла коллективное садоводство рабочих и служащих среди мер преодоления дефицита продовольствия в городах и тем самым официально вводила любительское садоводство горожан в ряд стратегических задач государственной важности (О продовольственной программе СССР на период до 1990 года..., 1982). В том же 1982 г. для садоводов и огородников, и коллективных, и индивидуальных, был отменен сельскохозяйственный налог (Коллективное садоводство и огородничество..., 1987, 53). В течение 1980-х гг. выходит ряд постановлений и инструкций, которые должны были вписать нужды садоводов-любителей в плановую экономику, где до того возможности для частного строительства были весьма ограничены: порядок проведения строительных, мелиоративных и т.п. работ по договорам с СТ, «порядок продажи и доставки населению строительных материалов», «порядок оказания частным лицам платных услуг не по профилю предприятия» (Там же), порядок продажи населению отходов производства и бракованных изделий, правила розничной торговли «лесными и строительными материалами» (Коллективное садоводство и огородничество..., 1991), и т.д.

Постановление 1977 г. стало триггером «садоводческого бума» 1980-х — массовых раздач земель под садовые участки. Сборник юридических материалов о коллективном

¹³ Гальц сравнивает это знание с «метисом» – термин, введенный Дж. Скоттом для знания, рождающегося из практического опыта: «огромное множество практических навыков и приобретенных сведений в связи с постоянно меняющимся природным и человеческим окружением» (Скотт, 2005, 498). Согласно Скотту, метис не подлежит кодификации и записыванию и уж конечно не может распространяться на страницах официальной периодики. Между тем, отмечает Гальц, именно такое практическое знание о садоводстве циркулирует на страницах журнала «Приусадебное хозяйство» с 1980х гг. и работает на формирование «воображаемого сообщества» советских-российских садоводов-любителей (Galtz, 2000, 313-314, 334).

садоводстве, опубликованный в 1980 г., приводит следующие цифры по СССР: 23 тыс. СТ занимают около 200 тыс. га, в них состоят более 3,4 млн семей рабочих и служащих, из них около 900 тыс. (почти четверть) получили сады в 1978-1979 гг. (Коллективное садоводство и огородничество..., 1980, 3). К 1986 г. цифры удваиваются: 44 тыс. СТ, 6,6 млн садоводов, 426 тыс. га земли (Коллективное садоводство и огородничество..., 1987).

Одновременно с поощрением любительского садоводства горожан в начале 1980-х гг. шло ужесточение контроля целевого использования садовых участков и, прежде всего, соблюдения норм при строительстве садовых домиков, которые ни в коем случае не должны были превратиться в «особняки», т.е. стать чем-то большим, чем место для хранения инструментов и отдыха от работы на участке. Постановление Президиума ВС РСФСР № 40 1985 г. «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества» (локальная адаптация одноименного Постановления СМ СССР № 1286 1984 г.) предписывало перестраивать или сносить дома, не соответствующие установленным нормам. Более жесткая сельскохозяйственная ориентация закреплялась в новом Типовом уставе 1985 г. (Постановление СМ РСФСР от 11.11.1985 № 517).

Идеологическая реабилитация индивидуального землепользования тем временем продолжалась. Как отмечают в своих исследованиях О. Кирчик и С. Алымов, во второй половине 1980-х гг. на первый план в советском общественном и политическом дискурсе вышел образ ответственного квалифицированного работника, «хозяина» (Кирчик, 2006; Алымов, 2018). При том, что осмысление этого образа и видение будущего страны у сторонников либеральных реформ и консерваторов различались, и те, и другие были уверены, что именно «хозяин на земле» способен вывести советскую экономику страны из кризиса «бесхозяйственности» - безответственного и равнодушного отношения к делу. Идеалом консерваторов был колхозник-арендатор земли, в то время как реформаторы мечтали о свободном фермере (Кирчик, 2006). Садовод-любитель, будучи явлением скорее городским, чем сельским, в этой дискуссии не фигурировал, но политический курс, который формировался под ее влиянием, касался и его тоже. Его судьбой был озабочен, например, экономист Б.С. Жихаревич. В своем докладе 1986 г., рассуждая в консервативном ключе, он не только указал на воспитательное значение любительского садоводства горожан, но и представил его как следующий, урбанизированный, этап в эволюции ЛПХ и таким образом нашел для идеологически сомнительного садоводства горожан место в социалистической программе будущего (Жихаревич, 1986, 6).

Начиная с осени 1987 г., был принят целый ряд законов и постановлений об СТ в духе реализации программы «возрождения хозяина на земле». Постановление ЦК КПСС и СМ СССР

от 19.09.1987 № 1079 «О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и огородничества» указывало, что «излишняя регламентация» этих видов деятельности препятствует полной реализации их возможностей для «увеличения производства сельскохозяйственной продукции». Этот документ отменял все ограничения на обустройство садовых участков, расширял возможности строительства (теперь размер жилой площади дома может достигать 50м²) (Постановление № 1079, п. 7). Радикальные изменения в статусе коллективного садоводства горожан произвел Закон СССР от 26.05.1988 № 8998-ХІ «О кооперации в СССР»: он признает СТ «составной частью системы кооперации» (потребительским кооперативом). Теперь СТ могли заключать договоры с колхозами, потребительскими кооперативами и проч. на производство и продажу сельскохозяйственной продукции, т.е. получать прибыль (Закон № 8998-ХІ, ст. 52). В отношении СТ этот закон действовал до 1998 г. Согласно последнему Типовому уставу СТ 1988 г., организовать СТ могли не только городские рабочие и служащие, но и колхозники. Таким образом был расширен функционал коллективного садоводства: теперь это не просто способ прокормить голодающий город, но разновидность потребительского кооператива с возможностью предпринимательской деятельности, доступная и горожанам, и жителям села.

Типовой устав 1988 г. действовал меньше года. Весной 1989 г. и этот устав, и упомянутое постановление 1987 г. были ликвидированы Постановлением СМ РСФСР 19.04.1989 г. № 126 «О признании утратившими силу решений правительства РСФСР по вопросам кооперации». С этих пор типовых уставов СТ больше не было, устав теперь могли составлять сами члены товарищества, ориентируясь на действующее законодательство. Более того, в соответствии с законом РСФСР 1990 г. № 374-1 «О земельной реформе», земли садовых товариществ передавались в коллективную собственность их членов (ст. 5, ст. 8). Это означало, что коллективные сады больше не принадлежали предприятиям, при которых они были организованы¹⁴. Отделение СТ от предприятий не случилось одномоментно, как только вышел новый закон. Предприятия, которые пережили перестройку, реагировали на новое законодательство по-разному, и некоторые СТ получили независимость значительно позднее, скажем, в 1994 г. (3_ТА¹⁵). Так или иначе, в начале 1990-х все садовые товарищества стали

---

¹⁴ О.Н. Афанасьев, Президент Межрегиональной садоводческой ассоциации «Садовод и закон», образованной в конце 1980-х гг., впрочем, провозгласил свободу СТ от предприятий уже на основании их включения в систему кооперации в 1988 г. (Коллективное садоводство и огородничество..., 1991, 3).

¹⁵ Здесь и далее так выглядят ссылки на корпус интервью, собранных автором. Цифра означает номер аудиозаписи в архиве собирателя, буквы – инициалы информанта. Полный список интервью со сведениями об информантах см. в Приложении 1.

независимыми кооперативными организациями граждан¹⁶.

2.1.3. Садоводства в «свободном плавании»: 1990-е и 2000-е гг.

Российские СТ оставались в обобщенном статусе кооперативов без какой-либо дополнительной регламентации до 1998 г., когда был принят Федеральный закон № 66 «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан», который утверждал реорганизацию прежних СТ в новые СНТ (садоводческие некоммерческие товарищества) и регулировал деятельность этих новых образований. Как следует из названия закона, он объединяет формы землепользования, которые в советское время назывались дачными кооперативами, садоводческими или огородническими товариществами, под одной шапкой «некоммерческих объединений». Но различия между ними сохранялись те же самые: назначение садового участка, в первую очередь, сельскохозяйственное и лишь во вторую очередь – отдых; дачный участок предназначен только для отдыха, но указывается право выращивания сельхозкультур; в случае с огородным участком речи об отдыхе не ведется вовсе. Жилой дом можно построить только на дачном и садовом участке. Возможность регистрации проживания первоначально оговаривалась только для дачного участка; в 2008 г. регистрация была разрешена и на садовом участке (если он находится внутри населенного пункта и если дом соответствует ряду условий). Это значит, что в топографии землепользования современной России садовый участок сближается не с крестьянскими хозяйствами, как в позднесоветское время, и не с предпринимательскими кооперативами, как в перестроечные годы, а с дачами. При этом он по-прежнему остается землей с ограничением вида пользования и лишь в отдельных случаях может быть полноценным альтернативным жильем, то есть занимает промежуточную позицию между огородом и дачей. СНТ по-прежнему могут заниматься предпринимательской деятельностью, если она соответствует их уставным целям (ФЗ-66, ст. 6, п. 1).

После отделения СТ от предприятий советские, а потом – российские садоводы оказались предоставлены сами себе. Им нужно было учиться самостоятельно выживать в новых экономических и политических условиях. Чтобы сохранить землю, ее нужно было приватизировать (перевести в частную собственность). Как уже упоминалось, передача всех ранее предоставленных земель для ведения садоводства в собственность граждан была

---

¹⁶ Некоторые крупные предприятия, которые сумели пережить смену экономического режима, правда, довольно долго ещё сохраняли неформальные связи со своими садоводами через тех членов товариществ, которые продолжали там работать, и могли, например, предоставлять помещение для проведения зимних собраний или давать ссуды (3_ТА; 13_БН).

провозглашена ещё в Законе РСФСР «О земельной реформе» 1990 г. (ст. 8). На деле же процесс документального оформления частной собственности на участки длится до сих пор и идет параллельно с кадастровым учетом, т.е. инвентаризацией этих земель. Учет превращает садовые участки в объекты купли-продажи, выводит их на земельный рынок. В процессе кадастрового учета выделенные, измеренные и инвентаризованные индивидуальные доли земли получают четкие стабильные границы, чего в садоводствах никогда не было. Это обостряет пограничные конфликты между соседями, которые стали визитной карточкой российской массовой дачи, а также между отдельными садоводами и товариществом (Касаткина, 2015).

Чтобы товарищество функционировало как юридическое лицо и работала его инфраструктура, нужно поддерживать в порядке документы, собирать взносы, платить земельные налоги, организовывать содержание дорог, электросетей, водопровода. Структура управления СНТ осталась прежней: наиболее важные вопросы решает общее собрание членов товарищества, оно же избирают правление из собственного состава. Значительно большую роль, согласно закону 1998 г., стал играть председатель правления, и вероятно, поэтому теперь он избирается не правлением, а общим собранием членов садоводства. Председатель подписывает финансовые документы, заключает сделки и открывает банковские счета, при необходимости представляет СНТ в органах власти (ФЗ-66, ст. 21-24). Широкие полномочия означают серьезную ответственность. В отсутствие предприятия и профсоюзных органов, которые в советское время принимали ответственность на себя, председатели СНТ находятся в чрезвычайно уязвимой позиции. Председатель распоряжается взносами и подписывает смету расходов, и в условиях дефицита доверия рядовые садоводы постоянно подозревают его в растратах и присвоении общих средств (Касаткина, 2012). При том, что председателем могут выбрать человека без каких-либо управленческих навыков¹⁷, ему придется разбираться в законодательстве, финансовых документах, делопроизводстве и отчетности, иметь дело с налоговыми органами и разнообразными инспекциями (например, СЭС или пожарными). Местные органы исполнительной власти поддерживают садоводов. Так, в составе Правительства Петербурга есть Управление по развитию садоводства и огородничества, которое курирует так называемый Дом садовода, где работают курсы для председателей,

---

¹⁷ В садоводствах, где ещё сильна память о прежних иерархиях, оставшихся от предприятия, места в правлении могут занимать бывшие или даже актуальные начальники или члены профкома, т.е. люди с определенным авторитетом и управленческим опытом. Например, моя собеседница и председатель садоводства Т.А. с советских времен и на момент нашего разговора была членом профкома в своем КБ, хотя в правление (по ее словам) попала не по этой причине. Но во многих местах иерархии эти уже размыты, или никогда не существовали, и правление формируется на других основаниях. Так что председателем может стать как офицер подводного флота в отставке, владелец бизнеса или бывшая активная комсомолка, так и артист балета или преподавательница французского языка (все примеры – из моей полевой работы в Дивенской и Мшинской, Ленинградская область).

бухгалтеров и ревизоров СНТ, проводят бесплатные консультации юристы¹⁸. В этих непростых условиях появился особый речевой жанр разговора председателей.

Контроль СНТ со стороны местной власти минимален (до полного отсутствия), хотя земельный налог садоводы выплачивают в районную налоговую службу. Закон регулирует деятельность товарищества лишь в самых общих чертах, предлагая по многим вопросам составлять собственные внутренние регламенты. Садовые участки, даже те, которые находятся на территории населенных пунктов, но не имеют статуса ИЖС (индивидуальное жилое строительство), не охвачены инфраструктурой поселений: к ним не обязаны выезжать скорая помощь и пожарные, там нет регулярного полицейского патрулирования, у домов нет почтовых адресов. Свою внутреннюю инфраструктуру они содержат только за счет своих средств, т.е. взносов. Все это дает СНТ большую свободу распоряжаться своими внутренними делами, которая может обернуться произволом и серьезными злоупотреблениями, вплоть до мошеннического отъема земли и вымогательства, а может стать основой для эффективного, работающего самоуправления, действующего в интересах членов садоводства¹⁹. В своей полевой работе мне доводилось наблюдать примеры и того, и другого (Касаткина, 2012; Kasatkina, 2016; Касаткина, 2017а). Учитывая эти обстоятельства существования современных СНТ, исследователи отводят им роль обучающих пространств, где россияне осваивают новый режим собственности и формы прямой демократии (Вагин, 1997; Ловелл, 2008; Caldwell, 2011). При том, что, как показывают мои наблюдения, в таких условиях, хоть и с переменным успехом и крайне неравномерно, действительно идет освоение науки жить сообща в новых условиях и выработка новой политической культуры и способов публичного говорения (Kasatkina, 2016; Касаткина, 2017а), сами садоводы не рады своей свободе. Эффективная организация самоуправления требует большого труда и самоотдачи, в то время как садовые участки остаются, прежде всего, местом отдыха и хобби (Касаткина, 2012).

Одно из возможных решений проблемы управления СНТ – вхождение в структуру местных органов власти через слияние с существующими населенными пунктами или образование новых. Тем более что некоторые садоводы строят полноценные жилые дома на

---

¹⁸ Подробнее об этой организации можно узнать на ее сайте: http://souzsadrus.ru/dom_sadovoda (24.03.2019).

¹⁹ Некоторая стихийность, пренебрежение соблюдением законов и правил, была характерна и для советских садоводств, и это не только самозахваты земли или превышение разрешенного размера дома, которые бесконечно обсуждались на заседаниях Ленинградского Горисполкома (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 42. Д. 1391. Л. 121-132; Там же. Оп. 47. Д. 143. Л. 189-193; Там же. Оп. 51. Д. 121. Л. 70-73; и т.д.). СТ функционировали в составе своих предприятий и под их защитой и потому могли позволить себе не тратить много усилий на соблюдение формальностей и правил документооборота. Например, член образовавшейся в 1990 г. организации «Садовод и закон», которая ставила своей целью правовое просвещение садоводов, отмечает, что в советских СТ крайне редко вносили изменения в устав с выходом новых постановлений или Типовых уставов. Чаще просто хранили старый устав, а действовали согласно новым требованиям (Коллективное садоводство и огородничество..., 1991).

своих садовых участках и переезжают туда, особенно пенсионеры или жители небольших городов, где садоводства расположены в городской черте²⁰. В 2008 г. решением Конституционного суда была разрешена регистрация проживания в садовом доме в садоводстве, расположенном на территории населенного пункта, и таким образом был сделан важный шаг к превращению садового дома в полноценное жилье (Постановление Конституционного суда Российской Федерации № 7-П, 14.04.2008; Прописка на даче..., 2013). Авторитетный сторонник превращения СНТ в населенные пункты – А.А. Мелоян, профессор Санкт-Петербургского Аграрного университета, который 20 лет руководил огромным массивом СНТ в Дивенской (т.н. Южный куст) и издал книгу рекомендаций для членов правлений. Он настаивает на приоритете досуговой и воспитательной функции садоводств и, несмотря на собственные достижения в области управления СНТ, которые он обобщил в своей книге, Мелоян уверен, что самостоятельно садоводства не смогут справиться с формированием комфортной среды для решения этих задач (Мелоян, 2005, 6). Поскольку книга издана при поддержке «Союза садоводов России» и петербургской городской программы развития садоводств, можно полагать, что в середине 2000-х гг. эту позицию разделяли и правительственные органы, по крайней мере, в Петербурге.

В Законе 1998 г. заложен механизм постепенной ликвидации СНТ для перехода к другим формам объединения независимых земельных собственников, в том числе, административной. Членство в прежних СТ неразрывно было связано с правом на пользование участком, и если человека исключали, он лишался этого права. СНТ – это добровольная организация. Владелец приватизированного участка может выйти из СНТ и продолжать заниматься садоводством «в индивидуальном порядке» (ФЗ-66, 1998, ст. 8). На деле же превращение СНТ в населенные пункты – чрезвычайно сложный процесс, который, насколько мне известно, ещё нигде в России не начат. Однако и в отсутствие радикальных административных реформ сверху в современных СНТ достаточно других процессов, которые идут в горизонтальной плоскости и постепенно трансформируют их уклад. Это и выход садоводов из товарищества, и уже упоминавшееся переселение горожан в садоводства на постоянное жительство, и укрупнение участков в результате покупки земли у соседей, и развитие садоводческой инфраструктуры за счет правительственных программ помощи или собственных средств состоятельных садоводов. Одни садоводства развиваются как зоны отдыха, другие – как жилые поселки, третьи, напротив, постепенно приходят в упадок. На сегодняшний день о будущем СНТ в России одно можно сказать с уверенностью: у разных

---

²⁰ О проблемах жителей садоводств Петербурга, которые давно переселились в свои садовые дома, но не могут зарегистрировать постоянное проживание на городской территории и приобщиться к городской инфраструктуре см.: (Беловранин, 2017).

садоводств оно будет разным²¹.

2.2. Культура садовых товариществ эпохи «садоводческого бума» 1980-х – 1990-х гг.

Главный тезис этого раздела принадлежит моему собеседнику А.В., профессиональному инженеру, философу-любителю и, в 1980-е гг., увлеченному строителю своего садового домика. А.В., получивший свой участок в 1985 г., убежден, что садоводства, организованные в это время, радикально отличаются от более ранних СТ: участки в них раздавались массово, а не «избранным предприятиям» и «избранным людям», не для отдыха, а для выполнения Продовольственной программы, и в «самых неудобных местах» - болотистых, труднодоступных (5_АВ). Анализируя свой материал, я пришла к выводу, что его тезис можно расширить: в 1980-е гг. действительно формируется особая культура городского садоводства, которая отличала садоводов этого призыва и от предшествующих волн, и от тех, кто покупал или получал участки позднее. Ее особенности связаны не только с Продовольственной программой 1982 г., но и с процессами перестройки и начала 1990-х гг. Однако старт этой волне был дан раньше, упомянутым выше Постановлением № 843 1977 г., а Продовольственная программа поддержала уже начатую массовую раздачу земель, а также закрепила садоводство горожан в ряду задач государственной важности.

Специфика этого периода определяется, прежде всего, масштабами раздачи участков и вовлечения горожан в садоводческое движение. Выше уже приводились цифры, иллюстрирующие рост темпа раздачи участков в это время по СССР. Поскольку далее речь пойдет главным образом о Ленинградской области, приведу здесь данные локальной статистики по этому региону из архивных документов Ленгорисполкома. Если к 1982 г. всего в Ленинградской области было 560 СТ и 85,6 тысяч садоводов, то в 1984 Исполком рапортует уже о 747 СТ и 132 тыс. участков (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 55. Д. 178. Л. 5; Там же. Оп. 56. Д. 186. Л. 38). В 1988 г. Ленгорисполком принимает решение о распределении земель между предприятиями города для создания в Ленинградской области ещё нескольких сотен новых садоводческих товариществ, т.е. речь идет о дополнительных десятках тысяч садовых участков

²¹ С 1 января 2019 г. ФЗ-66 1998 г. отменен. Вместо него вступил в действие Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этот закон определяет СТ как «вид товарищества собственников недвижимости» (ФЗ-217, 2017, ст. 4, п. 3) и таким образом декларирует завершение процесса приватизации садовых участков. ФЗ-217 откликается на перечисленные в этом разделе проблемы современных СТ более детальной регламентацией ведения садоводства вне СТ (т.е. «в индивидуальном порядке»), регистрации строения на участке, отношений СТ с органами муниципального самоуправления и т.д.

(Там же. Оп. 59. Д. 253. Л. 3–88). В 1980-е годы в Ленинградской области возникают и развиваются огромные, на тысячи гектар, садоводческие массивы в Мшинской (Лужский район, на 2006 г. – 24000 участков), Пупышево (Волховский район, 19500 участков), Чаше (Гатчинский район, 9300 участков), Трубниковом Бору (Тосненский район, 8500 участков) и др. (Михеева, 2012, 10).

Некоторые особенности любительского садоводства горожан, связанные с его двусмысленным положением внутри советской идеологии и экономикой дефицита, были актуальны и в 1960-е (как об этом свидетельствуют информанты С. Ловелла (Ловелл, 2008)). С увеличением масштабов садоводческого движения в 1980-е нехватка строительных материалов и удобрений стала ещё более заметной, а контроль деятельности садоводов стал ещё более насущным для властей. Качественные изменения в садоводческую культуру принесли перестройка и реабилитация индивидуального земледельца.

2.2.1. «Соцкультбыт»

Советский коллективный сад считался «объектом социального, культурного и бытового назначения» или, коротко, «соцкультбыта» наряду с базами отдыха, детскими садами или ведомственными домами культуры. Порядок образования коллективного сада был расписан ещё в Постановлении СМ СССР «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» № 807 1949 г.: исполкомы выделяют организациям земли под сады рабочих и служащих, а те, в свою очередь, делят их на участки, которые распределяют между своими сотрудниками (п. 7). О том, как это выглядело на практике 30 лет спустя, в начале 1980-х гг., я узнала от М.Г., который единственный среди моих собеседников собственными глазами наблюдал рождение своего садоводства и сам принимал участие в этом процессе, будучи членом месткома своего предприятия – Главзапстроя (ГЗС), главного управления по строительству на западе РСФСР. Дополнить и уточнить его рассказ мне помогли архивные документы ГЗС 1980-х гг., которые отражают процесс становления этого СТ в Лужском районе Ленинградской области (ЦГА СПб. Ф. 9972. Оп. 7. Д. 52, 55). Нужно заметить, впрочем, что и воспоминания М.Г. опираются на документы его домашнего архива, которые он иногда просматривал и на которые ссылается в нашем разговоре. К сожалению, этот архив он не успел мне передать до своей кончины в 2013 г.

Садоводство могло быть создано по инициативе группы сотрудников предприятия. Через профсоюзные органы объявляли клич, и если набиралось достаточно желающих, то подавалась заявка в местные исполкомы на землю. В ГЗС создание садоводства было

инициативой администрации предприятия в расчете на «работников аппарата Главка», т.е. только руководство (ЦГА СПб. Ф. 9972. Оп. 7. Д. 52. Л. 17). По словам М.Г., курировать процесс поначалу поручили заместителю начальника по кадрам, а вести переговоры с областными исполкомами по поводу выделения участка – «бывшему фронтовику» Дядищеву. В советском обществе фронтовики имели огромный символический капитал, так что вполне возможно, что за этим решением стоял расчет: такому человеку проще будет добиваться своего у административных органов. Впервые садоводство упоминается в архивных документах месткома за апрель 1981, когда решением месткома была создана инициативная группа для организации СТ из шесть человек. В ее составе – старшие инженеры, начальники, экономист. Во главе – тот самый М.В. Дядищев, ведущий инженер одного из управлений (Там же).

Получить землю под сад было не так просто, особенно если ее запрашивали из другой административной единицы (например, когда ленинградское предприятие хотело получить землю в Ленобласти). Важно было иметь связи в нужном районе. У ГЗС в каждом районе Ленинградской области были свои тресты, и М.Г. говорит об этом как о важном преимуществе, хотя и не раскрывает, как именно оно могло сработать. Ещё одна советская организация, которая обладала преимуществом всепроникающих связей, – это комитет партии. Например, в Обнинске именно туда в 1978 г. отправилась инициативная группа из двух сотрудников главного городского предприятия с просьбой помочь им получить землю под садоводство в соседнем районе Калужской области (просьба была удовлетворена)²².

Заявку ГЗС Леноблисполком тоже принял благосклонно, но предложенный вариант не устроил заявителей:

Вот он [Дядищев] поехал... Ему в Выборгском горисполкоме предложили в Лодейном Поле. Вот он съездил и говорит: «Господи, ну вы что, ну это же надо два с половиной часа только ехать на одной электричке!» – потому что, ну, машины же не у всех были, и ориентировались на электричку и... а там – ничего. – «Нет, это далеко». Вступилось в это дело уже руководство Главка, в Облисполкоме, значит, обратились: «Ребята, нет, надо поближе где-то» (1_МГ)²³.

И тогда руководство задействовало другой вид связей с менее удаленным Лужским районом:

---

²² Интервью с В.К. Сазоновым, записано А.К. Касаткиной 29.05.2013 в Обнинске. Архив Обнинского проекта.

²³ Условные обозначения в расшифровках интервью см. в Приложении 3.

Ну, у нас дружба была старая. Но не просто административно, что там трест был и так далее, а ещё и потому, что в свое время, то есть по всем правилам *гражданской обороны* (*произносит четко по слогам*), по плану, Главзапстрой должен был, и весь трест, и тресты все должны в случае чего выехать именно в Лужский район (1_МГ).

Какую именно роль сыграла эта связь, М.Г. не уточняет, но в январе 1982 г. земля в Лужском районе была выделена (ЦГА СПб. Ф. 9972. Оп. 7. Д. 55. Л. 13-14). С этого момента параллельно идет работа по оформлению землеотвода и составлению Генерального плана садоводства и подготовка первого собрания будущих садоводов. Возможно, неслучайно именно тресту ГЗС № 64, который находился в Луге (Министерство строительства СССР Главзапстрой, 1980), в 1983 г. были поручены работы по мелиорации и строительству дорог в садоводстве (ЦГА СПб. Ф. 9972. Оп. 7. Д. 56. Л. 83-88). Правда, свои обязательства он по каким-то причинам не выполнил, так что в 1985 г. работа была передана в ленинградский трест № 33 (Там же. Д. 65. Л. 42-43).

Первоначальная планировка, по словам М.Г., предполагала через каждые два участка по четыре метра так называемых зеленых зон – общественных пространств, которые могли служить для отдыха, а также препятствовать распространению пожаров. Но такая схема не получила одобрения в районном центре, и зеленые зоны пришлось убрать. Как говорилось выше, в начале – середине 1980-х гг. контроль за тем, чтобы садовые участки использовались по назначению, т.е. для сада и огорода, был особенно строгим. Поэтому неудивительно, что попытка строительной элиты отвести землю для праздного отдыха была пресечена на уровне местной администрации. При этом удалось отвести достаточно много земель под общественные нужды: коллективная автостоянка, детские площадки, пожарное депо, водонапорная башня (1_МГ). Для садоводств 1980-х такой размах – редкость. Его могло позволить себе только крупное богатое предприятие.

Строительство объектов внутренней инфраструктуры – дорог, электросетей, водопровода, – а также мелиорация были в сфере ответственности предприятий, при которых организовывались садоводства: на средства садоводов они должны были закупить необходимые материалы, нанять или выделить технику и людей. Предприятия также имели право выделять определенные ресурсы на свои садоводства в составе других «объектов соцкультбыта». Так, в 1987 г. после первых неудачных попыток наладить инфраструктуру за счет целевых взносов садоводов местком ГЗС запрашивает средства в Главке «за счет сметы соцкультурмероприятий», и, по воспоминаниям М.Г., эти средства были выделены (ЦГА СПб. Ф. 9972. Оп. 7. Д. 73. Л. 16; 1_МГ). Выделяться могли не деньги, а, скажем, списанные или бракованные материалы, или

тара от приборов и станков, или грузовик или бульдозер с шофером, или труд геодезиста или проектировщика.

Эти ресурсы мобилизовались для нужд всего садоводства. Если садовод хотел, чтобы ему раскорчевали или выровняли его собственный участок, он мог неформально договориться с бульдозеристом, чтобы тот сделал это за вознаграждение, т.е. заключал незаконную в рамках советской экономики сделку. Предприятия могли выдавать садоводам беспроцентные ссуды, в отдельных ситуациях даже безвозмездные. Это зависело от локальной политики и от доброй воли и энергичности отдельных сотрудников. Так, наша соседка по даче и бывший начальник финансового отдела КБ, где работала моя мама, рассказывала мне, как в конце 1980-х, предчувствуя скорый конец предприятия, прилагала усилия, чтобы из средств того же соцкультбыта были выделены деньги на оплату доли КБ в строительстве дорог и проведении электричества и на безвозмездные ссуды сотрудникам (19_АС). Такую ссуду получила и мама.

Предприятия, которые пережили перестройку, иногда сохраняют отношения с бывшими своими садоводствами через сотрудников. Так, конструкторское бюро, где работала Т.А., существует до сих пор, и уже в конце 1990-х ей удалось договориться с дирекцией, чтобы для садоводства купили трансформаторную подстанцию, поскольку собрать нужную сумму из целевых взносов в это время уже не удавалось. Расходы, однако, были оформлены как возмездные ссуды нескольким сотрудникам, и сумма потом была вычтена из их зарплат. Безвозмездной помощи садоводам от предприятий в это время уже не было.

Не все предприятия располагали нужными ресурсами и не всегда садоводы могли собрать достаточно средств (особенно в маленьких садоводствах). Некоторые садоводства годами оставались без внутренних дорог, электроснабжения и водопровода, и освоение участков в таких условиях было непростым делом. Откликаясь на эту ситуацию, постановления 1980-х гг. фиксируют проблемы с развитием садоводческой инфраструктуры и призывают предприятия активно содействовать своим садоводствам (Постановление № 1286; Постановление № 1079).

Садоводство ГЗС, одного из советских строительных гигантов, было в сравнительно благоприятной ситуации, так же как и, к примеру, сады Главного архитектурного управления (Каннельярви) или Ленинградского проектного института (Дунай), т.е. организаций с нужными компетенциями и связями. В садоводстве ЛПИ, правда, силами института были проведены только геодезические и проектные работы, а вся инфраструктура – дороги, водо- и электроснабжение – строилась на целевые взносы садоводов, о чем свидетельствуют записи в садоводческой книжке Л.А. (4_ЛА_АМ). Возможности ГЗС были значительно шире, как и спектр деятельности этого предприятия. ГЗС проложил дороги силами своих строительных

трестов, причем не только в своем СТ, но и (по договору между организациями) в соседних. В 1991 г. за счет организации в садоводстве было проведено электричество. Какое-то время в первые годы даже функционировал телефонный аппарат, который установили у одного из первых «зимовщиков» – садовода, постоянно поселившегося в садоводстве. Но проблемы с оперативностью работ были и здесь: протоколы месткома 1983-1985 гг. свидетельствуют, что дороги и каналы мелиорации строились медленно, годовые планы не выполнялись (ЦГА СПб. Ф. 9972. Оп. 7. Д. 58, 61, 62, 65). М.Г. вспоминает, как в здание, где он работал, к начальнику предприятия приходил актер и профсоюзный активист Кирилл Лавров из БДТ – жаловаться, что медленно строятся дороги в соседнем садоводстве, принадлежавшем театру (1_МГ).

Неудивительно, что к ГЗС с его возможностями захотели присоединиться ещё семь ленинградских организаций, в основном тоже близких или к власти, или к строительству: МВД, городская и областная прокуратуры, «Стройбанк» и ряд других, в том числе почему-то и конструкторское бюро электронщиков, куда позднее пришла работать моя мама. Практика объединения нескольких организаций в освоении одного коллективного сада в архиве Ленгорисполкома фиксируется как минимум с конца 1960-х гг. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 43. Д. 762. Л. 149-151). Организация даже небольшого сада на бесплодных землях требует солидных вложений. Чем крупнее садоводство, тем проще собрать достаточную сумму взносов, а также комбинировать ресурсы, связи и возможности. Так что объединение позволяло получить садовые участки даже совсем мелким конторам, где не набралось бы и десятка желающих стать садоводами. В 1985 г. в попытках навести порядок в стремительно растущих СТ вокруг Ленинграда Ленгорисполком требует, чтобы в каждом «составном» садоводстве была назначена головная организация, которая возьмет на себя ответственность за освоение территории садоводств согласно проектам и правилам. Это же постановление закрепляло садоводческие массивы предприятий города за исполкомами городских районов и возлагало на них ответственность за координацию между садоводствами массива – строительство общих дорог и других инфраструктурных объектов (Там же. Оп. 56. Д. 684. Л. 4, 4об.). Так на Ленинградскую область оказалась наложена районная сетка города²⁴.

В 1980-е гг. садоводства все ещё находились в сфере ответственности предприятий, пользовались их ресурсами и получали от них определенную помощь. Здесь рассмотрен пример создания садоводства для элиты, руководства крупного предприятия. Но множество садоводств организовывались в это время и для простых рабочих, ведь количеством садовых участков и

²⁴ Подобные проекции географии города на географию СТ встречается и в других контекстах. Крупные дороги в садоводческом кусте в Пупышево названы по названиям ленинградских районов. Информантка И. Чеховских рассказывает об СТ ленинградского Отдела народного образования, основанном в 1950-е гг. Оно было поделено на сектора по РОНО, в каждом секторе – участки учителей соответствующего района (Чеховских, 2000, 98-99).

садоводов-любителей среди сотрудников предприятия отчитывались по работе в области «соцкультбыта», а после принятия Продовольственной программы – по ее реализации²⁵. Хотя элитным садоводствам, конечно, проще было получить от своего предприятия все необходимое.

2.2.2. «Шесть соток простора на Мшинском болоте»²⁶

В период «Продовольственной программы» государство стремилось вовлечь в сельское хозяйство как можно больше людей. Поэтому уменьшается максимальный размер садового участка. В Ленинграде и Ленобласти после 1978 г. он не мог превышать 600 м² (Приказ МЖКХ РСФСР № 308; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 52. Д. 209)²⁷ (в Калужской области в 1980-е гг. давали и по 400, и по 300 м²). Введение сельскохозяйственный оборот бросовых земель стало вполне официально признаваемой побочной функцией любительского садоводства. Запрет выделять городским садоводам земли, пригодные для сельского хозяйства, был введен ещё Постановлением 1966 г. и подчеркнут в 1968 г.²⁸ В 1978 г., на заре «садоводческого бума», ленинградские власти сочли необходимым ещё раз озвучить этот запрет в Решении Ленгорисполкома, которое проводило в жизнь положения всероссийского Постановления 1977 г. (хотя в самом постановлении ничего об этом нет) (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 52. Д. 209. Л. 239). Зато в 1984 г. запрет был повторен уже на всесоюзном уровне (Постановление СМ СССР № 1286). Под сады отводились «неудобья», т.е. каменистые, заболоченные или изборозжденные оврагами земли, участки болотистых лесов (Мшинская, Дивенская, Трубников Бор), покинутые торфяные выработки и песчаные карьеры (Сосново, Каннельярви). При этом литература для садоводов – пособия по садоводству и юридические справочники – в это время с гордостью рапортовала о том, как «ранее заброшенные, закустаренные, заболоченные земли... .. трудом

²⁵ В обнинской городской газете «Вперед» в 1980-е гг. можно встретить такие отчеты представителей главных исследовательских институтов и предприятий города (Радость познания природы..., 1982; Ромашин, 1983). Это связано, видимо, прежде всего, с тем, что обнинский партком ещё с конца 1960-х гг., после смены Первого секретаря, которая знаменовала окончание обнинской «оттепели», был известен своим рвением в выполнении программы помощи селу. Но этот крайний случай хорошо иллюстрирует общую тенденцию.

²⁶ Это строчка из песни, написанной садоводом из Мшинской В. Зиновьевым в 1993 г. и размещенной онлайн (<https://www.youtube.com/watch?v=whk9LYmKzOI>). Подробнее о ней см. в третьей главе.

²⁷ В Типовом уставе 1966 г. определение размера участка оставлено на усмотрение организаторов товарищества. В СТ 1950-х и 1960-х нарезали участки и по 1000, и по 1200 м².

²⁸ В Постановлении СМ РСФСР и ВЦ СПС от 18.03.1966 № 261 «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР» речь идет лишь о том, что предпочтительными для отвода под садовые участки являются «земли госземфонда, гослесфонда, подсобных сельских хозяйств» или, в крайнем случае, «малопродуктивные угодья совхозов и колхозов». Зато в Постановлении СМ РСФСР и ВЦ СПС от 02.08.1968 № 526 «Об устранении недостатков в работе садоводческих товариществ рабочих и служащих в РСФСР» отведение городским садоводам сельскохозяйственных угодий уже трактуется как «ущерб сельскохозяйственному производству».

садоводов-любителей превращены в плодородные и цветущие уголья» (Коллективное садоводство и огородничество..., 1987, 3).

Новый Типовой устав 1985 г. сокращал срок освоения участка с трех лет до двух. Между тем, участки расчерчивались исключительно поровну, по 600 м², без учета разнообразия рельефа и почв (на это обратила внимание Наоми Гальц, которая работала с землеустроительными документами подмосковных садоводств (Galtz, 2000, 291-292)). Возможность выбрать себе участок была у садовода далеко не всегда. Когда сотрудников предприятия привозили на место, им показывали только землю под сад в целом, подчас ещё даже до того, как она была нарезана на участки. А потом, при первом распределении, номера участков просто тянули, не глядя (10_ЛС). Выбирать могли те, кто по должности сам руководил распределением или был близок к таким людям (подобно М.Г., который был назначен представителем профкома в своем СТ). Те, кто получал освободившийся участок, тоже могли выбирать, если таких участков было несколько. Чаще же ситуация была такая, что кому-то могли достаться шесть соток относительно ровной земли, а кому-то — те же шесть соток, но с оврагом посередине или на краю осыпающегося обрыва. При этом время на разработку земли и разведение сада и огорода всем давалось одинаковое. Ведь в коллективном садоводстве горожан во главу угла было поставлено расширение доступа граждан к сельскохозяйственному производству для личного потребления. Кто не справлялся с этой задачей на предложенных условиях, должен был уступить другим.

Нередко уступали сразу же: заслуженные ветераны с первоочередным правом на участок, съездив на место и увидев, что там нужно вырубать первозданные леса и осушать болота, отказывались и сдавали свои участки обратно предприятию или «продавали» менее заслуженным коллегам (3_ТА; 13_БН). «Некоторые товарищи недостаточно ответственно отнеслись к вопросу садоводства, т.к. первоначально желающих было больше, чем выделялось участков, а в настоящее время, когда встал вопрос практического освоения участков, в садоводстве осталось только 64 человека от аппарата Главка», – указывает автор отчетного доклада о работе профкома ГЗС весной 1983 г. (ЦГА СПб. Ф. 9972. Оп. 7. Д. 56. Л. 11). При том, что сначала было подано 194 заявления на участок (Там же. Д. 55. Л. 13-14), т.е. передумали две трети желающих! Были те, кто сдавался постепенно, понимая, что не справится, как коллега моей соседки по даче, которая не смогла освоить участок и уже в 1991 г., когда ее предупредили, что землю могут забрать, продала его ей (19_АС).

И неудивительно, ведь освоение давалось нелегко. Во всех садоводствах были необходимы мелиоративные работы: строительство дренажных систем (канав) для осушения болот, расчистка и выравнивание территории. Как уже упоминалось, эти задачи возлагались на

предприятия, при которых создавались садоводства, но не везде были такие возможности. Многие садоводы сами вырубали лес и корчевали пни, возили на свои участки, где подчас не было ничего, кроме песка, торфа или глины, землю и удобрения (3_ТА; 5_АВ; 8_МЛ_ТЛ; ПД). И нередко надрывались, не рассчитав силы, и тяжело болели, а то и умирали (такие случаи упоминает Т.А.). Моими собеседниками стали те, кто смог освоить участок и построить дом. Но и сейчас в садоводствах, основанных в тот период, можно увидеть зарастающие высокими травами участки и догнивающие «сарайки» и «хибарки», которые свидетельствуют о том, что когда-то у их хозяев не хватило средств или физических сил освоить полученную землю. И все же, несмотря на все это, желающих получить участок было очень много.

2.2.3. Как получить участок?

В организациях действовали разные критерии отбора сотрудников, достойных получить участок в первую очередь. Где-то был важен стаж или занимаемая должность, где-то — текущий социальный статус, ветеранство, инвалидность, грамоты и заслуги. Наличие двух и более детей увеличивало шансы²⁹. А вот статус одинокой матери мог решить вопрос как в пользу предоставления участка, как случилось с Т.А., так и наоборот. Так, когда в 1988 г. рассматривали заявку моей мамы на приобретение (даже не на получение) участка, возник вопрос, справится ли она с освоением в одиночку. Помогло поручительство начальника ее отдела, который справедливо заметил, что незамужняя женщина вполне может, тем не менее, располагать помощниками-мужчинами. По каждому критерию начислялись баллы, сумма баллов давала так называемый коэффициент, величина которого определяла шансы получить участок.

Если человек не имел достаточно заслуг, чтобы его допустили к первому распределению участков на предприятии, то у него было несколько способов стать садоводом. Иногда участки «освобождались», т.е. кто-то из получивших передумывал и возвращал свой участок в общий фонд предприятия, ведь разработать участок, т.е. вспахать целину и посадить сад и огород, предписывалось за три года, успеть могли не все. Освободившийся участок получила Л.А., когда, узнав о том, что появились такие участки, написала заявление (для участия в первой волне распределения ей не хватало стажа).

Если человеку не хватало «коэффициента» даже для участия в последующих волнах распределения, он мог «купить» участок у кого-то из получивших ранее. Типовой устав СТ с

---

²⁹ Преимущественное право вступления в садоводческие и огороднические товарищества семьям, имеющим двух и более детей, было предоставлено Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1981 г. № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей».

1966 г. предписывал следующий порядок передачи участка другому лицу, который остался в целом неизменным и в последних двух Типовых Уставах 1985 и 1988 гг. Если человек оставлял свой участок и исключался из членов товарищества, ему возвращали из кассы целевые взносы, внесенные на создание садоводческой инфраструктуры, а также возмещалась «в соответствии с актом оценки стоимость летнего садового домика и других строений, плодово-ягодных насаждений, находящихся на выделенном ему земельном участке, другие затраты по освоению участка» (Постановление СМ РСФСР № 517, п. 22). Новый владелец участка и член СТ выплачивал в кассу товарищества вступительный взнос, а также всю ту сумму, которую товарищество выдало прежнему владельцу: целевые взносы и возмещение расходов на освоение. Все расчеты должны были идти через кассу товарищества, которая, таким образом, оказывалась посредником между «продавцом» и «покупателем», чтобы не допустить личных денежных договоренностей и транзакций. «Покупатель» возмещал кассе средства, уплаченные «продавцу», и добавлял вступительный взнос. «Продавец», кроме уже выплаченных им взносов, получал только возмещение своих расходов на освоение участка, определенных «актом оценки». Оценку должна была проводить специально образованная комиссия из представителей профкома и администрации предприятия (Постановление СМ РСФСР № 517, п. 23). Так исключалось какое-либо извлечение прибыли из земельного участка и формирование земельного рынка из садоводческих шести соток.

На практике вместо формирования комиссии и составления «акта оценки» «продавец» и «покупатель» чаще просто договаривались между собой о «цене». Так об этом рассказывает Т.А., вспоминая, как выглядела общая практика в советское время. И так об этом вспоминает моя мама, которая «купила» участок в 1988 г. Контакты «продавцов» – своих коллег по работе в конструкторском бюро – она получила в профкоме, который таким образом негласно санкционировал будущую неформальную сделку. Когда она выбрала участок и договорилась о «цене», «покупатель» и «продавец», отправились в управление головного предприятия садоводства. Там бухгалтер садоводства оформила на новую владелицу участка, членскую книжку садовода (это называлось: «переписала на нее книжку»). После этого в коридоре за дверью кабинета состоялась неформальная передача денег. Сделка была завершена. Таким образом, денежная транзакция случилась в серой зоне неформальных отношений.

Садоводческая книжка документировала деятельность садовода как члена садоводческого товарищества. Туда заносились отметки об уплатах членских и целевых взносов, об участии в субботниках. В случае перехода права на участок в результате «продажи» или наследования книжка оформлялась заново на «покупателя» или наследника, которого принимали в члены садоводства на общем собрании (или, если садоводство ещё не начало

функционировать, на заседании месткома). До приватизации садовых участков членская книжка была единственным документом, удостоверявшим право человека на участок.

2.2.4. Садовый участок – в массы

В 1980-е гг. государственная политика была направлена на повышение доступности участков. Одна из претензий по результатам проверки, проведенной в 1982 г., гласит, что в СТ попадают преимущественно «руководящие работники» (Коллективное садоводство и огородничество..., 1987, 113). Когда участков раздавалось меньше, их получали, прежде всего, руководители и заслуженные сотрудники («избранные люди» (5_АВ)). Теперь садоводств организуется больше, и они нацелены не только на нужды руководящего аппарата. Рядовые сотрудники и рабочие могут уже не только получить или «купить» участок, от которого отказался начальник, но и обрести свои шесть соток в первой волне распределения. Огромные садоводства для рабочих городских заводов были разбиты в это время в Пупышево, в Мшинской, в Михайловском.

Низкое качество раздаваемых под сады земель и сокращение срока освоения способствовало расширению социального разнообразия даже внутри тех садоводств, которые изначально организовывались для начальников. По мере того, как «руководящие работники» отказывались разрабатывать свои участки на «неудобьях», такие садоводства заполнялись людьми рангом пониже. Трактующий как средство выполнения Продовольственной программы наравне с крестьянским ЛПХ, а не как дача для отдыха, садовый участок теряет статус престижного блага. Теперь он становится массовым.

Границы предприятий в садоводствах тоже размываются в 1980-е гг. Изначально участки раздавались сотрудникам определенной организации (или нескольких), и границы соблюдались строго и могли нарушаться только в особых случаях. Профессиональная идентичность в садоводствах была и кое-где до сих пор остается важным ресурсом как солидарности, так и создания границ внутри товарищества. На общих собраниях в некоторых СНТ и сейчас можно услышать обращение «коллеги». Границы своих и чужих осели в географии расселения (в «сборных» садоводствах участки предприятиям раздавали улицами) и в унаследованных от первых поколений сетях общения семей. Сети и иерархии отношений, сложившиеся на работе, переносились в сады. В правление попадали начальники и профсоюзные деятели из головной организации, и этот статус кво мог поддерживаться десятилетиями. Так, в садоводстве ГЗС, существующем с 1982 г., представители других, более мелких организаций стали появляться в составе правления только в 2004 г.

В начале 1980-х записать в члены СТ не сотрудника предприятия было не так просто даже для «руководящего работника» и активиста профкома. М.Г. рассказал мне, как в 1982 г. он, пользуясь своим положением на предприятии и в профкоме, «вписал» в садоводство ГЗС своего друга, директора музыкальной школы. И заодно красочно, в лицах, расписал процедуру утверждения списка членов СТ в профкоме начала 1980-х:

...А когда в списке несколько раз, наверное, раза четыре, доходит: «Так, Си... так, Сидоров! Так, Трест № 32, так, кто?» «Замуправляющего Трестом». «А, ну, оставляем. Так, следующий. Иванов³⁰. Опять директор музыкальной школы?.. Да что это та[кое]... своим не хватает, а...» *(возмущенно, а далее, по контрасту, очень спокойным тоном)* «Товарищи, - я встаю, значит. – Товарищи, как вы не понимаете? Вот это директор школы, будет привозить своих детей, музыкантов. У нас будут бесплатные концерты». *(далее отвечает сам себе более низким и грозным голосом)* «А, концерты? Ну ладно, оставляем в списке». Вот так раза четыре, наверное *(со смехом)*. А когда выбирали участки, дележ когда пошел, я показал пальцем: «Вот это мой, а вот это ему, соседу, значит, а вот этот...». И все, и... использовал служебное положение, короче говоря (1_МГ).

Обещание бесплатных услуг на пользу обществу оказалось легитимным поводом оставить «чужака» в списке садоводов организации³¹. М.Г. любил рассказывать этот биографический анекдот, который давал ему возможность показать свое искусство игры по советским правилам, и в частности по правилам жанра заседаний профкома (иными словами, свои коммуникативные компетенции). Знать эти правила значило знать, что, когда и как нужно сказать, чтобы добиться своей цели. Инсценировка М.Г. демонстрирует эти правила в действии.

Параллельно в это время идет расширение возможного круга садоводов в другом направлении. Чтобы вовлечь в садоводство больше горожан (пенсионеров, инвалидов, ветеранов войны, военных), предприятия обязали передавать определенное количество участков в своих садоводствах городским районам, на территории которых они находились (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 53. Д. 158. Л. 1). Типовой Устав 1985 г. допускает, что до 20% членов садоводства могут составлять неработающие военные (п. 14). О «чужаках» – сотрудниках

³⁰ Фамилия изменена.

³¹ С. Ловелл приводит более раннее свидетельство того, что от членов садоводства действительно могли ожидать вклада в общее дело: в 1960-е годы «бригадир» (т.е. председатель правления) садоводства спрашивал у новых членов, что они могут сделать «для нашего хозяйства», имея в виду связи, «блат», возможность что-то «достать» (Ловелл, 2008, 230).

других организаций, районных льготниках или людях со стороны, купивших участки, – старожилы отзываются с подозрением. Считается, что с ними сложнее договориться. До сих пор именно их в первую очередь подозревают, если случается воровство или мелкое хулиганство вроде разбрасывания мусора вокруг контейнера (1_МГ; ПД).

Типовой устав 1988 г. ещё больше расширял возможности получить садовый участок. Теперь на участок могли претендовать не только сотрудники предприятия, но и, «при отсутствии желающих», «работники данной отрасли» (п. 13). После отмены Типовых уставов в 1989 г. садоводства стали кооперативами и получили право устанавливать свои правила приема новых членов. Теперь стать членом товарищества мог любой человек.

2.2.5. Время без уставов: борьба за участки

После 1989 г. садоводства стали руководствоваться в разделе участков и приеме новых членов исключительно собственными внутренними правилами и политикой своих предприятий. Именно к этому времени относятся наиболее драматические истории борьбы за участок в моем корпусе.

Т.А. с горечью вспоминает, как в начале 1990-х гг. ей, рядовому инженеру КБ, но многолетней активистке профкома, пришлось всеми правдами и неправдами оформить себе и своим детям все дающие хоть какие-то льготные права статусы, какие только были доступны: ветеран труда, инвалидность и даже справка из психоневрологического диспансера:

А.К.: А это специально, чтобы участок получить, делалось?

Т.А.: *(вздыхает)* Ветерана - да, я сделала, чтобы получить у... уч- – даже не то, что получить, а там считались какие-то коэффициенты:

А.К.: Ага.

Т.А.: за то, что у меня, там, дети – я детей всех своих сделала инвалидами *(смеется)*.

А.К.: *(смеется)*

Т.А.: Вот. Ну как, я пошла в поликлинику... – тм А. [*дочь Т.А.*], поскольку у неё был врожденный порок сердца, я, значит, – мне выписали, что она инвалид детства. Ну, я объяснила врачу, говорю: «Вы понимаете, себе...» – я одно время лежала в клинике неврозов. Я пошла в психушку и сказала: «Выпишите, что я психически не здорова *(весело)*. Что мне нужно вот это». Они говорят: «Да вы знаете, вы же не стоите у нас на учете».

А.К.: *(смешок)*

Т.А.: Вот до такого абсурда доходило! Но, тем не менее, справку они мне какую-то дали,

и я её **тоже** приложила, чтобы коэффициент повысить. Но коэффициента так мне и не хватило, чтобы получить участок. И я потом ходила к директору. Потом это, eh директору я надоела, он с... дал один участок на все КБ и... – ну, из своего фонда как бы. А.К.: Хм.

Т.А.: И там было четыре претендента. Собирались наши начальники отделов и решали, кому все-таки дать этот участок. Ну и решили, что у Г. [фамилия Т.А.] двое детей, поэтому... она работает, там, на сколько-то месяцев больше, чем та... там, другая, у которой один ребенок, и потом Г. одна воспитывает этих детей, а другая – с мужем. И дали мне (З_ТА).

В соседнем садоводстве крупного петербургского завода Б.Н., тогда – молодой ведущий инженер, даже не пытался подавать заявление на участок в уверенности, что получит землю только начальство. В начале 1990-х он выменял участок у одного из более заслуженных счастливицев на гараж.

С исчезновением общих правил, регулирующих жизнь СТ, исчезли и способы отстоять свои права для недостаточно статусных сотрудников предприятий. Ни запрет давать сад тем, в чьей семье у кого-то уже был садовый участок или дача, или любая другая земля (Постановление СМ РСФСР № 112, п. 15), ни запрет на куплю-продажу участков уже не действовали. Те, кто обладал достаточным влиянием на своих предприятиях, могли брать по несколько садовых участков для членов своих семей или просто чтобы потом перепродать. И Т.А., и Б.Н. уверены, что именно так и происходило. Оба мои собеседника, которые, хоть и имеют участки в соседних садоводствах, незнакомы друг с другом и работали в разных организациях, противопоставляют тех, кто с боем добывал себе участки и до сих пор трудится на них в поте лица, другим, кто получал участки даром, а потом забрасывал их или сразу перепродавал. Для них советская система распределения в последние годы своей агонии создала мир вопиющей несправедливости и сегрегации.

Ситуация зависела от места. Работала география престижного отдыха. Т.А. и Б.Н. боролись за право стать садоводами в компактном кусте из четырех небольших садоводств в Сосново, в престижном северном направлении, на бывшей финской территории, среди сосновых лесов. Другой мой собеседник, Ю.А., вспоминает, как в то же самое «безустановное» время, в 1989 г., без всяких проблем, бесплатно, не будучи сотрудником организации-владельца СТ, получил свои шесть соток в Пупышево – огромном садоводческом массиве на десятки СТ посреди заболоченных лугов в совсем не популярном Волховском районе Ленинградской области.

В короткий период между отменой Типового устава в 1989 и приватизацией садоводств, когда СТ ещё принадлежали предприятиям, но уже отсутствовало централизованное регулирование их деятельности, получить участок стало или очень легко, или чрезвычайно сложно, в зависимости от того, насколько участки были востребованы локальной элитой. Для элиты же открылись возможности капитализировать эту землю.

2.2.6. «Ничего не было!» «Садоводческий бум» в условиях краха экономики

Многokратно возросшее число садоводов создало непомерную нагрузку на и без того проседавшую инфраструктуру экономики дефицита. Это коснулось доступности и стройматериалов, и рабочей силы, и транспорта. Решение Ленгорисполкома 1985 г. (реакция на Постановление СМ СССР № 1286 1984 г.) призывает плановые комиссии включить садоводческие товарищества и их нужды в планы развития Ленинграда и Ленобласти (п. 5.1), а предприятия — помогать садоводствам строить свои инфраструктурные объекты (п. 4.2) (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 56. Д. 684). И тем не менее, через три года, в 1988 г., очередное Решение констатирует отчаянную ситуацию с освоением коллективных садов в Ленинградской области: земли, отведенные в 1981-1984 гг., в значительной степени не освоены, нет ни подъездных, ни внутренних дорог, электроснабжения и водопровода, продовольственных магазинов, медпунктов. Остро не хватает строительных материалов и сборных домиков. Железные дороги не справляются с потоками садоводов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 59. Д. 145).

Оба упомянутых решения отражают усилия городской власти совладать с дефицитом средствами буксующей плановой экономики: организовать розничную продажу стройматериалов и пригодных для строительства отходов, наладить производство сборно-щитовых домиков³², дать возможность нанять помощников в распашке земли и строительстве на участках (благо, Постановление СМ СССР № 1079 1987 г. разрешало существенно расширить диапазон платных услуг для садоводов). Но на практике это работало слабо. Дефицит сохранялся, а расширение социального разнообразия садоводов означало, что их ряды пополнились теми, у кого не было ни нужных связей, ни достаточно высоких зарплат, чтобы *достать* и оплатить дефицитные сборно-щитовые домики или стройматериалы. В начале 1990-х гг. многие и вовсе лишились стабильного дохода. Ю.А. успел купить сборно-щитовой домик

³² В материалах к Решению № 253/190 (1985 г.) есть переписка с двумя организациями, Главленинградстроем и Управлением капитального ремонта Исполкома, по поводу изготовления сборных домиков. Обе организации отказываются, ссылаясь на загруженность (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 56. Д. 684. Л. 78-79). В результате в Решении № 139 в 1988 г. появляется пункт о создании собственной производственной базы при Управлении по обслуживанию коллективных садоводств (п. 8) (Там же. Оп. 59. Д. 145).

до либерализации цен 1992 г. (снял все деньги со сберегательной книжки). Это удалось сделать, благодаря связям, которые образовались на специфической «перестроечной» карьерной траектории моего собеседника:

Ю.А.: Значит, потом тттт мы... как-то мне повезло, я... вот в этот *смутный* период занимался всякими разными *работами (со смешком)*, то есть работал, где только **мог**, и в частности...

А.К.: Подрабатывали?

Ю.А.: #А?#

А.К.: #Ага.# Подрабатывали, да, по разным местам?

Ю.А.: Ну, практически наш институт прикрылся, он отраслевой институт был,

А.К.: Угу.

Ю.А.: ну и... естественно, повышением квалификации уже никто заниматься не захотел. Ну и я оказался безработным. Ну и там приходилось заниматься **всякими** делами. В частности, я там занимался замером вредных- вредных **выбросов**, (*небольшая пауза*)

А.К.: Угу.

Ю.А.: вот, на всяких разных комбинатах, и в частности, в Жихарево. Там есть такой домостроительный комбинат, и когда мы там эти вредные выбросы мерили, я увидел, что там они строят такие садовые домики.

А.К.: А, типовые вот эти?

Ю.А.: Да.

А.К.: Угу.

Ю.А.: И такой садовый домик, ну три на пять вот – ттт у меня такой садовый домик. Ну, естественно, конечно, все это по записи, все это очень строго. Вот. Ноо... ттт... через моего приятеля другого, там, сумели достать вагон железа для этого комбината *на каком-то заводе*. Вот. И за это, значит, вот, эти товарищи выдали нам три домика, один из них достался мне. Значит, так получился домик. Садовый (*весело*).

А.К.: (*смешок*) В каком...

Ю.А.: три на пять (*весело*).

А.К.: (*смешок*)

Ю.А.: Деревянный домик. Ну вот...

А.К.: Это в каком году примерно было?

Ю.А.: Это было все в 90-м году.

А.К.: А. Ещ- ещё успели. (*смешок*)

Ю.А.: Вот. Да! как раз. Он стоил всего лишь каких-то 17 тыщ, в этих...

А.К.: Ого!

Ю.А.: А... 1700, наверное. Тогда ещё. 1700. Вот. Это по тем временам были не очень большие деньги. Вот. Ну, слава Богу, что хоть мы успели потратить все деньги, которые были на сберкнижке, *потому что (смешок)* иначе бы они просто *сгорели (смешок)* (2_ЮА).

Тем, кто не успел построить дома или хотя бы достать стройматериалы, после 1992 г. было уже значительно труднее это сделать. Зато те, кто получили и реализовали ссуды до этой отметки, оказались в выгодном положении: теперь они должны были вернуть сущие копейки (Ловелл, 2008, 260).

Новоиспеченные садоводы 1980-х и 1990-х, как и их предшественники в воспоминаниях информантов Ловелла (Ловелл, 2008, 228), искали по неформальным сетям, где можно купить отходы производства и транспортировки — подтоварник³³, ящики, бракованные бетонные блоки, детали мебели и т.д. (2_ЮА; 3_ГА; 5_АВ; 8_МЛ_ТЛ; ПД). А также превращались в городских собирателей: рыскали по свалкам, строительным площадкам и домам, идущим на снос, в поисках досок, кирпичей, дверных и оконных блоков, мебели — любых деталей и конструкций, которые могли пригодиться на участке³⁴ (5_АВ; 6_РФ; 16_СМ; ПД). Перестроечная эпоха принесла окончательный распад плановой экономики, когда людям приходилось искать ещё работающие производства на угасающих заводах, самостоятельно соединяя не действовавшие инфраструктурные цепочки, налаживать транспортировку и разгрузку бетонных колец для колодца, бракованных железобетонных блоков или кирпичей для дома и печи (2_ЮА; 8_МЛ_ТЛ; 11_ВН). С утра до ночи просиживать в очередях на складах лесоматериалов, чтобы в итоге получить один подтоварник (ПД; Galtz, 2000, 306-307). Складывать штабеля чудом добытой вагонки в тесной комнатке городской квартиры в спальном районе, чтобы бесценные доски не украли с участка, так что дочери приходилось играть этюды на фортепиано в проделанной между досками нише (3_ГА). Часами ждать, пока

³³ Бревна низкого качества, которые служат подстилкой для транспортировки стройматериалов.

³⁴ «Городское собирательство» и использование отходов производства и транспортировки и бракованных строительных материалов вполне укладывались в позднесоветский этос бережливости вместе с другими практиками вторичного использования. В обнинской газете «Вперед» мне попалась заметка 1970 г., отнесенная редакцией к жанру фельетона, где бдительный читатель указывает, что гору железобетона, бесхозно сваленную у излуины городской реки, разумнее было бы отдать садоводческим товариществам (Андреев 1970). В этой утопической экосистеме садоводы занимали место своеобразных «санитаров города», потребляя остатки жизнедеятельности городской индустрии. Систематическая передача отходов предприятий на нужды садоводов так и не была налажена (это происходило иногда, кое-где и подчас через сети неформальных обменов), но в городском собирательстве эта экосистема реализовалась сполна.

водитель вожделенного грузовика стройматериалов заправит свою машину на бензозаправке (11_ВН). За талоны на водку нанимать крановщиков, чтобы уложить бракованный железобетонный настил, купленный на заводе, на стены дома, выложенные из купленных там же, тоже бракованных, блоков (8_МЛ_ТЛ). Кому-то везло по знакомству заполучить разобранный деревенский сруб или куб-другой незаконно срубленных в лесу деревьев (15_АН; ПД). Все эти обстоятельства сказывались на качестве строившихся садовых домиков. В это время строится ещё больше причудливых сооружений, сделанных из всего, что удалось найти хозяевам. Для эпохи характерны долгострои, где каждый этап строительства (фундамент, каркас, стены, крыша, окна, отделка...) годами ждал, пока владелец найдет материалы и скопит денег, чтобы нанять строителей. Каждый новый экономический кризис в стране вносил свой вклад в дачные долгострои: информанты С. Ловелла, который собирал материалы для своей книги в конце 1990-х, называли заброшенные садовые дома «августовскими дачами» – отсылая к кризису августа 1998 г. (Ловелл, 2008, 260)³⁵.

В связи с наплывом садоводов в Ленинградской области в середине 1980-х гг. срочно достраивают и электрифицируют железнодорожные пути, расширяют платформы на станциях. По наиболее людным направлениям – Пупышево, Мшинская, Выборг – вводят движение двадцативагонных поездов (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 59. Д. 145). Снова, как и их предшественники, петербургские дачники XIX-го века, описанные О. Малиновой-Тзиафета (Малинова-Тзиафета, 2013), садоводы способствовали развитию транспортных сетей вокруг Ленинграда-Петербурга. Но принимавшихся мер было недостаточно. Проблему транспортного сообщения констатирует Решение исполкома 1988 г., ее подтверждают воспоминания очевидцев. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. электрички, отъезжавшие с ленинградских городских вокзалов в направлении садоводческих массивов, были переполнены. Ожесточенная борьба разворачивалась за возможность даже не сесть на лавку, а просто уместиться в вагон. Один мой ровесник до сих пор вспоминает, как однажды в детстве ехал на дачу в Гатчинском районе Ленинградской области в кабине машиниста: войти в вагоны электрички было невозможно, и машинист сжалился над бабушкой с маленьким внуком (ПД). В Тверской области, впрочем, информанты М. Колдуэлл жалуются на душные переполненные электрички и в середине 2000-х (Caldwell, 2011, 52).

Ситуация осложнялась тем, что люди брали с собой не только обычные дачные коробки

³⁵ Схожую ситуацию с вилами «новых русских» описывает К. Хамфри. Для 1990-х гг. характерно повсеместное строительство причудливых «дворцов» нуворишей, которое тоже реагировало на экономические ритмы, как в масштабах страны, так и на уровне личных бизнес-карьер владельцев. Остовы недостроенных домов до сих пор немо свидетельствуют об историях разорений и крахов первых постсоветских «капиталистов». Хамфри отмечает, что в 1990-е даже в построенных вилах редко жили их владельцы, так что роскошная дача была скорее знаком статуса, чем загородным жильем (Хамфри, 2010).

с рассадой и велосипеды. Везли все то, что удалось насобирать в городе за рабочую неделю: доски длиной больше своего роста, старые оконные рамы со стеклами, замотанные в тряпки, неподъемные хозяйственные тележки, набитые кирпичами, мешки с цементом... (3_ТА; 5_АВ; 11_ВН; ПД).

На электричках подчас были вынуждены ездить даже автовладельцы, ведь, как уже говорилось, предприятия часто не справлялись с устройством инфраструктуры в своих СТ, и многие только что основанные садоводства в это время годами жили без подъездных автомобильных дорог от станции и от ближайшей трассы. В таких условиях доставить строительные материалы можно было только на электричке и на себе. Ещё сложнее было привезти на участок песок или удобрения, необходимые для скудных почв Ленинградской области. В Радофинниково проехать от шоссе к садоводствам какое-то время можно было только зимой, по снежному насту, тогда и стремились завезти все необходимое. Неожиданные оттепели превращались в катастрофу для неудачливых заказчиков: самосвал песка могли выгрузить там, где заканчивалась дорога, в километрах от участка (именно такую историю с негодованием рассказал А.В. о своей знакомой (5_АВ)). Удобрения в таких условиях возили на велосипедах или тачках с ближайших колхозных полей (впрочем, даже при наличии дорог, ходить с ведром на ближайшее колхозное поле за кизяком ещё с 1960-х гг. садоводов вынуждал дефицит удобрений в продаже (Ловелл, 2008, 227)). Кое-где поначалу не было не только автомобильных, но даже пешеходных дорог. Старожилы Пупышево вспоминают, как, пока не сделали грунтовую дорогу, длинные процессии нагруженных садоводов ходили от станции к своим участкам по узким дощатым мосткам, проложенным через топкое болото (12_АА). Жители садоводства «Волна» в Мшинской своими руками в режиме субботников построили и много лет поддерживали настоящую гать через болото от своих участков к дороге на станцию (16_СМ).

Все это делало освоение садового участка в 1980-е гг. чрезвычайно трудным делом, особенно для семьи, у которой не было достаточно денег или связей, или хотя бы автомобиля. И тем не менее, в воспоминаниях тех, кто выстоял, это время чрезвычайного подъема и энергии, энтузиазма.

2.2.7. «А я торопился, мне, вот, очень хотелось...»³⁶ или «Время, вперед!»

1980-е – начало 1990-х – время стремительных и радикальных перемен в стране. Государственная политика по отношению к коллективному садоводству не стала исключением.

---

³⁶ Цитата из интервью (5_АВ).

Как уже говорилось выше, в первой половине десятилетия включение СТ в стратегические задачи аграрной политики СССР привело к новому витку ужесточения контроля за любой деятельностью в садоводстве, отличной от сельского хозяйства для личного потребления, и в частности, за строительством домов на участках. Жестко пресекались незаконные способы приобретения стройматериалов и организации строительства, которые включали не только прямое воровство, но и покупку в обход официального учета (т.е. по договоренности), привлечение «неспециализированных строительных организаций» (т.е. наем самостийных бригад строителей) (Постановление СМ РСФСР № 40). Существовали специальные справки, которые можно было предъявить при покупке стройматериалов, чтобы подтвердить, что покупатель – садовод. Опасаясь визита контрольной комиссии, люди хранили все чеки на стройматериалы³⁷. Чеки бывали далеко не всегда и не у всех, ведь дефицит вынуждал добывать материалы неформальными путями. Информантка Н. Гальц и в 1990-е гг. ответила многозначительным молчанием на вопрос исследовательницы, как ей удалось достать строительные материалы (Galtz, 2004, 180). Моя обнинская информантка в 2013 г. согласилась рассказать свою историю добычи стройматериалов для дачи в начале 1980-х, только когда убедилась, что я выключила диктофон.

Новоиспеченные садоводы 1980-х и начала 1990-х гг. не возражали против предписанного им сельскохозяйственного использования своих участков и охотно сажали овощи, ягодные кусты и плодовые деревья. В городах ощущался продовольственный кризис: качественные овощи и фрукты в продаже были редкостью, ягоды отсутствовали совсем. В этих условиях даже те, кто не очень любил возиться с землей и растениями и потом забросил это дело, активно занимались посадками и заготовкой урожаев на зиму (как, например, А.В.). Сложнее было отношение в садоводствах к нормативам, касавшимся строительства на участке. Если герой повести О. Павловского «Срочно продается дача» (1989) панически боится последствий своего «нарушения» - покупки строительных обрезков через неформальные сети, то в рассказе В. Зикунова «Кондратова дача» (1990) описана характерная тактика пассивного сопротивления запретам. Герой рассказа Кондрат, сварщик, которому строительство садового домика помогло найти любимое дело и бросить пить, решил построить на участке баню. Когда жена напомнила о запрете, только засмеялся в ответ: «А я не баню буду рубить, а сарай для инвентаря, а потом каменку поставлю... По забывчивости» (Зикун, 1990, 46). Схожим образом в 2007 г. рассказывал о совершенном «нарушении» мой собеседник М.Г., который в середине 1980-х построил свой домик в глубине участка, а не у дороги, как требовал план. Он

---

³⁷ Такая справка и чеки из первой половины 1980-х гг. хранятся в уникальном музее освоения садового участка, который создал на втором этаже своего садового дома Семен Михайлович Миркис из СНТ «Волна» (Мшинская). О проверках чеков в 1960-е гг. вспоминают информанты С. Ловелла (Ловелл, 2008, 228).

описывает свое строительство как цепочку спонтанных действий: «А я так, строил и все. Что будет. Когда сделал первый этаж, думаю: ой, да что ж это? Да надо же ещё и второй» (1_МГ). Конструкты когнитивных состояний рассеянности или спонтанности в этих примерах из литературы и устных воспоминаний используются как дискурсивные инструменты пассивного сопротивления досадным запретам: они помогают представить нарушающие запрет действия как неподконтрольные говорящему. Об аналогичных тактиках игнорирования ограничений на строительство рассказал С. Ловеллу его информант Григорий Кравченко, который строил домик значительно раньше, в 1960-е гг.: получив от проверяющей комиссии предписание снести дом, он не стал этого делать и позднее смог неформально договориться с районным архитектором, пообещав ему взятку. По его воспоминаниям, многие его соседи в это же время делали более широкие верхние венцы у срубов своих домиков, так чтобы потом можно было подвести под ту же самую крышу больший периметр стен (Ловелл, 2008, 226). Выжидание было хорошо усвоенным образом действия советского человека в отношении с властью.

В 1980-е выжидание садоводов, наконец, увенчалось успехом: последний виток «закручивания гаек» в садоводствах продлился всего несколько лет. А.В. начал осваивать участок в 1985-1986 гг. и был свидетелем пограничного периода: в соседних, более старых, садоводствах стояли «хибарки из ящиков», потому что ничего другого нельзя было строить, а сам он уже строил «по максимуму и как мне надо» (5_АВ). Действительно, в 1987 г., всего через два года после принятия очень жесткого Типового устава 1985 г., были отменены все ограничения на обустройство садовых участков, а размер жилой площади дома увеличен до 50 м² (Постановление № 1079). Любительское садоводство горожан, наконец, получило возможность выйти из периферийной зоны советской законности. И М.Г. тут же пристроил к своему домику веранду:

А потом, когда уже Горбачев сказал, что разрешено все, что не запрещено, я быстренько стал делать веранду. Вот тогда у меня домик уже облагородился, превратился в домик (1_МГ).

С бегом времени в этот период приходила не только свобода от ограничений, но и истощение ресурсов, которые предприятия могли потратить на «соцкультбыт». Так, первоначально Главзапстрой планировал обеспечить водопроводом не только свое садоводство, но и весь садоводческий массив из более чем десятка СТ. Но до своей приватизации в начале 1990-х гг. успел только установить водонапорную башню. Трубы по участкам собирались разводиться на средства садоводов, и это уже сделать не успели. Ржавеющая башня высилась

посреди садоводства памятником этому начинанию вплоть до начала 2010-х гг. Не успели и сделать задуманные по плану автостоянку и детские площадки. Садоводства в Сосново, основанные позднее, в начале 1990-х, на излете государственного финансирования своих конструкторских бюро и заводов, и вовсе смогли провести у себя дороги, электро- и водоснабжение только в начале 2000-х, воспользовавшись городскими программами содействия садоводческим товариществам.

Может быть, с этим стремительным темпом перемен связано ощущение особой ускоренной темпоральности в воспоминаниях моих собеседников об этом времени. Торопливость, стремление как можно скорее построить домик, – лейтмотив рассказа о строительстве А.В. Это логика, объясняющая его действия: не стал ждать, пока проведут дороги и можно будет привезти бревна, и начал строить из имевшегося материала. Но и повод для самокритики: спешил и сделал недостаточно основательный фундамент. Спешки, стремления успеть как можно больше, много во всех этих рассказах. Работающие люди, которые, подобно А.В., вырывались на участки только на два дня в неделю, старались успеть сделать как можно больше в это короткое время. Т.А. вспоминает, как в рекордно короткое время (по ее словам, за 52 минуты!) проходила пешком семь километров от участка до станции, пока у них не было автомобиля. Л.А. вспоминает, как ее муж в одиночку, не дожидаясь помощника, спешил перетаскать бетон для фундамента, пока он не застыл. Ю.А. едва успел потратить деньги, отложенные на сберкнижке, на сборно-щитовой домик перед либерализацией цен и девальвацией рубля в начале 1992 г. Б.Н. вспоминает, что они с женой решили взять участок в начале 1990-х, потому что нужно было «ловить момент», когда появились деньги на строительство и время на его организацию: «стало понятно, что если не построим сейчас, скажем, да, то мы потом тоже не построим вообще» (13_БН). Случай Б.Н. хорошо передает специфику эпохи: деньги появились, потому что супруга удачно устроилась на работу в коммерческой фирме (но в этот момент уже стало ясно, что фирма вот-вот придет в упадок, а значит, нужно спешить вложить средства), а время – потому что предприятие, где все ещё работал Б.Н., как раз остановилось.

Вторая половина 1980-х была временем не только стремительных перемен, но и невиданных возможностей и шансов, которые нельзя было упустить. Само получение садового участка уже открывало перед горожанином огромные возможности улучшения своего быта, особенно после отмены ограничений на строительство. Предприятия спешили вложить в свои садоводства средства «соцкультбыта», пока их не закрыли. Садоводы, получившие ссуды, в свою очередь, спешили поскорее вложить их в участки и дома, словно боялись, что не успеют и деньги растают, а участки отнимут. И в эпоху

стремительных и непредсказуемых перемен, которая, открывая большие возможности, вместе с тем создавала большие риски, эти опасения имели самые веские основания.

Определять время окончания эпохи «садоводческого бума», начавшейся после 1977 г., можно разными способами. Можно проделать анализ статистики раздачи земель под садовые участки в 1990-е гг. и ещё ряда параметров, таких как формирование рынка дешевых строительных материалов и технологий. А можно посмотреть на культурные паттерны, поддерживаемые самими садоводами, их осмысление своей деятельности на участках. Ведь в силу инерции люди могут придерживаться привычных культурных моделей и тогда, когда поддерживающие их политические и материальные механизмы уже не работают. Все мои собеседники, независимо от того, когда они начали разрабатывать свои участки, в 1982 или в 1992 гг., делали это в русле культуры «садоводческого бума».

Культура «садоводческого бума» рождалась из необходимости преодолевать чудовищный дефицит ресурсов и инфраструктуры и лавировать среди постоянно и стремительно меняющихся правил игры. Ещё одна ее особенность – удивительное совпадение политики взращивания ответственного хозяина на земле, принятой в этот период властями, и настроений людей. Словно откликаясь на эту политику, садоводы этой эпохи отличались отчаянной решимостью во что бы то ни стало вырастить сад и построить дом на своих шести сотках бросовых, неплодородных земель, пусть даже в их распоряжении были только топор, лопата и два выходных в неделю. Удавалось это не всем, и в современных воспоминаниях тех, кто победил в этой жестокой игре на выживание, слышны нотки и гордости пионеров и первопроходцев, и горечи людей, вынужденных прилагать огромные усилия, чтобы получить столь немногое.

Выводы

Садоводческие товарищества, возникнув в первое послевоенное десятилетие, прошли путь от способа решения продовольственных проблем советских городов к площадкам для превращения горожанина в «хозяина на земле» в перестройку и, наконец, к независимым «школам демократии» в постсоветское время. На протяжении истории садоводств их правовой статус (а вместе с ним – возможности садоводов и ограничения на их деятельность) колебался между рабочими огородами, крестьянскими хозяйствами, предпринимательскими кооперативами и дачами. В настоящее время садовый участок утвердился в промежуточной позиции между огородом и дачей: предпочтительное использование этой земли – сельскохозяйственное, но в отдельных случаях есть возможность превратить садовый домик в

полноценное жилье. В буквальном смысле пережиток советского социально-экономического порядка, современные садовые товарищества дают хорошую возможность для наблюдения за адаптацией россиян к новым условиям на протяжении 1990-х и 2000-х гг.: частной собственности, работающему демократическому самоуправлению.

«Садоводческий бум», который начался с первой волны массовой раздачи садовых участков горожанам в конце 1970-х гг. и постепенно угас в 1990-е гг., представляет собой особую эпоху в культурной истории советского и российского любительского городского садоводства. Резкий прирост новых садоводов на фоне череды экономических потрясений перестройки и 1990-х гг. усугубил инфраструктурные сложности садоводов-любителей. В то же время, шла государственная идеологическая реабилитация индивидуальных земельных хозяйств. Эти два фактора определили особенности мировоззрения садоводов этого призыва и их позднейших воспоминаний об освоении участков в этот период. Несмотря на то, что освоить садовый участок в это время было чрезвычайно сложно, миллионы советских и позднее – российских горожан в 1980-е и 1990-е гг. стремились поскорее обрести собственным хозяйством на шести (или даже трех или четырех) сотках. В середине 2000-х, в другую эпоху, те, кому это удалось, вспоминают о том времени и своих усилиях со смесью гордости и горечи.

Работая с индексальными свойствами интервью, т.е. с его связью с контекстом, я рассматриваю свои беседы с дачниками об истории их участков, взятые в середине 2000-х гг., не только как воспоминания о прошлом, но и как диалогический комментарий к настоящему. 2000-е гг. сейчас получили ярлык периода «путинской стабильности» – это время надежд на нового президента и повышения цен на нефть. В это время сглаживаются последствия кризиса 1998 г., и на садовых участках (по крайней мере, в столицах) «кризисные» гряды картофеля и парники огурцов и помидоров начинают вытесняться «благополучными» цветами и газонами. Из середины 2000-х и советское время, и переходное десятилетие 1990-х гг. уже виделись на исторической дистанции, как прошлое, с которым можно сравнивать настоящее.

Глава 3. Порядок дискурса садоводства горожан

3.1. Метод и источники

3.1.1. Критический анализ дискурса

В советской государственной идеологии мы не найдем четко обозначенной ниши для любительского садоводства горожан. В Постановлении СМ СССР № 1286 1984 г., нацеленном на «упорядочение» ситуации в коллективном садоводстве, появляется конструкт «сущность коллективного садоводства и огородничества». Но определяется он апофатически, через то, что этой сущности противоречит: «В некоторых районах страны под видом летних садовых домиков ведется строительство особняков дачного типа с гаражами и банями. Все это не только наносит экономический ущерб народному хозяйству, но и ведет к серьезным отступлениям от моральных и нравственных норм советского образа жизни, извращению сущности коллективного садоводства и огородничества». И тем не менее, даже в условиях такой идеологической неопределенности (а может, и благодаря ей) в советской культуре можно обнаружить несколько объяснений «сущности» коллективного садоводства горожан, которые, в свою очередь, получают разное осмысление в разных ситуациях, в том числе, в разговорах.

Задача данной главы – выявить культурные ресурсы, к которым обращаются участники современных дачных разговоров, и прежде всего, разговоров, вошедших в мой корпус интервью. В этом мне поможет метод критического анализа дискурса (КДА), разработанный Н. Феркляфом (Fairclough, другие русскоязычные версии транслитерации фамилии: Феркло, Фэрклоу). Я выбрала именно этот метод, поскольку модель Феркляфа описывает отношения между высказываниями и социальной практикой, которая существует вне дискурса, и, кроме того, позволяет соотносить высказывания, произведенные в публичном поле масс-медиа, и в частных беседах.

В КДА применяется ограниченное определение дискурса: это не любая социальная практика, а только вербальные и визуальные высказывания. Считается, что высказывания одновременно и отражают существующий социальный порядок, и способны формировать новые социальные структуры. Как и Д. Хаймс, Феркляф оперирует термином *коммуникативное событие* – любая единица использования вербального или визуального языка. В коммуникативных событиях реализуется дискурс – специфический способ придания смысла опыту. Как и М. Бахтин, Феркляф пользуется понятием *жанр* – использование языка, связанное

с конкретной социальной практикой, например, жанр интервью, новостей или рекламы. Дискурсы и жанры – это и есть ресурсы, доступные участникам коммуникации. Но конкретные способы их использования зависят от их взаимоотношений внутри системы – *порядка дискурса* (discourse order³⁸). Порядок дискурса – это конфигурация дискурсов и жанров, характерная для конкретного, ограниченного, социального домена в определенный исторический период. Порядок дискурса определяет, что и как может быть сказано о том или ином явлении. Можно изучать порядок дискурса медиа, здравоохранения в целом или отдельной больницы (Jorgensen, Philips, 2002, 61-72).

Ферклаф предлагает троичную модель коммуникативного события, которая помогает направить и распределить исследовательское внимание:

- конкретный текст и его структурные (лингвистические, визуальные) особенности,
- дискурсивная практика, т.е. производство и потребление этого текста, где функционируют дискурсы и жанры,
- влияние этой дискурсивной практики на существующий порядок дискурса (меняется он или воспроизводится) и на более широкий набор социальных практик (Jorgensen, Philips, 2002, 69; Фэрклоу, 2015, 508).

Метод КДА помогает выявить разные толкования, которые получает в российском обществе одна и та же социальная практика – пользование садовым участком, – и описать отношения между ними. К каким дискурсам обращаются мои собеседники, чтобы ответить на вопросы о том, кто и зачем занимается садоводством на садовых участках для горожан? С какими доменами социальной практики связываются садовые участки через эти дискурсы? Какие аспекты пользования садовым участком высвечивает каждый из них? В каких отношениях эти дискурсы находятся между собой? Как менялся порядок дискурса садоводства горожан в исторической перспективе, с послевоенных лет и до нашего времени?

3.1.2. Источники и ограничения

Мои главные источники для реконструкции порядка дискурсов о коллективном садоводстве до 1990-х гг. – это законодательные акты, архивные протоколы Ленинградского горисполкома, пособия для садоводов, художественные фильмы и художественная литература

---

³⁸ В русском переводе статьи Ферклафа «Политический дискурс в прессе: аналитическая схема», вошедшем во 2 том хрестоматии по социолингвистике и социологии языка (Фэрклоу, 2015), этот термин переведен как «уровень дискурса» (с. 509). Представляется, однако, что перевод «порядок дискурса» более точно передает смысл этого понятия как правил сосуществования ряда дискурсов и жанров. Кроме того, сохраняется его связь с аналогичным термином Фуко, который тоже переведен на русский язык как «порядок дискурса» (Фуко, 1996).

эпохи. Источники для 1990-х и 2000-х гг. более разнообразны, поскольку с демократизацией СМИ и появлением интернета расширяется доступ к средствам производства публичного дискурса. В 1990-е низовая культура, которая сложилась вокруг садовых участков, выходит на поверхность и просачивается в масс-медиа. На телевидении садовые участки прочно обосновались в низовых жанрах комедийного скетча и экранизации анекдота: выпуск программы «Городок» 1995 г. под названием «Городка нашего пригородок» (И. Олейников, Ю. Стоянов), телесериал «33 квадратных метра» (О.С.П.-студия) рубежа 1990-х и 2000-х, – в тесной взаимосвязи с народной смеховой культурой современности. Передачи и сериалы основаны на анекдотах и знакомых всем историях из жизни, садоводы смотрят телевизор и пересказывают друг другу смешные сюжеты, запуская их в новый круговорот устной передачи. В конце 1990-х люди, ранее не причастные к культурному производству, получили возможность создавать и публиковать собственную культурную продукцию в Интернете. С садовыми участками связан большой пласт «культуры средней руки», бытующей в социальных сетях, прежде всего, самодельных видеороликов и фотографий³⁹. Яркий образец этой культуры, которую производят и распространяют в Интернете сами садоводы, – видеоролик «Шесть соток простора на Мшинском болоте». Это любительский клип, снятый обитателями садоводческого массива в Мшинской, на песню, написанную одним из них, Виктором Зиновьевым, в 1993 г. Ролик распространяется через Youtube⁴⁰, это караоке, т.е. любой зритель может подпеть певицам. Голоса непрофессиональны, простенькая мелодия играет на домашнем синтезаторе, кадры домашней видеосъемки нечетки, поэзия незамысловата. Цветущие и заснеженные садовые участки, люди работают на грядках, отдыхают среди цветов, парятся в бане или купаются в самодельном бассейне – все это проходит перед зрителем под куплеты, в которых концентрированы основные культурные мотивы массовой дачи, только вступившей в постсоветскую эпоху (полный текст см. Приложение 4). Это периферийность, массовость, независимость и автономия первопроходцев и хозяев-умельцев, суровый быт, дружеское общение и взаимопомощь, огородные неудачи неопытных горожан, экологическая чистота, трудолюбие и здоровье, убежище и опора в эпоху кризисов. Это своего рода метарепертуар

---

³⁹ В Интернете представлена и дистанцированная элитарная позиция по отношению к садовым участкам. В «Живом журнале» с 2009 г. существует сообщество «Старая дача, которая доживает свой век», где публикуются атмосферные ностальгические фотографии старых дач. Сообщество пренебрежительно исключает садовые участки из зоны своих интересов, отводя им нишу «шашлыков и грядок», шумного или трудового отдыха низших классов. И это невзирая на то, что, как отмечает М. Колдуэлл, сейчас сами садовые участки стремительно превращаются в пространства ностальгии для своих владельцев (Caldwell, 2011), особенно для младших поколений. Так и на демократических просторах Интернета воспроизводится неравенство и граница между элитными и не элитными дачами.

⁴⁰ <https://www.youtube.com/watch?v=whk9LYmKzOI>

мотивов и дискурсов современного садового участка, который отчасти можно найти и в моих интервью с садоводами середины 2000-х.

Передо мной не стоит задача полной реконструкции современного или советского порядка дискурса садового участка⁴¹. Меня интересуют, прежде всего, те культурные ресурсы, которыми пользуются мои собеседники, чтобы объяснить свои садоводческие занятия, и их жизнь и творческая переработка в различных жанрах дачных разговоров. Поэтому мое исследование имеет сильный исторический (или, в терминах Фуко, археологический) уклон и затрагивает, в том числе, дискурсы, которые в настоящее время больше не воспроизводятся в публичной сфере, но сохраняют актуальность для моих информантов. По этой же причине я использую ограниченный круг источников и мало обращаюсь к специализированной прессе для садоводов (журнал «Приусадебное хозяйство» с 1981 г., целая линейка газет и журналов начиная с 1990-х гг., ряд телепередач), а также к публицистике и высказываниям политиков и чиновников по поводу садовых участков в 2000-е гг. Это значит, что предлагаемая далее картина порядка дискурса о садовом участке в разные эпохи фрагментарна, но достаточна для решения поставленной задачи.

Всего на рассмотренном материале я выделила четыре дискурса, которые актуальны для моих собеседников в 2000-е гг., но несут на себе отпечаток разных исторических эпох и обстоятельств. Гигиенистский дискурс, где дача рассматривается как место оздоровления для горожанина, был перенесен на любительское садоводство еще из дореволюционной дачной практики. Дискурс о труде-творчестве появился из советского осмысления философии труда и досуга К. Маркса и разрабатывался в позднесоветских исследованиях свободного времени, а также в богатой литературе советов домашним умельцам и изобретателям. Крестьянский дискурс и дискурс автономии представляют собой разные конфигурации связей между землей, трудом и личной независимостью и актуализировались в перестроечные годы.

---

⁴¹ Приведенный далее список советских претендентов на роль «сущности коллективного садоводства» не исчерпывающий. Можно назвать ещё объяснительные модели, которые связывают садовые участки и рабочие огороды или городское благоустройство. Обе более актуальны для ситуаций, когда СТ находятся в шаговой доступности от городского жилья, т.е. для небольших городов или СТ на окраинных территориях большого города (все мои петербургские интервью собраны в СТ, удаленных от большого города на 80 и более км.). О традиции рабочих огородов на городских окраинах и их связи с дачными практиками в больших и малых городах в 1990-е годы см.: (Чеховских, 2000, 8-11). О том, что коллективные сады на городских окраинах могли восприниматься как часть комплекса городского озеленения, есть обрывочные свидетельства из 1950-х – 1970-х гг. «Окружить свой молодой город фруктовыми цветущими садами - таково стремление садоводов-любителей» - пишет народный корреспондент обнинской газеты «Вперед» о первом СТ города (Калинин, 1957). Возможность использовать сады СТ «Мирный» в качестве городского парка рассматривалась и теми, кто проектировал строящийся Обнинск: «На базе зеленых массивов и фруктовых садов «Мирного» и подсобного хозяйства, сооружений стадиона, профилактория, лагеря, будет городская здравница» (Власов, 1962). В Ленинграде при сносе коллективного сада в Купчино в связи с расширением городского строительства в конце 1960-х годов Ленгорисполком обещал рассерженным садоводам не только выплатить компенсации, но и максимально сохранить фруктовые сады и включить их в озеленение нового района, предлагая им поддержать трактовку сада как части городского озеленения (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 43. Д. 761).

3.2. Дача на садовом участке: след дореволюционных дискурсов

Дачная традиция в российской культуре, особенно в больших городах и особенно в имперской столице – Петербурге, имеет давнюю историю (Lovell, 2003; Ловелл, 2008; Малинова-Тзиафета, 2013)⁴². Советские документы, регламентирующие жизнь коллективных садов, однако, ни словом не упоминают о дачах и дачном отдыхе. И все же в нарождающийся порядок дискурсов о новом явлении советской жизни – коллективном садоводстве горожан – очень рано оказался инкорпорирован целый фрагмент дореволюционного дискурсивного порядка дачи, вместе с характерными для него дискурсами и конфликтами ценностей.

Так, советский кинематограф, на удивление, совершенно игнорирует специфику коллективных садов, зато последовательно воспроизводит риторику и конфликты, которые разворачивались вокруг дореволюционных дач. В фильме «Дача» (К. Воинов, 1973) показана жизнь садового товарищества (это явственно видно и по маленьким участкам, и по архитектуре и размерам домиков), но персонажи говорят только о даче. Режиссер иронизирует по поводу усредненного типажа дачника, который близок к бытовавшему среди дореволюционной интеллигенции стереотипу «бездельника, заботящегося только о своих удовольствиях и не стремящегося ни к труду, ни к саморазвитию» (Малинова-Тзиафета, 2013, 58) с поправкой на советские ценности коллективизма. Воинов показывает галерею дачников, которые увлечены только собой и своим дачным хобби (сад, пчелы, породистые собаки, микрогравюры на зернах), так что поначалу им нет дела до того, что их сосед и коллега, главный герой фильма, попал в беду. Садоводческое товарищество, причем в разные эпохи, в 1950-е и в 1970-е, показано в фильме «Москва слезам не верит» (В. Меньшов, 1979). Мы видим очень знакомые тем, кто бывал в садоводствах, кадры: строятся деревянные дома и сараи из подручных материалов, люди идут с ведрами за водой, новоиспеченный садовод увлеченно рассказывает о своих планах, а через 20 лет – с гордостью показывает городским гостям выросший сад. Дача здесь оказывается ареной для столкновения ценностей двух героинь, Антонины и Людмилы. В своих репликах они обращаются к ресурсам разных дискурсов, «буржуазного» и «социалистического», которые внутри советского дискурсивного порядка находились в отношениях конфликта. Если для Антонины и ее семейства дача — позитивный символ

---

⁴² О. Малинова-Тзиафета показывает, что в XIX веке семиотизация дачи тоже была проблематичной и подвижной. Она менялась вслед за изменениями социального состава дачников: как только дачный отдых становился массовым, элита (как урожденная аристократия, так и цвет интеллигенции) отказывалась называть свои загородные дома дачами, стремясь дистанцироваться от культуры низших сословий (Малинова-Тзиафета, 2013, 48, 58).

домашнего уюта и традиционной семьи, то для Людмилы – символ предсказуемой и затягивающей бытовой рутины и кругозора, ограниченного стандартным набором материальных благ. В высказываниях Людмилы звучит эхо дореволюционного дискурса критики «мелкобуржуазных», «мещанских» вкусов и образа жизни дачников (Ловелл, 2008, 123-127). Судя по структуре дачных эпизодов фильма, к такой «социалистической» интерпретации дачи тяготеет и режиссер⁴³. И вновь все персонажи говорят только о даче, нет ни слова о коллективных садах.

Игнорируют садовые участки и петербургские старожилы П. Пискарев и Л. Урлауб, когда завершают свои воспоминания о дореволюционных дачах, которые записали в 1964 г., следующим абзацем:

«Этот дачный быт ушел в прошлое навсегда. Он не стал уже преимуществом привилегированных классов и богатых людей. Пришла новая жизнь, с новым бытом. В наше время все больше и шире открываются возможности для летнего отдыха трудящихся: и широкая сеть санаториев и домов отдыха, и система туристских походов, и организованный отдых детей» (Пискарев, Урлауб, 2005, 474).

Не очень понятно, ушел ли, по мнению авторов, прежний «дачный быт» или, напротив, стал доступен более широкому кругу. Так или иначе, в списке возможностей для отдыха, которые принесла новая советская жизнь, садовых участков нет. Перечисляются только виды коллективного отдыха, организованного государственными учреждениями, – наилучшим образом совместимые с ценностями социализма. Приведенная цитата из воспоминаний двух ленинградцев (публикатору текста А. Конечному ничего о них неизвестно, можно только предположить, что это рядовые горожане (Конечный, 2005, 451)) отражает их представления образца середины 1960-х гг. о должном обрамлении для воспоминаний о дореволюционном быте. Дачи, «сомнительные» явления, пережившие революцию, а вместе с ними – и садовые участки в их список не попали.

В том, что советская массовая культура унаследовала элементы дискурсивного порядка дач, и в частности, критику, которую им адресовала дореволюционная левая интеллигенция, нет ничего удивительного. В конце концов, именно эта интеллектуальная традиция легла в

---

⁴³ Одна и та же дача родителей жениха, а потом мужа Антонины появляется в обеих сериях фильма, сначала в конце 1950-х, потом через 20 лет, в конце 1970-х гг. Общий персонаж обоих эпизодов, пожилой дачник, который сидит перед домом и слушает одну и ту же пластинку на патефоне, не только обеспечивает связность и узнаваемость места для зрителя, но и намекает на неизменность, монотонность дачного образа жизни (или, как писала М. Колдуэлл (Caldwell, 2011), на особую дачную темпоральность безвременья).

основу советского культурного строительства и социалистического дискурса в целом. Удивительно, что дачная культура и ее практики вообще пережили революцию. Дача ассоциировалась с «буржуазным стилем жизни», «частной жизнью и домашним уютом», «скорее с праздным досугом, чем с физическим трудом и продуктивной работой» (Lovell, 2002, 106) и плохо сочеталась с советскими ценностями коллективизма, обобществления быта и бодрого трудового досуга (Ловелл, 2008, 140-190). И тем не менее, ассимиляция дореволюционных дачных практик в культуре советской элиты началась ещё в 1930-е гг. (Lovell, 2002, 106–107), а в послевоенное время этот процесс распространился на другие социальные слои и, при активном участии государственной политики, привел к появлению смешанной дачно-садоводческой культуры, которую мы знаем сейчас (Lovell, 2002, 110).

В советское время дачи продолжали существовать как особый тип загородного строения, отличного от садовых участков и по планировке, и по использованию. В справочном пособии 1986 года даются разные рекомендации по планировке для дачи, садового участка и ЛПХ (Таранов, Таранова, 1986). Так, хозяйственный двор на дачном участке советуют делать для сарая, в ЛПХ – для скота, а в садовом или огородном товариществе он вовсе не нужен (Ibid.: 30). Ограда рекомендуется для участков колхозников, домов в деревне и дачных участков, в то время как коллективный сад огораживает всю свою территорию, а отдельным садовым участкам достаточно живой изгороди (Ibid.: 42). Дача предназначена для праздного отдыха, садовый участок – для выращивания плодов и ягод.

Садовые участки очень быстро стали ассоциироваться с дачами не только в повседневном словоупотреблении, но и на уровне местного управления и в массовой культуре. В обыденном языке садовые участки могли называться дачами уже в 1950-е гг.⁴⁴. В Ленинграде это смешение с 1974 г. стало поддерживаться локальной структурой управления, когда коллективные сады передали от Отдела сельского хозяйства в ведение Отдела дачно-строительных кооперативов и садоводческих товариществ, сначала при Дачном тресте, потом при Управлении дачного обслуживания (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 47. Д. 132. Л. 77). Уже в начале 1980-х советские географы в своих исследованиях рассматривали дачи и садовые товарищества как составную часть «рекреационной сети» наряду с домами отдыха и турбазами (Преображенский, Веденин, Ступина и др., 1982, 90).

---

⁴⁴ С. Ловелл, который исследовал этот вопрос на большом материале литературы, прессы, архивных документов и интервью, полагает, что включение садового участка в значение слова «дача» в повседневном употреблении произошло, по меньшей мере, к 1960-м гг. (Lovell, 2002, 112). Моя чуть более ранняя датировка основывается на примере употребления из заметки 1957 года в газете города Обнинска (Калужская область), где местный садовод-энтузиаст и народный корреспондент К. Калинин описывал жизнь первого в только что основанном городе СТ. Правда, здесь словом «дача» называется именно дом на участке: Калинин описывает, как его сотрудники «строят дачку по собственному проекту» (Калинин 1957).

Границу между садовым участком и дачей строго соблюдали ленинградские чиновники, что отразилось в документах Ленгорисполкома 1970-х – 1980-х гг. «На государственных землях ещё многие садоводы вместо садовых домиков летнего типа строят дачи капитального типа»; «в ряде случаев под видом летних садовых домиков ведется строительство особняков дачного типа с гаражами и банями» – гласят результаты проводившихся проверок садовых товариществ в 1974 и 1985 гг. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 47. Д. 126. Л. 138; Там же. Оп. 56. Д. 684. Л. 111). Садоводы производили действия, чиновники – их интерпретацию, давая определения и проводя границы. Выяснялось, что для чиновника в это время дача – это капитальное строение с гаражом и баней, комфортный жилой дом для отдыха круглый год, а садовый домик – нет⁴⁵. Вплоть до середины 1970-х гг. в документах садовый домик часто называют павильоном, подчеркивая его нежилой, вспомогательный характер. Так чиновники дискурсивно (и не только: неугодные дома требовали сносить) противостояли слиянию дач и садовых участков. Упорное отстаивание границы поддерживало омонимию: в обыденном языке и массовой культуре «дача» очень рано стала обозначать загородный участок горожанина с домом, в то время как в локальном узусе местной власти (по крайней мере, в Ленинграде) слово «дача» дольше имело более узкое значение загородного дома, которое исключало садовые участки, несмотря на общее подчинение Управлению дачного обслуживания (Касаткина, 2010). В современном законодательстве жизнь дачных и садоводческих объединений регулируется одним законом, № 66-ФЗ 1998 г., но и в нем эксплицитно проводится граница между дачными и садовыми участками. Правда, различие сводится к декларируемой иерархии целей использования: садовый участок – для выращивания сельскохозяйственных культур, а также для отдыха, дачный – для отдыха, но «с правом выращивания» (ФЗ-66, ст. 1).

В середине 2000-х гг. мои собеседники тоже обращаются к дискурсивному порядку дореволюционной дачи. Но они воспроизводят другой дискурс – *гигиенистский*, который восходит к идеям врачей-гигиенистов середины XIX в. о целительных свойствах чистого воздуха и воды. О. Малинова-Тзиафета, анализируя дачные путеводители Петербурга, показывает, что к началу XX в. эти идеи уже сами собой разумелись для петербургской читающей публики: в это время в дачах больше всего ценится чистый воздух, хорошая вода и почвы, на природу теперь выезжают укреплять подорванное в городе здоровье (Малинова-Тзиафета, 2013, 93–111). И историки видят для подобных идей серьезные основания: в имперской столице рубежа веков не было канализации, и летом тяжелые испарения висели в

⁴⁵ Ср. материалы из «Крокодила» более раннего периода, рубежа 1950-1960-х гг., собранные С. Ловеллом, где граница проводится аналогичным образом: дом для круглогодичного проживания – это дача, такого не должно быть на садовом участке (Ловелл, 2008, 213).

воздухе, повышался риск болезни (Ловелл, 2008; Малинова-Тзиафета, 2013). О том, что традиция снимать летом дачу для детей пережила Революцию, свидетельствуют воспоминания информантов И. Чеховских о 1930-х гг. (Чеховских, 2000). Убеденность, что лето на природе – залог здоровья, особенно детского, сохранилась и у современных петербуржцев.

Так, объясняя мне, как у нее появилась дача, Т.А. говорит, что брала участок, прежде всего, чтобы летом вывозить детей на природу:

А.К.: Скажите, пожалуйста, как вам достался ваш участок?

Т.А.: eh Когда родилась С. [младшая дочка]... даже, наверное, когда eeh В. [старший сын] родился, я поняла, что очень сложно в городе держать ребенка постоянно. И средств на такие выезды куда-нибудь на природу нн- в общем-то, не хватало, а хотелось, чтобы ребенок как можно больше находился на природе. Поэтому я тогда уже решила, что надо поиметь участок. Но с В... с первым ребенком это было не так eeh как-то eh актуально, поскольку все-таки одного я могла схватить, поехать и как-то... мобильные мы более: мы ездили и в Кавголово, там, и в это, на... в Солнечное на залив с ним с одним. А потом рождается А. И А. рождается со многими дефектами, которые нельзя выезжать за пределы eeh... вот... ну, этого климата, так скажем. Что ей нельзя, там, быть на солнце, там, и либо пе-... очень жарком... – ну в общем, климат должен быть вот этот. И тут уже я (*вздых*) точно решила, что мне нужна... eeh... ну дача, так скажем, что... – именно дача, для того чтобы просто вывезти детей на природу. И я стала вот бороться (*с легким вздохом*) (3_ТА).

Рождение детей относится к концу 1970-х – первой половине 1980-х, а участок Т.А. удалось получить только в 1990 г., когда старший сын был уже подростком. Строительство домика в тяжелых условиях начала 1990-х затянулось, и мечта о загородном отдыхе с детьми так и не осуществилась.

М.Г. к концу нашего разговора сам начал гадать, почему же он когда-то взял участок и регулярно ездил туда, невзирая на бытовые неудобства. На момент нашей встречи он недавно овдовел, и наша беседа стала для него поводом и осмыслить свою потерю, и переосмыслить годы, проведенные в супружестве. В итоге мой собеседник остановился на том, что брал участок и вкладывал в него силы и время, прежде всего, чтобы супруга могла поправить слабое здоровье на свежем воздухе:

М.Г.: Он [сосед] с восторгом всегда: «Оооо, я рвусь на дачу!». Мне это не свойственно. Так, ну хорошо, я приехал, да. Ну, приехал... вот визга этого, телячьего восторга, у меня нет.

А.К.: И не было? Когда начинали там ещё...

М.Г.: м... <...> ты знаешь, Саш, я тебе скажу, наверное, все-таки.... В большей мере я, наверное, все это делал ради Л.И. [супруги]

А.К.: А у неё было все...

М.Г.: Нет, у неё тоже тяги деревенской такой не было. Она тоже девочка была горожанка, коренная ленинградка. Нет. У неё здоровье было подорвано. И внутренне я это понимал и молча, это не через себя даже, а как-то органично, её оберегал. То есть только это все было органично, это была полная гармония. Не через себя, вот «не хочется – а надо ради неё» – нет, даже не так. Вот это все как-то было... так, настолько органично было, что ей.... Ей это нужно. Её это нужно — значит, и мне нужно. Вот.

А.К.: А дачу взяли, потому что это ей нужно было?

М.Г.: Ну воздух нужен был. Воздух нужен (1_МГ).

А.В. начал наш разговор с того, что уверял меня, что и он, когда в 1985 г. на работе у его матери предложили участки, решил согласиться, прежде всего, чтобы вывозить туда на лето маленьких дочерей и не снимать для этого дачу у чужих людей. Именно первый приезд жены с дочками на третий год венчает его рассказ о том, как он расчищал участок и строил домик. Участок начал выполнять свою задачу. Так же и Ю.А., у которого был маленький ребенок в семье на момент нашего разговора, подчеркивает, что именно летний отдых для сына – главная функция садового участка.

Материалы Н. Гальц, собранные в 1990-е гг. в Подмосковье, свидетельствуют, что гигиенистское осмысление дачи устойчиво не только среди петербуржцев и, более того, может воспроизводиться вопреки действительному положению вещей. Так, исследовательница описывает дачный участок, где из-за соседства со свалкой стоял дурной запах и постоянно вились мухи. Тем не менее, ее информанты, представители двух дружественных семейств, снимали эту дачу на лето несколько лет подряд и в ответ на вопрос, зачем они это делают, давали стандартный ответ: «Чтобы вывозить детей на свежий воздух» (Galtz, 2000, 255).

3.3. Любительское садоводство горожан: труд как творчество

В основных документах, регламентирующих деятельность садовых товариществ, (правительственные постановления, уставы СТ) нет ни слова о любительстве. Между тем, будучи, с одной стороны, в том же правовом поле, что и гаражные или домостроительные кооперативы (которые организовывали отношения вокруг общего имущества граждан), с другой стороны, СТ и в организационном отношении, и по функционированию приближались к клубам собаководства, пчеловодства, фото- или радиолюбителей и могли трактоваться как общества любителей, объединенных одним хобби. В Главзапстрое, главном застройщике Северо-Западного региона РСФСР, в 1984 г. заместитель председателя профкома отвечал «за культмассовую работу, работу обществ НТО⁴⁶, ДОСААФ и пр. и работу садоводства “Строитель”», т.е. садоводство институционально было объединено с разными видами организации досуга, в том числе «серьезного досуга», связанного с научно-техническими занятиями и спортом (ЦГА СПб. Ф. 9972. Оп. 7. Д. 56. Л. 10). В Ленинграде Добровольное общество садоводов было создано только в том же 1984 г. и действовало параллельно с СТ и поверх их границ (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 56. Д. 189). Но в других регионах (в Калужской области, в Татарстане, Калининграде) садовые товарищества с самого начала и до сих пор ещё называют садовыми обществами – т.е. обществами любителей. Не позднее конца 1960-х гг. появляются пособия по садоводству, адресованные «садоводам-любителям» (самое раннее из обнаруженных мной с такой формулировкой издано в 1968 г. (Сергеев, 1968)).

Любительство, таким образом, было сильным претендентом на роль «истинной сущности коллективного садоводства» в советском обществе. Это хорошо видно в микромасштабе газеты небольшого города – Обнинска (Калужская область). Материалы на страницах обнинской городской газеты «Вперед» 1950-1970-х гг. (советы «садоводам-любителям», заметки о жизни городских СТ, жалобы садоводов и на садоводов и проч.) свидетельствуют, что в это время здесь владелец садового участка и садовод-любитель были синонимами (Жучков, 1957; Поляков, Реутов, 1958; Панина, 1960; Калинин, 1962; Красильников, 1967; Васильев, 1969; Калинин, 1970; Калинин, 1975; Жистов, 1978). В фельетоне 1973 г. «истинные любители», которые «завели участки с единственной целью – отдохнуть после напряженных производственных хлопот, физически поработать после утомительного умственного труда» противопоставляются «всякого рода собственникам», обураваемым «страстью к наживе» (Сергеев, 1973). Даже в 2013 г. пожилой обнинский физик,

⁴⁶ Научно-техническое общество – институт поощрения технического творчества, который объединял профессионалов поверх границ штатных расписаний организаций.

который растит свой сад с 1961 г., в своем интервью характеризует председателей СТ советского времени как «истинных любителей», противопоставляя их нынешним председателям, которые, по его мнению, заботятся только о деньгах⁴⁷.

Любительские занятия были важной составляющей социального и экономического проекта позднего социализма, связанной с прогнозами относительно эпохи НТР и недалекого будущего. Саморазвитие, освоение новых навыков или, как тогда писали, «повышение культурно-технического уровня» на досуге рассматривалось как способ справиться со стремительным устареванием квалификаций и профессий в условиях научно-технического прогресса, когда нет рыночных стимулов. Человек будущего был универсальным человеком (Андрейчиков, 1962, 24; Пятидневная рабочая неделя..., 1968, 12). В социальном домене любительства в это время разрабатывался дискурс, который можно определить как *позднесоциалистический дискурс о труде* или *дискурс о труде – творчестве*. Для него характерно представление о труде как о творчестве, занятии, которое приносит удовлетворение само по себе и служит развитию личности. Идеологи этого дискурса искали в окружающей действительности признаки обещанного Марксом и Энгельсом исчезновения границы труда и отдыха при коммунизме (Соколов, 1977, 72).

В связи с введением пятидневной рабочей недели в 1967 г. (во исполнение обещаний Третьей программы партии 1961 г.) издается целый поток литературы о проблемах «разумной организации» свободного времени, в том числе и о важности самодеятельности, любительского творчества (Внерабочее время трудящихся, 1961; Грушин, 1967; Соколов, 1977). Исследователи свободного времени того периода, однако, помещают садоводство горожан отдельно от любительских занятий – среди способов проведения отпуска (Грушин, 1967) или видов загородного досуга (Гордон, Римашевская, 1972). Неслучайно герои фильма «Дача» (К. Воинов, 1973), о котором говорилось выше, между делом обсуждают должное соотношение труда и досуга и примеряют к себе новое на тот момент словечко «хобби». Хобби, которыми эгоистично поглощены персонажи-дачники, показаны с иронией (любопытно, что среди этих увлечений нет садоводства и огородничества). Но и безоглядная поглощенность работой директора предприятия и начальника главного героя тоже не получает в фильме однозначно положительной оценки. Советскому зрителю начала 1970-х гг. предлагается самому найти баланс между праздностью и эгоистичностью «буржуазного» досуга, который локализован на даче, и полным отказом от отдыха.

---

⁴⁷ Интервью с анонимным собеседником, записано А.К. Касаткиной 08.06.2013 в Обнинске. Архив Обнинского проекта.

Дискурс о труде-творчестве разрабатывается и в советской литературе рекомендаций для домашних умельцев («сделай сам»). Грань между домашним мастером, способным вернуть в строй и наделить новой функцией уже отслужившие свое вещи, и изобретателем-любителем в советской культуре неразличима: оба заняты творческим преобразованием материального мира, оба стирают границы не только между трудом и досугом, но и между производителем и потребителем, для обоих важны и экономия, рациональное использование, и «творческое, новаторское отношение к вещам, да и самой жизни» (Орлова, 2004) (о генеалогии советского технического творчества, растущей из марксистской идеи о способности труда, в том числе, ручного, преобразовать человека и мир: (Vasilyeva 2019)). Именно такому домашнему умельцу и изобретателю адресован журнал «Приусадебное хозяйство», который в 1980-е гг. публиковал и статью о самодельных мотоблоках для вспашки огорода с чертежами и контактами изобретателей, чтобы читатели могли задать им свои вопросы и самостоятельно повторить их опыт (Орлов, 1981), и заметку о садоводе-любителе, превратившем участок в «творческую лабораторию» для выведения сортов яблонь (Исаченко, 1981)⁴⁸. Однако в официальной советской культуре, которую транслировали центральные СМИ, специализированная и художественная литература, кинофильмы, не пропагандируется образ садовода-любителя, бескорыстно увлеченного изобретательством на своем участке⁴⁹.

Петербургские садоводы середины 2000-х в разговорах со мной активно воспроизводят узнаваемые риторические и аффективные клише позднесоциалистического дискурса о труде-творчестве, хоть и не так прямо, как это делал мой собеседник в Обнинске (никто не упоминает слова «любительство» и не называет себя «любителем»), и это всегда связано с садоводством или строительством на участке. Так, Р.Ф. начинает свой рассказ об участке с того, что сталкивает два возможных объяснения своей садоводческой деятельности: увлеченность и нужду, – и настаивает, что руководствовалась только первым:

А.К.: ...Ну первый вопрос – это как у вас появился участок, конечно (*со смешком*)

⁴⁸ Характер границы профессионализма и любительства здесь был дискуссионным, о чем свидетельствует упомянутый в предыдущем разделе конфликт в редакции журнала «Приусадебное хозяйство». Сельское хозяйство и садоводство в частности оказались в проблематичной зоне, которую профессиональные агрономы не были готовы уступать любителям. В итоге любители одержали победу, и журнал стал органом всесоюзного распространения практического знания домашних мастеров садоводства и огородничества (Galtz, 2000, 325–334).

⁴⁹ Возможно, такие попытки предпринимались на местах в ранние годы существования СТ. Неслучайно в некоторых регионах (например, в Перми (личное свидетельство О. Лейбовича)) первые коллективные сады было принято называть «мичуринскими», поскольку садоводы-любители считались продолжателями дела Мичурина. Но образ садовода-мичуринца на шести сотках не стал общеизвестным узнаваемым идеологическим клише.

Р.Ф.: *(тень смешка)* Ну как сказ[ать], мы уже, это, вторые хозяева на этом еh... Первый с- вот свалил деревья, это было, все был, делал первый. Вот. *(вздых)* А мы с... уже делали... *(вздых)* Ну что, землю, конечно, **мы** копали. Осваивали.

А.К.: Угу.

Р.Ф.: Всё до!.. В то время у нас был такой *интерес!*.. Мы – **всё!** У меня муж – всё-всё-всё **до ключка** освоил! И картошка у нас была, и морковка у нас была, и свекла была, и всё, и всё-всё-всё! – прямо такие мы еh... В общем, это был интерес, я считаю. еh Чтобы это нас нужда довела – нет.

А.К.: Угу.

Р.Ф.: Интерес. Интерес. Тем более я – городской житель, а-абсолютно не умею ничего к это.....к сельскому хозяйству. Вот. Вот так... (6_РФ).

«Интерес» – это ключевое слово для рассматриваемого дискурса. Новое для горожанина занятие интересно и даже экзотично, как отмечает М.Г., сравнивая себя с главным российским символом экзотики:

А.К.: Но, тем не менее, огород вы выращивали на участке. Вам самому хотелось или это тоже...

М.Г.: А это тоже... сначала это было очень интересно. Потому что у меня никогда в жизни, у нас никогда в жизни, огорода никогда не было *(смеется)*. Мне интересно было. Я ж тебе говорю, что когда вырос помидор!.... *(весело)*

А.К.: Ну да... *(смеется)*

М.Г.: Что ты, это было!.. Я, как папуас, вокруг него танцевал!

А.К.: *(смеется)*

М.Г.: Как это так можно: у меня!... *(смеется)*

А.К.: ...помидор! *(смеется)*

М.Г.: ...красный! Помидорчик-то первый, правда, малюсенький такой – вот такой вот *(показывает со смехом)* (1_МГ).

Для этого дискурса характерна риторика экспериментирования, испытания нового, обучения путем проб и ошибок, которую в изобилии отмечает и Н. Гальц среди своих подмосковных информантов в 1990-е (Galtz, 2000, 316). Т.А. нравятся «эксперименты»: выращивать «картошку в ящике» (см. ниже) или «малину на бублике» (способ выращивания малины вокруг ямы с удобрениями). Такие рецепты, где-то вычитанные или услышанные, не

только сулят экономию усилий, но и необычны, «интересны», а также привлекают одобрительное внимание такого же увлеченного садоводческого сообщества:

Т.А.: ...Я прочла в это, в какой-то газете, что с... я... из ящика метр на метр ееш по... это, и в высоту там сколько-то (уже сейчас не помню, вот метр, к примеру) можно собрать полтонны картошки. И то, что это делается, этот-то ящик, и сажается картошка. Потом постепенно он наращивается и засыпается – вот картошка как бы поднимается вверх и постепе[нно], и вот на ней

А.К.: Аа!

Т.А.: должно вот так,

А.К.: Угу. Угу.

Т.А.: по это, по высоте нара[щиваться] еhm расти вся... И мне это понравилось – что у меня земли-то не было особенной, поэтому я в течение лета делала эту землю, привозила песок, привозила навоз, вот это все мешала и засыпала постепенно. Мне это... очень мне это понравилось, думаю: «Надо же, как хорошо: постепенно всё, я эту землю создаю». И все садоводство ходило смотрело, что это получится. Нет, не получилось. Потом уже узнали, что должен быть специальный сорт картофеля (3_ТА).

Т.А. упоминает особый жанр дачных разговоров, который связывает позднесоциалистический дискурс о труде и социальную практику, характерную для СТ: «И все садоводство ходило смотрело» – экскурсии по участку, во время которых гордый хозяин показывает свои достижения и заодно обменивается опытом с гостями. Так реализуется поддержка, и контроль индивидуальных увлечений со стороны садоводческого сообщества.

А.В. рассказывает, как был настолько увлечен строительством своего домика, что «все хобби городские, так сказать, ушли в сторону», пока он не закончил. Для него, инженера-конструктора, строительство стало возможностью реализовать свой интеллектуальный потенциал — думать, воображать, искать решения:

А.В.: То есть тут — знаете, воображение работает, смекалка! *(весело)* *(смеется)* *(далее весело)* Почему строить-то хорошо, радость доставляет? Потому что что-то такое, вот, не получается, а подумаешь — получилось! Ну это ж радость! *(смеется)* Удовлетворение (5_А.В.).

Удовлетворение, правда, как выяснилось чуть позднее, связано не только с успехами в решении задач, но и с экономией, причем для А.В. это важнее, чем для Т.А. в ее экспериментах (категория «интересно» здесь предложена мной и принимается собеседником, но между делом, для него главное не это):

А.В.: ...Ну... мне жалко было на это [наем печника] денег. Вот. Поэтому это все как-то вот так — *(цыкает языком, смеется)* немножко некрасиво и не очень, еей, хорошо, но...

А.К.: Но зато интересно!

А.В.: Интересно, да, и... удовлетворение: вот я посчитал, что мне дом обошелся в 350 рублей!

А.К.: *(смеется)*

А.В.: Это, вот так это – в стоимость досок *(смеется)* (5_А.В.).

Здесь А.В. помещает свой садовый домик (и, соответственно, позиционирует себя) где-то между техническим творчеством инженера, постигающего смежную специальность, и поделкой домашнего умельца (Касаткина, 2017b).

Л.А. связывает необычные для горожанина садоводческие увлечения с саморазвитием, познанием своих возможностей. Это ещё одно клише позднесоциалистического дискурса о труде, в котором творческий труд считался главным средством развития личности:

Л.А.: ...А здесь же это все твое, ты же ездешь постоянно все это, да? И иногда хочется свои силы попробовать: а вот у тебя получится, там, вот это сделать? И мне кажется, для мужчины это очень интересно: рубанок подержать в руке и пилу - ну такие, мужские... Вот я, например, очень любила всегда еей это, смотреть на мужа, когда он занимается этими делами. Я получала просто эстетическое удовольствие от того, что у меня вот такой мужчина рядом со мной живет, который все умеет. И я когда смотрела: вот он дрова там колет, лес валит, там, делает, строгают, и **дом** сложил! Смотришь - человека просто уважать начинаешь, что он не только лишь умный, там, все, но и рукастый. Вообще, когда человек умеет все делать - это, конечно.....Ну интересно....

А.М.: Заставляет его уважать.

Л.А.: Да. И проверить... Почему женщины вяжут, шьют, там, или что-то? - Это же приятно сделать для себя. И здесь то же самое: так интересно посадить, там, цветы какие-то. Ну, это мне даже удовольствие доставляет (4_ЛА_АМ).

Перед этим Л.А. вспоминает, как до появления своего участка неохотно ездила на дачу к родственникам, и делает вывод, что «интересно» заниматься только своим участком, добавляя к дискурсу творчества ревность хозяина. В приведенной цитате моя собеседница говорит не только о себе, но и, с позиции наблюдателя, о муже. Можно видеть, как позднесоциалистический дискурс о труде сочетается с воспроизводством традиционного гендерного порядка и работает для объяснения не только садоводческих занятий, но и отношений в семье. Л.А. ценит и уважает умение само по себе, без практической надобности, и в себе, и в своем партнере, но вместе с тем она дает разным умениям четкую гендерную привязку.

А. Голубев и А. Смоляк, анализируя послевоенные советские женские и технические журналы, рассматривают дискурсы и практики любительства и «сделай сам» в позднесоветском обществе как полигон для субъективации – создания нового, творческого, субъекта. Они находят там четкое гендерное разделение возможных занятий и пространств их реализации, аналогичное проведенному выше Л.А.: мужчинам – техника, женщинам – шитье. Уход практик создания себя в индивидуальное бытовое творчество авторы интерпретируют как децентрализацию политики индивидуализации, характерную для позднесоветской эпохи (Golubev, Smolyak, 2013). Частью этого движения децентрализации, приватизации саморазвития и самосоздания советского человека послевоенной эпохи оказалось и любительское садоводство горожан – очевидно, спонтанно, помимо намерений государства. Неслучайно позднесоциалистический дискурс о труде по отношению к садоводству горожан встречается только в изданиях, наиболее близких к повседневности обычного человека: специализированных пособиях и периодике, заметках в местной газете за авторством самих садоводов и их соседей. Похоже, что советское государство так и не взяло этот дискурс на вооружение для объяснения «сущности коллективного садоводства». Зато садоводы и в российском обществе середины 2000-х гг. активно используют риторику любительства, чтобы описать и интерпретировать свой опыт садоводства и строительства на участке с 1980-х гг. и до наших дней.

3.4. Хозяйство на шести сотках

3.4.1. Садовый участок как ЛПХ, садовод как хозяин на земле

С одной стороны, от садового участка рукой подать до «буржуазной» дачи, с другой стороны, индивидуальный участок опасно приближался к крестьянскому личному хозяйству.

Из-за этой близости и неопределенности границ на садовые участки переносились подозрения в том, что они способствуют развитию «частнособственнических инстинктов»⁵⁰ (Ловелл, 2008, 213). Но, как уже говорилось, начавшаяся в 1970-е гг. реабилитация ЛПХ (личных подсобных хозяйств) и индивидуального земледелия (но не дач) затронула и садовые участки горожан и привела к массовой раздаче земли и «садоводческому буму» 1980-х. Разработка участка, выращивание овощных и плодовых культур изначально были обязательным условием его получения, если оно не соблюдалось, участок могли отнять. Так государственная аграрная политика поддержала ещё один источник осмысления садового участка — крестьянское хозяйство.

В 1980-е был опубликован ряд литературных произведений, посвященных дачникам-садоводам. Среди них: повести «Второй дом» А. Черноусова (Черноусов, 1984) и «Срочно продается дача» О. Павловского (Павловский, 1989), рассказ «Кондратова дача» В. Зикунова (Зикунов, 1990). Эти авторы не входили в круг писателей-«деревенщиков»⁵¹, но у них применительно к теме садовых участков звучат близкие мотивы, и прежде всего, это мотив возвращения к земле и пробуждения чувства хозяина. Трактую участок и дачу в целом как загородное хозяйство горожанина, они показывают, как городской житель находит душевный покой и свое призвание в строительстве дома на садовом участке (или, у А. Черноусова, в деревне), выращивании сада и огорода, в контакте с природой. Измученный городской суетой инженер (Горчаков в повести А. Черноусова), рабочий на грани алкоголизма (Кондрат в рассказе Зикунова), чета пенсионеров, коротающая дни перед телевизором (Калугины в повести Павловского) – все в процессе освоения участка превращаются в увлеченных деятельных хозяев, реализуя идеал перестроечной эпохи. Устами персонажей-резонеров авторы поднимают проблемы, насущные для советских садоводов, формулируя их в характерной государственнической логике: садоводы выполняют первостепенные государственные задачи, собственными усилиями выращивая фрукты и овощи и укрепляя свое здоровье, но государство не поддерживает их в этом. Излишки урожая, которые можно было бы распределить по детским учреждениям и в сети розничной торговли, гниют в земле. Из-за дефицита строительных материалов построить даже самый скромный садовый домик невозможно, не нарушив закон,

---

⁵⁰ Один мой информант из Обнинска вспоминал, как в конце 1970-х гг. пришел к первому секретарю горкома партии просить содействия в получении земли под садовое товарищество. 1-й секретарь И.В. Новиков, известный своей неколебимой верностью партийным принципам, согласился помочь, но при этом добавил: «Но что касается меня, то я бы лично, эту землю не давал бы, а отобрал бы. Почему? – говорит. - Потому что... эта земля развивает частнособственнические интересы» (Интервью с В.К. Сазоновым. Записано 29.05.2013 А.К. Касаткиной. Архив Обнинского проекта).

⁵¹ Ср. исследование А.И. Разуваловой о писателях-«деревенщиках» (Разувалова, 2015).

так что честные граждане, работающие на благо страны, мучаются совестью и страхом наказания из-за добытых на стороне бревен и бракованных кирпичей.

В 1980-е, в эпоху «Продовольственной программы», утилитарная сельскохозяйственная ориентация городского садоводства закреплялась законодательно и в управленческой практике на местах. Уже упоминавшееся новое ужесточение контроля целевого использования садовых участков в первой половине 1980-х гг. коснулось не только соблюдения «социалистической законности» при строительстве домиков, но и регламентации посадок. Так, в Обнинске, где партийная организация в этот период особенно ревностно следила за выполнением политики партии и правительства, в 1981 г. пленум горкома КПСС принял постановление о том, чтобы не менее 40% садового или огородного участка занимал картофель и другие овощные культуры (Резервы и возможности города..., 1981). Мои петербургские информанты помнят, что в 1980-е в профкоме выдавали схему «рекомендуемого» освоения участка, где было расписано, что где строить и сажать (1_МГ; 20_ИА). Но продлилось все это недолго, и уже в 1987 г. в русле политики ослабления государственного контроля индивидуальных инициатив все ограничения на обустройство садовых участков были отменены. Основание для этого формулировалось в тех же самых утилитарных сельскохозяйственных категориях: ограничения препятствуют «увеличению производства сельскохозяйственной продукции» (Постановление № 1079). Садоводы получили свободу хозяйствовать по своему усмотрению.

В дискурсе перестроечной публицистики возможность вести индивидуальное сельское хозяйство приравнивалась к становлению определенного типа субъекта – ответственного трудолюбивого хозяина, в наиболее радикальном варианте – независимого фермера (Кирчик, 2006). На начало 1990-х приходится короткий всплеск мотивов автономного хозяйствования в литературе для садоводов. Пособие по садоводству и огородничеству, адресованное владельцам частных домов и садовых участков, выходит в 1991 г. большим даже по советским меркам тиражом 400 тыс. экземпляров и публикует разъяснения правовых аспектов частной собственности, фермерства и предпринимательства, а предисловие к нему носит характерное название «На правах хозяина» (Приусадебное хозяйство..., 1991). В том же 1991 г. московские садоводы-энтузиасты издают сборник правовых актов о садоводстве и огородничестве (Коллективное садоводство и огородничество..., 1991). Эта книга ориентирована только на садоводов и огородников, на повышение их юридической грамотности в условиях, когда СТ стали самостоятельными кооперативами. Предисловие исполнено эйфории обретенной самостоятельности, автор всерьез намерен наилучшим образом организовать новую, независимую жизнь садоводческих кооперативов. В более поздних изданиях о садоводстве эти мотивы исчезают, не было их и раньше.

В недолговечном идеологическом проекте перестройки ЛПХ и садовые участки заняли общую нишу лаборатории для становления нового человека будущего – деятельного ответственного работника и хозяина на своей земле. Позднее трактовка садового участка как крестьянского хозяйства реализуется средствами исключительно почвеннического, традиционалистского дискурса, в частности, в некоторых пособиях для садоводов, полных народных примет, поговорок, церковных праздников, обращений к «милым хозяйшкам» и проч. (Справочная книга садовода и огородника..., 1997; Пономарев, 2001; Исаева, 2005). Впрочем, в моих интервью намек на почвенничество встречается лишь у двух информантов, Ю.А. и А.С. Оба объясняют свое желание взять участок, отсылая к предкам-земледельцам: «А может быть, возраст подошел такой, когда *к земле* опять потянуло, потому что мой дед землю пахал» (2_ЮА). Такая редкость с большой вероятностью обусловлена моими личными характеристиками: в беседе соотечественников отсылки к истории и культуре страны минимальны, все это – общий культурный фон, одно большое умолчание. М. Колдуэлл, американка, значительно чаще пробуждала у своих собеседников желание размышлять о связях между дачей и российской историей в целом и своими крестьянскими корнями в частности (Caldwell, 2011, 14).

3.4.2. Дискурс автономии

Ю.А. в нашем разговоре последовательно позиционирует себя как безраздельного и всемогущего хозяина своего участка:

А.К.: Ну а что вам больше всего нравится у вас на даче?

Ю.А.: .... То, что я её сам сделал, *(значительным тоном)*

А.К.: Угу.

Ю.А.: по образу и подобию, по вкусу... *своему (смешок)*. Вот (2_ЮА).

Сам участок он представляет как отражение своей личности и желаний, полностью подконтрольное ему:

А.К.: Хотелось бы что-то изменить на даче?

Ю.А.: ..... Ну если бы хотелось, изменил бы!

А.К.: Аа!

Ю.А.: Моя дача! захотел бы – *изменил!* *(с усмешкой)*

А.К.: Нет ничего невозможного, да? *(с легким смешком)*

Ю.А.: Нет ничего невозможного!

А.К.: Отлично. Угу. А как бы выглядела дача вашей мечты?

Ю.А.: Да так – ну вот она и выглядит! (2_ЮА)

Большая пауза может сигнализировать о наличии выбора: Ю.А. понадобилось время, чтобы решить, как именно сформулировать ответ на вопрос, дающий возможности критики актуального состояния участка. Вероятно, были и другие варианты ответа. И все же в итоге он решил продолжать линию дискурсивного конструирования полного контроля над своими сотками.

А.В., как уже говорилось, описывает свой строительный труд на участке, используя гибридный дискурс о творческом труде и «сделай сам». Однако именно эти увлеченные, красочные и эмоциональные описания труда, главным образом, и работают для конструирования личной связи с дачей в его рассказе. Другими словами, А.В. дискурсивно создает себя в качестве единоличного хозяина участка именно через описание строительства домика. Ещё один дискурсивный инструмент, которым он пользуется для решения этой же задачи, – это способ введения в рассказ членов семьи, т.е. потенциальных со-хозяев. Так, если жена с дочками на участке только отдыхают, они пассивные потребители, то мама, которая тоже стремится хозяйствовать, – конкурент и с ее появлением А.В. покидает дачу. Хозяин может быть только один.

Т.А. не хотела снимать дачу для детей на лето, потому что ей нужно было чувствовать себя хозяйкой на своей земле:

...В общем, я не люблю *чужого*. Мне всегда все надо свое, поэт[ому]... – вот, ещё это. То есть ну, такие какие-то... то, что вот кто-то говорит: «Мне участок нужен для того, чтобы выращивать, там, заготавливать...» - этого у меня никогда не стояло. Мне нужен был кусок земли, на котором я могла бы себя чувствовать **хозяйкой** (3_ТА).

Свое – это очень важная категория для садовых участков. «Свое» – выращенные на участке овощи и фрукты – считаются особенно вкусными и полезными, настолько, что иногда ягоды со своих грядок даже не считают нужным мыть (от «своей» земли) (Caldwell, 2011, 88; ПД). Купить овощи в магазине или на рынке в конечном счете оказывается дешевле, но «свои» овощи и фрукты бесконечно более ценны (точнее, бесценны) и необходимы именно в силу этого качества (Zavisca, 2003, 801). Достоинства своего урожая – тема для *дачной лирики* – жанра повседневных дачных разговоров, высказываний, воспевающих жизнь на садовом

участке, как в этом примере из моей беседы за новогодним столом с Л.А., ее дочерью А.М. и ее подругой Л.:

А.М.:...Все-таки решили сажать [картошку], несмотря ни на что, потому что, во-первых, чтобы земля не пропала, да, а во-вторых, потому что свою картошку с тем, что в магазине, просто не сравнить.

Л.А.: Да, по вкусу. Да. Очень вкусная картошка.

А.М.: Она просто вкусная и гарантировано, что там будет только то, что мы туда насыпали. (*смеется*) Мы знаем, что мы туда понасыпали и положили.

Л.А.: Ну, ну, просто да...

А.К.: И как, много собрали?

Л.А.: Да!

А.М.: Ещё... полтора мешка ещё.

А.К.: Вот мы ели, это?..

Л.А.: Да!

А.М.: Она была!

А.К.: О! Отлично.

Л.: Не заметно? По-моему, заметно.

А.К.: Да я привыкла к своей картошке.

(*смеются*)

Л.: Не, ну, покупная ж сразу чувствуется.

А.М.: Просто чувствуется, что мы все здесь, кто собрались, давно магазинной не едим (4_ЛА_АМ).

Итак, «свое» – это то, что произведено полностью под личным контролем хозяина. Эта категория принадлежит дискурсу независимости, автономии. Нэнси Рис отмечает частотность мотива автономии, необходимости рассчитывать только на себя, в разговорах, которые она слышала в перестроечной Москве, и указывает на центральную позицию дачи в этом дискурсе. Меткое определение, которое Рис дает перестроечной даче: «штаб-квартира семейного самообеспечения и место обязательного ежегодного очищения тела, души и ума от городского влияния» – высвечивает сочетание двух объяснительных моделей, равно актуальных в перестройку, автономии и гигиенистской (Рис, 2005, 236). Дискурс об автономии на своей земле актуализировался в перестроечные 1980-е и сосуществовал в прессе и разговорах с мечтой об ответственном хозяине, а в 1990-е полностью ее вытеснил. Теперь речь идет не о

воспитании нового спасителя страны, а о способах выживания граждан в условиях краха государства. Обладатели шести соток более независимы и имеют больше шансов выжить за счет своего урожая.

В 1990-е гг. информанты И. Чеховских, жители Петербурга и Новой Ладogi, доказывали ей, что выращивать овощи и картошку на участке необходимо для выживания, даже после того, как вместе с исследовательницей провели расчеты, которые продемонстрировали экономическую убыточность труда на участке (Чеховских, 2000, 75). Чеховских, впрочем, отмечает, что такое отношение к дачному труду характерно только для ее собеседников старшего поколения (1920-х – 1950-х гг. рождения), в то время как их дети, с детства вынужденные работать на участке, выражали отвращение к дачным работам (Там же, 74). Этот же автор свидетельствует об обстановке во время экономического кризиса августа 1998 г.: «Во время паники самыми спокойными оставались дачники, у которых была “своя” картошка, и вообще, была дача. В магазинных очередях можно было услышать: “На дачу, что ли, уехать и там пересидеть?”» (Там же, 106). М. Колдуэлл отмечает, что в газетах 1990-х гг. часто писали, как люди снова возвращаются к земледелию на даче, чтобы пережить очередной кризис (Caldwell, 2011, 49). Характерно название газетной заметки послекризисного 1999 г.: «Если бизнес неудачен, пусть тебя прокормит дача» (Аракелян, Колядина, Филиппова, 1999). В начале 2000-х один дачник в Калуге представил американскому социологу Дж. Зависка свой участок как способ выжить независимо от непредсказуемых движений политики государства (Zavisca, 2003, 803).

Если в 1990-е гг. для многих семей садовый участок действительно был единственным стабильным источником пропитания, то когда я брала свои интервью в середине 2000-х, ситуация, по крайней мере, в Петербурге, уже изменилась, мои информанты говорят о «сокращении посевов» (2_ЮА). В начале 2000-х, Мелисса Колдуэлл уже наблюдает, как тема выживания за счет дачи постепенно уходит из разговоров ее информантов-садоводов и более важной становится экологическая чистота пищи, ее польза для здоровья (Caldwell, 2011, 74-100). Эта тема была актуальна и ранее: можно вспомнить бесконечные разговоры о нитратах в овощах и фруктах в конце 1980-х (информанты Н. Гальц говорят о нитратах и в 1990-е (Galtz, 2000, 318)) и, конечно, постчернобыльский страх радиоактивности. Вот и в приведенной выше цитате А.М. говорит о независимости от другой «большой» системы – глобального рынка продуктов питания. Калужские информанты Дж. Зависка в начале 2000-х гг. тоже подчеркивают экологическую чистоту «своих» ягод и овощей, которые точно не обрабатывались пестицидами и не привезены из чернобыльской зоны (Zavisca, 2003, 800). Современная пищевая индустрия и цепочки поставок настолько сложны, что рядовой человек

чувствует невозможность контролировать качество того, что он ест (пример «культуры недоверия» к пище в современной православной среде см. в работе: (Кормина, 2015)). Собственный урожай возвращает уверенность и чувство полного контроля потребления и тела.

3.4.3. Крестьянский дискурс

Как бы мои собеседники ни убеждали меня, что взялись за сад и огород только потому, что им интересно или они хотят есть «свои» экологически чистые овощи, в наших разговорах в том или ином виде всплывает и совсем другой императив: участок необходимо «содержать в порядке», т.е. возделывать землю, выращивать урожай, косить траву и т.д. Некоторые высказывания связывают образ единоличного хозяина на земле с вложенным в землю трудом. Такая связка характерна для распространенного представления о крестьянстве – земледельческом обществе с домашним способом производства и общей собственностью на землю, где каждое хозяйство получает столько земли, сколько может обработать. Независимо от того, насколько это соответствует действительности, и существовали ли когда-либо крестьяне, которые жили и мыслили именно таким образом⁵², наличие такой идеи о крестьянстве, пусть и мифологизированной, позволяет назвать созвучный ей дискурс *крестьянским*. При этом важно понимать, что когда мои собеседники производят соответствующие высказывания, они вовсе не ассоциируют себя с крестьянами.

Мои самые пожилые информанты Р.Ф. (1932 г.р.) и М.Г. (1930 г.р.) с горечью замечают, что из-за возраста больше не могут работать на участке. Оба отвергают предложенные мной слова для описания их дачных занятий и осуждают свою вынужденную праздность:

А.К.: [Я буду задавать вам вопросы] об истории садоводства

М.Г.: Таак!

А.К.: ...и конкретно об истории вашего участка, истории его использования вами.

М.Г.: Оо-оо, использование! *(с иронией)*

А.К.: И вашей семьей. Ну, да, поскольку...

М.Г.: Ну когда это... когда все было нормально, тогда было использование, а теперь я два года ничего не сажаю *(вздыхает)* (1_МГ).

А.К.: ....вы хозяйствуете как-то?

Р.Ф.: Нет, я только пользуюсь,

⁵² О мифологизации крестьянства в XIX и XX вв. см.: (Post-Socialist Peasant? 2002).

А.К.: #И не как-то, а ещё как!#

Р.Ф.: #а не хозяйствую.# Я не хозяйствовать, я только пользуюсь (*с горечью*).

А.К.: Ну а хозяйствовать – это как, по-вашему? то есть сажать надо, что ли, все?

Р.Ф.: Ну, убирать, все делать – что ты! я же уже не могу! уже восьмой десяток на закате, чего ты хочешь-то?..

А.К.: Угу.

Р.Ф.: Спина у меня уже – я не могу копать, ничего... (6_РФ).

М.Г. уверен, что «правильно» использовать участок – значит что-то на нем выращивать. Р.Ф. обращается к потребительским коннотациям слова «использовать», представляя себя как «пользователя» (т.е. потребителя) участка в противоположность былой позиции хозяйки. Однако и для нее «хозяйствовать» на участке – значит, в том числе, и копать, т.е. возделывать землю.

Л.А. (1953 г.р.) чаще оперирует категориями труда как творчества и в этом высказывании о первых годах на участке в конце 1980-х гг. пытается объяснить свое ощущение императива труда с их помощью, включая специфическое позднесоветское (и тоже очень активно употребляемое садоводами позднесоветского призыва) словечко «энтузиазм»:

Л.А.: ...В общем, было очень тяжело. Но был какой-то энтузиазм. И это такая работа, – вот натаскаешь-польешь – такое удовлетворение, будто выполнил долг какой-то непонятно перед кем, но... По крайней мере, было приятно (4_ЛА_АМ).

Вечная погруженность садоводов в сельскохозяйственный труд стала предметом анекдота, который был экранизирован в выпуске юмористической передачи «Городок» под названием «Городка нашего пригородок» (И. Олейников, Ю. Стоянов, 1995). Соседи по садоводству встречаются на платформе в ожидании электрички, но один узнает другого, только когда тот наклоняется к нему задом, принимая характерную «позу садовода»⁵³. Неслучайно именно в такой позе изображены герои памятника дачникам, открытого в г. Бердянске (Украина) в 2005 г. (см. Рисунок 2). Надпись на клочке бумаги, который тащит гигантский колорадский жук (главный враг садоводов юга России и Украины), гласит: «Бердянцы!

⁵³ Н. Гальц видит в этом анекдоте отражение специфической садоводческой социальности: дружеские круги здесь необязательно совпадают с границами соседства, и соседи могут вовсе не общаться друг с другом и, соответственно, не помнить друг друга в лицо (Galtz, 2000, 336). Такая интерпретация видится мне сомнительной, по крайней мере, для конкретного исполнения этого анекдота в передаче Олейникова и Стоянова: соседи все же знали друг друга по именам, но не узнавали в лицо, поскольку садовод на участке, трудясь, не поднимает лица от земли.

Прокормим себя сами!» – и отсылает уже к дискурсу автономии, равно актуальному и для России, и для Украины.

(Рисунок 2. Памятник дачникам в Бердянске. Скульптор Н. Мироненко. Фотография с Интернет-портала «Отдых.pro» (<https://www.otdih.pro/ru/pages/8538-pamyatnik-dachnikam-berdyansk/>)).

Труд формирует личную связь хозяина и участка. Другими словами, в перспективе крестьянского дискурса хозяином становится тот, кто вкладывает свой труд. Поэтому Т.А. стремилась справиться со всеми задачами на участке силами своей маленькой семьи и отказывалась от помощи, которую предлагал бывший муж:

Все мне говорили: «Да пусть это, пусть он тебе поможет! Он готов» (*пародийным тоном, растягивая слова*). Я говорю: «Я знаю, что он готов, но я не хочу. Я не хочу этого. Я хочу, чтобы **это было все мое**» (З_ТА).

Неудивительно, что, когда я спрашиваю своих собеседников, не хотят ли они участок в другом месте, они говорят, прежде всего, о вложенном труде, который связывает их именно с этим участком. Т.А. говорит о том же, связывая труд и субъективность:

Т.А.: Я уже столько вложила **себя** в это свое болото, что... Нет, я свой участок люблю и мне уже другого не надо. Я бы не хотела это менять. Меня устраивает. Мне всё... **Мне все нравится** (З_ТА).

И позднеосоциалистический дискурс о труде, и крестьянский дискурс можно назвать «трудовыми» дискурсами, поскольку оба ценят физический труд на участке. Первый – потому что труд, осмысленный как творчество, приносит удовлетворение и создает, развивает личность, второй – потому что труд создает хозяина и связь с землей. Наоми Гальц обратила внимание, что в СТ вокруг садоводческих занятий складывается сообщество, которое задает нормы времяпровождения и меритократические иерархии. Труд на участке, возделывание сада и огорода там считается нормой, а отказ от посадок и праздный отдых – напротив, отклонением, которое нуждается в объяснении (Galtz, 2000, 319, 337; Galtz, 2004, 184). Оба дискурса связаны со специфическими видами садоводческой социальности, в которых разворачивается функционирование этого сообщества. Выше уже описывался жанр экскурсии по участку, близкий практикам дискурса о творческом труде. Ближе к крестьянскому дискурсу можно локализовать жанр садовых разговоров между соседями, где обсуждаются трудовые успехи одних и осуждается лень других, и таким образом рождаются и поддерживаются иерархии, основанные на садово-огородных заслугах. Нерадивых садоводов в таких разговорах могут называть «дачниками», говорить, что они приезжают на свои участки, «как на дачу». Таким образом сами садоводы в повседневном общении поддерживают границы «трудового» сада и «праздной» дачи, на которых настаивали советские чиновники (см. Глава 2).

3.5. Переосмысление дискурсов о садовом участке

3.5.1. Новый смысл слова «хозяин»

В постсоветской России специфически советский дискурс о труде-творчестве и архаичный крестьянский дискурс подвергаются переосмыслению. Так, дети моих информантов не только не пользуются ресурсами дискурсов, ценящих труд, но и открыто противостоят им. У меня была возможность наблюдать полемику между поколениями по поводу труда на садовом участке в разговоре с Л.А. (1953 г.р.) и ее дочерью А.М. (1977 г.р.):

Л.А.: Ну, все равно: там делаешь - там же удовольствие получаешь от этого. Знаешь,
#что зарастет все это,#

А.М.: #Ну, не знаю,#

Л.А.: да

А.М.: не знаю, #насчет удовольствия#

Л.А.: #Но когда смотришь#

А.М.: у меня сомнения (*смеется*).

Л.А.: и за... и заросши грядки... Ты прополол все клумбы, и всё – ой, это так приятно! глаза радуются, когда красиво (4_ЛА_АМ).

Л.А. связывает труд на грядках и эстетическое удовольствие от его результата – пресловутого порядка. А.М. не готова согласиться, что изнурительная монотонная работа может приносить удовольствие, и тем самым подвергает сомнению авторитет дискурса, к которому обращается ее мать. Поколенческий разрыв в отношении к дачному труду обыгрывается и в комедийном телесериале «33 квадратных метра» (О.С.П.-студия) конца 1990-х гг.: готовность тещи к «трудовым подвигам» на участке противопоставляется пассивности и неумелости зятя, который приезжает на дачу отдохнуть.

Но сопротивление императивам труда на садовом участке характерно не только для молодого поколения. Интересно, что те, кто пользуется ресурсами «трудовых» дискурсов в одних ситуациях разговора, сопротивляются им в других. Так, А.В. позиционирует себя как увлеченного строителя, а свои огородные занятия относит исключительно к периоду экономических трудностей конца 1980-х - начала 1990-х. Однако его первое признание в безразличии к земле (в цитате подчеркнуто) тонет в хезитациях и дискурсивных маркерах, которые могут оформлять действие императива труда на земле:

А.В.: А потом в какое-то время то, значит, вот, еей... дочки уже немного подросли, ееей мама вошла моя во вкус, и я как-то охладел к этому. Дом построен, земля как-то меня не очень... так сказать, привлекала. Мне... Я, в общем, так... Первые годы было все разработано, да? Но это действительно тогда было тяжеловато с продуктами, поэтому, в общем-то, с участка мы тут много заготовок делали:

А.К.: Угу.

А.В.: и огурцы, и помидоры, и кабачки, там... Ну, всякое такое. Ну и ягоды опять же – всё тоже. Вот. А потом как-то уже жизнь немножко наладилась, и я, в общем-то, землю забросил начисто (5_АВ).

Т.А. более явно сопротивляется императиву труда из крестьянского дискурса. Она вкладывает логические конструкции, напоминающие о крестьянском хозяйствовании, в уста то приятельницы, то сына, только чтобы вступить с ними в полемику внутри собственного высказывания:

Т.А.: Ну то есть я не привязана к участку. Когда я хотела этот участок поиметь, мне одна приятельница говорила: «Ты с ума сошла! Ты не представляешь! Ты любишь ездить куда-то... Это всё. Это всё, участок тебе прекратит все твои поездки». Нет. Он мне мои поездки не прекратил. Если у меня... урожай **не** вырастает – я не переживаю из-за этого.

А.К.: Угу.

Т.А.: Ну и... Вот сын у меня её ругается, что: «Вот, сколько ты сил тратишь на эту рассаду, сколько денег, а у тебя все равно ничего не растёт...» (*пародийным тоном*) Я говорю: «Ну и наплевать».

А.К.: (*тихий смешок*)

Т.А.: Меня *это не волнует* особенно. Нужно было уехать в Америку на месяц – мы уехали (3_ТА).

Т.А. настаивает, что держит ситуацию под контролем, и никакие внешние императивы ей не указ. Похожую тактику использует Ю.А., когда на мой вопрос о том, всегда ли ему удавалось содержать участок так, как ему хотелось бы, уверенно, со смехом, отвечает: «Всегда. Всегда! Поскольку это зависит от меня, то это всегда удается» (2_ЮА). Таким образом мой собеседник отказывается признавать право каких-либо внешних инстанций решать, как именно нужно содержать садовый участок.

Сопrotивляясь императиву труда на садовом участке, мои информанты переосмысляют крестьянское понятие хозяина в духе дискурса автономии и создают гибридный дискурс, в котором хозяин – это не тот, кто трудится, а тот, кто сам решает, как распределять свои усилия. Смешение дискурсов, появление гибридов считается в КДА сигналом начинающихся социальных изменений (Jorgensen, Philips, 2002, 17). Можно, таким образом, говорить об идущих изменениях в осмыслении труда на садовом участке среди старшего поколения садоводов.

3.5.2. Ретроспективная переоценка

О переосмыслении ценностей, связанных с садовым участком, в современном российском обществе, говорят и другие гибридные образования, где прежние дискурсы подвергаются модификации за счет введения новых субъектных позиций и смысловых модификаторов при ретроспективной оценке прошлого.

Подчеркивая отличие садовых участков, которые выдавались в рамках «Продовольственной программы», от тех, что распределялись ранее, А.В. рисует образ «дач для бедных», для которых выделялись неудобно расположенные, удаленные земли, малопригодные как для отдыха, так и для земледелия:

А.В.: ...вы представляете здесь, где вот в 85-м году появились садоводства, да? В Ленинградской области. Представляете?

А.К.: Ну вот у нас у самих с 82-го садоводство, *(смеется)* так что...

А.В.: Вот 82-й - это ещё не то!

А.К.: Ещё не то, да?

А.В.: Это... это... это не те садоводства. А вот была как раз вот эта... эта горбачевская продовольственная программа, да?

А.К.: Угу.

А.В.: Вот. Это **85-й** год. Они появились на радиусе ста километров. Это... т... то, что до этого были садоводства – это были действительно **дачно**-садоводческие участки, а у нас было – это огородническое садоводчество, да? как бы. Это вот действительно под то, чтобы у людей появилась возможность вырастить себе какие-то, там, я не знаю, огурцы, помидоры, да? А вот как бы до этого были – это вот действительно больше как бы, вот, **дачки**, да? Это просто для отдыха. И это выдавалось, это вот как бы... ну... избранным предприятиям, да?

А.К.: Угу.

А.В.: избранным людям, да? Каким-то, ну вот, как-то вот... в виде, может, какого-то поощрения. А вот **массово, для всех**, да? – это было только в 85-м году.

А.К.: Угу.

А.В.: И **дали самые неудобные места**: это болотистые, заболоченные, удаленные... Это 100 километров. Это, вот, по... по всем железным дорогам, да? Это на Волхов (это Пупышево),

А.К.: Угу.

А.В.: по Московской железной дороге - это Трубниково, Бабино, *(стучит в такт перечислению)* всякие там Радофинниково, да?

Далее А.В. рассказывает историю своей знакомой, которая получила участок в Радофинниково, куда нужно было добираться с пересадкой, на электричке, а потом на паровике. И продолжает свою мысль:

А.В.: То есть комариные эти места, болотистые, да? Вот это вот выделено было, – так сказать, родная партия и правительство, да?

А.К.: *(смешок)*

А.В.: нам вот такое, так сказать, с барского плеча. А вот то, что было до 85-го года – это более или менее хорошие места. Это там, вот... eeh ну, там много их тоже, садоводств было, да? Это и в Токсово было, и есть, и, там, на Карельском перешейке, там, да.

А.К.: Ну, там совсем другие места, конечно (5_АВ).

Для дискурса, которым здесь пользуется А.В., характерно позиционирование садоводов как жертв несправедливой политики государства, которое «с барского плеча» предоставило людям, не имевшим доступа к привилегиям, худшие земли, требовавшие огромных трудовых вложений. Также специфично особое аффективное сопровождение – негодование, возмущение, обида, – которое здесь, в частности, выражается при помощи иронии с характерным дискурсивным маркером: «так сказать, родная партия и правительство».

Этот дискурс помогает Т.А. указать на ряд противоречий в государственной политике относительно садовых участков. В современной России садоводства облагаются налогами по тарифам для земель сельскохозяйственного назначения. Между тем садовые участки стали пригодны для сельского хозяйства только благодаря огромным усилиям самих садоводов:

Т.А.: И вот они [местное отделение налоговой службы] просят нас, чтобы мы помогли им с вот этими

А.К.: Угу.

Т.А.: данными обновленными [актуальными данными по налогоплательщикам-садоводам]. Но нам это тоже не нужно, потому что нам никто не помогает, и мы, обозленные, думаем: идите-ка все по камням!

А.К.: Угу.

Т.А.: Раз нам никто не помогает, а вот взвинтили так налоги, что за болото мы платим как за земли сельхозназначения! А там... чтобы их сделать сельхоз –

А.К.: *(тихий смешок)*

Т.А.: вот я 15 лет там это все в них втюхиваю, и толку-то... Только вот та грядочка, которую я насыпала, – она ещё что-то может родить, а все остальное... Кислые почвы, на которых **ничего никогда** не могло расти! (3_ТА)

Когда в ответ я рассказала о советском запрете выделять под садовые участки земли, пригодные для сельского хозяйства, эта информация только укрепила подозрения моей собеседницы о злонамеренности государственной политики, вплоть до конспирологической версии, которую она, правда, осмотрительно делегирует другому, неназванному, человеку:

Т.А.: Ну, вообще вот еh... тут в это... однажды в Доме садоводов нам показывали кино (*очень медленно*). И... я не помню, кто выступал, и он сказал, что раньше вот эти... вот это мероприятие, садовод- – еh... надел земли был сделан для того, чтобы отвлечь народ городской от... – ну, от каких-то **проблем**.

А.К.: Мм.

Т.А.: Что вот уехал туда за город – там в это... увозился в этой земле, приехал – уже ни до чего тебе! Чтобы вот не было в городе, вот, недовольства, там, выступлений каких-то. Вот (3_ТА).

Мнение, что массовое дачное движение отвлекает горожан от участия в общественной жизни и экономике, и тем самым тормозит экономическое и политическое развитие всей страны, встречается в исследовательской литературе (Rose, Tikhomirov, 1993; Burawoy, 2000) и в публицистике (Лимонов хочет разбить диван Обломова, 1996 (цит. по: Ловелл, 2008, 268); Дачная мерзость, 2002; Родоман, 2002) и похоже на эхо еще дореволюционной критики дачников («социалистический» дискурс выше). Но Т.А. волнует не роковая роль садовых участков в истории страны, а прежде всего, печальные последствия, которые политика отвлечения горожан от общественных проблем работой на бесплодных землях имела для самих садоводов, и в частности, для ее коллег-инженеров из оборонного КБ:

Т.А.: ...Ну и тут: «Чтобы, – говорит, – чтобы не было волнений в городе, чтобы народ был чем-то занят, давали вот эти участки», которые непригодны ни подо что, и пока ты там... ой... (*вздыхает*) облагораживаешь, уже состаришься. У нас очень много народу, вот, получивших, умерли. А кто-то даже, вот, именно надорвался. Особенно мужчины,
А.К.: Угу.

Т.А.: которые не при-... еeh ну, не приспособлены были к такому, таким физическим нагрузкам, а начали **строить дома, таскать бревна**, таскать, эти – блоки бетонные...

А.К.: Угу.

Т.А.: Чего никогда в жизни не делали, сидя за кульманом с карандашиком. И еeh... несколько человек у нас... именно, вот – инсульт с это... поймали и умерли прямо там,

практически в садоводстве (З_ТА).

Т.А. позиционирует своих коллег и соседей по СТ как невинных жертв, которые клюнули на приманку государства и погибли, преодолевая искусственно созданные для них трудности. В этой разновидности дискурсивного гибрида ценности перечисленных выше дискурсов, наделяющих садоводческую деятельность смыслом, помещаются в конспирологическую рамку, которая эти ценности нейтрализует.

Из такой конспирологической перспективы указанная выше омонимия слова «дача», которое может означать и элитный дом для загородного отдыха, и сарайчик на шести сотках, дает ещё один повод для горькой иронии: садовый участок, «дача» для бедных, вместо праздного отдыха требует от своего хозяина огромного, подчас непосильного труда. В нашем разговоре с А.В разрыв между культурными ожиданиями, связанными с понятием «дача», и реальностью составил сюжет для рассказа.

Приступая к строительству своего садового домика в середине 1980-х гг., А.В. в отсутствие другой внятной культурной модели и собственного дачного опыта выбрал в качестве ориентира романтический образ дачи из фильмов и книг и сделал крышу ломаной формы, чтобы на втором этаже было больше пространства для размещения гостей. Но реализация элитной дачной традиции на садовом участке оказалась проблематична, гибрид дачи и садового участка – нежизнеспособен:

А.В.: ...я уже пожалел, но – *очень хотелось*, да, площади побольше. Думаю: вот, гости будут приезжать...

А.К.: (*усмешка*)

А.В.: Ну это... проекты же, они – ну, нереальные были, да? то есть... как-то думал- Это вот смешение, да? это вот: садоводство – и *дача*, да? Ты строишь дачу, но место-то – садоводство, да? (*весело*)

А.К.: А в чем [разница]?..

А.В.: А разница очень большая: на дачу люди приезжают отдыхать. Естественно, место выбирается – *дачное*, да? чтобы было, где отдохнуть, да? Чтобы и... eeeh... места было побольше, там, ну, предположим, там, 24 сотки. И чтобы кусочек леса остался на участке, да? А здесь всего шесть соток, и это (нрзб.), и это нам давали только для выполнения Продовольственной программы, да?

А.К.: Угу.

А.В.: Вот. Потом дачные места - что такое? Это речка. Лес хороший. Озера, да? Чтобы

можно было погулять, за ягодами, грибами сходить. А здесь *сырой* лес (5_АВ).

В результате гости не стремились ехать к А.В. на участок, и просторные комнаты под ломаной крышей дома оказались не востребованы. Любопытно, однако, что А.В. избирательно подошел к дачной традиции и взял оттуда ломаную крышу для расширения жилого пространства, но не просторную застекленную веранду для общих чаепитий:

А.В.: ...ну, я не захотел специально веранду делать. Опять же, потому, что, может быть, я не дачник и никогда на даче не был, я не понимаю смысла в этих особых верандах, да? Я сделал вот такую большую комнату, чтобы было всё вот как бы... **не мельчить**, да?

А.К.: Угу.

А.В.: Вот. А чтобы, вот, как-то – ну, просторнее было, чтобы кто-то... ееей там, я не знаю, за столом, а кто-то ееей за компьютером, и чтобы не было никаких перегородок, чтобы всё было как-то в одном месте.

А.К.: Ага. А вот веранда, вот, дачная - это в вашем понимании как...

А.В.: А я не знаю, для чего веранда. Вот я просто не понимаю, поэтому я её не делал.

А.К.: А. *(смеется)*

А.В.: *(смеется)*

А.К.: Потому что все верандами разное называют,

А.В.: Да... *(смеется)*

А.К.: слово красивое, а... *(смеется)*

А.В.: Нет, веранды я себе представляю так: что это вот, если дом - это все-таки что-то должно быть утепленное, да?

А.К.: Угу.

А.В.: А веранда - это **чисто** вот, **начисто** летнее, да? и **светлое**, да? То есть

А.К.: Угу.

А.В.: должны быть широкие высокие еей окна, да? Что должно быть светло, вот, но чтобы это было, вот, эти окна, там, или выставишь или раскроешь, да? И чтобы это был – как будто и на улице, да?

А.К.: М!

А.В.: Вот.

А.К.: Угу.

А.В.: Для меня веранда - это именно крыльцо. Я вот сделал себе столик там, скамеечку (5_АВ).

Функции «веранды» в доме А.В. распределены между большой теплой комнатой на первом этаже, где жители дома могут собираться вместе, и маленьким открытым крыльцом, где он оборудовал место для себя, чтобы самому посидеть на свежем воздухе в теплую погоду. Из старой дачной архитектуры А.В. позаимствовал только те элементы, которые казались ему прагматически уместными. Если принимать во внимание такую избирательность, то его рассказ о разрыве между мечтой о даче и реальностью садоводства можно интерпретировать как повод ещё раз обратиться к конспирологической интерпретативной рамке, на сей раз для интерпретации собственных строительных практик. Эта рамка создает одну из рамочных, структурирующих и связывающих, конструкций для нашего разговора с А.В., который начинается с фразы: «Ну, это в 85-м году, когда была целая эта кампания - обеспечить Продовольственную программу за счет рук самих потребителей», потом посреди беседы возникает история о крыше и в конце – цитированный выше пассаж об участках «с барского плеча».

Рассмотренный под таким углом садовый участок оказывается не просто «дачей для бедных», но «медвежьей услугой», а то и «троянским конем», которого государство подсунуло своим гражданам. Гигиенистская идея о здоровом отдыхе на природе, желание трудиться и быть хозяином на своей земле, которые сформировали другие дискурсы о садовом участке, в этой перспективе – всего лишь приманки, чтобы люди взяли участки и погрузили в тяжелом труде.

Переоценка может производиться также с помощью смысловой рамки, которая трактует садовые участки и связанные с ними ценности, прежде всего, «трудовых» дискурсов как пережиток советского. В пособиях по садоводству 2000-х некоторые авторы нейтрально комментируют унаследованные от советской эпохи свойства физического и социального пространства СНТ: плохая земля не позволяет садоводам пользоваться опытом промышленного садоводства, свои коррективы в планирование участка вносит необходимость договариваться с соседями в тесноте шестисоточной разметки (Туманов, 2006). Они же критикуют описанные выше особенности садоводческой культуры труда, и прежде всего, «трудоголизм» – стремление получить идеальный сад и огород ценой непосильного труда, которое может объясняться в категориях творчества или крестьянского дискурса и поддерживается меритократической логикой садоводческого сообщества. А. Туманов⁵⁴ в своем пособии советует, проектируя

---

⁵⁴ Андрей Туманов – председатель Московского Союза садоводов, основатель и редактор газеты «Ваши шесть соток» (издается с 1991 г.), т.е. ему принадлежит важная роль в формировании современного порядка садоводческого дискурса.

участок, меньше думать о том, что подумают соседи и прохожие, и больше - о собственных потребностях (Туманов, 2006, 10). Ряд авторов советуют отказаться от «трудоголизма» на грядках и научиться получать удовольствие от физического труда и отдыха на природе (Кизима, 2007; Два дня на даче..., 2010).

Автор «Пособия для разумно ленивых садоводов» Г.А. Кизима последовательно проводит связь между культурой труда на садовом участке и советскими ценностями (Кизима, 2007). Кизима эксплицирует само собой разумеющийся для многих садоводов старшего поколения культурный сценарий освоения садового участка, но только затем, чтобы читатель узнал в нем собственные практики, отверг их и принял предлагаемую альтернативу. За этипатирующим сочетанием «разумная лень» кроется новая организация труда, основанная на рациональной экономии усилий, которая исходит из трезвой оценки потребностей и предполагает отказ от героизации труда и «гигантомании» задач. Не нужно надрываться, чтобы построить огромный дом для детей и внуков – он им, скорее всего, не понадобится. Не нужно из последних сил распахать весь участок под огород: если главная цель – не урожай, а удовольствие от работы на земле и собственных овощей, то достаточно нескольких грядок (Там же, 9–11). Принятый подход в любительском садоводстве автор связывает с советской риторикой покорения природы и в качестве альтернативы предлагает осваивать популярное среди современных дачников направление «органического» или «природного» земледелия, основанного на идее необходимости минимизировать вмешательство в естественную жизнь растений, «подстроиться» под природу (основателем считается Н. Курдюмов⁵⁵) (Там же, 7, 15).

Целевая аудитория этого пособия – садоводы-любители старших поколений, те, кто начинал осваивать садовые участки в советское время, и садоводческая культура труда здесь трактуется как пережиток советского. Более того, автор связывает принципы организации труда на садовом участке с организацией жизни вообще и предлагает принять свои советы как новую жизненную программу (Там же, 15). Таким образом, советы садоводам оказываются своего рода программой само-десоветизации через смену личной идеологии труда на садовом участке.

Интерпретацию садовых участков как советского наследия можно разглядеть в триллере «Жесть» (Д. Нейманд, 2006). Это одна из немногих попыток вывести СТ на большой экран в современном российском кинематографе. В фильме создается экзотизирующая дистанция по отношению к СТ через эксплуатацию их периферийности и их репутации «серых зон», которых нет на карте и где не действуют законы страны. Если верить информации на сайте

---

⁵⁵ Кредо и публикации Н. Курдюмова можно найти на его сайте: <http://kurdyumov.ru/index.php> (дата доступа: 12.11.2017).

«Кинопоиск», что фильм изначально назывался «Шесть соток»⁵⁶, то садовые участки, видимо, изначально были для режиссера не просто удобной декорацией, а центральной темой. Действие происходит в «садоводстве-призраке»: земля под всем садоводческим массивом уже выкуплена одним собственником, но покинутые владельцами домики ещё не успели снести. Режиссер эстетически осмысляет гектары садоводческих земель, застроенные причудливыми домами и сараями, как своего рода «бессознательное» российского общества, куда нет доступа всевидящему оку государства. В его трактовке этот «корабль-призрак» из прошлого, который скоро сгинет под пятой рынка, оказывается полон кошмарных чудовищ. В фокусе внимания здесь не индивидуальное осмысление садового участка и собственного отношения к нему, а унаследованная от советских времен административная и пространственная организация садовых товариществ, благодаря которой они часто до сих пор существуют в статусе анклавов без определенного подчинения на окраинах городов и поселков или посреди сельской местности. В 2000-х – начале 2010-х политики, СМИ и некоторые активисты от садоводов тоже пользовались этой рамкой переоценки, чтобы обосновать необходимость ликвидации СНТ как безнадежно устаревшей, пережиточной организационной формы (Касаткина, 2015).

Выводы

В советской государственной идеологии любительское садоводство горожан так и не получило четко обозначенной ниши. Семиотизация этой деятельности в учреждавших ее документах была минимальной, для нее не было создано специальной идеологической нагрузки. Советский порядок дискурса о садовом участке полностью инкорпорировал фрагмент дореволюционной конфигурации дискурсов о даче, а именно, конфликт ценностей «буржуазного» и «социалистического» дискурсов, который воспроизводился в советском кинематографе, а также в практиках чиновников на местах, направленных на сохранение границы дачи и садового участка. В постсоветской России этот идеологический конфликт утратил актуальность. Сейчас повсеместно воспроизводится только один дореволюционный дачный дискурс – *гигиенистский*, который основан на идее о пользе отдыха на свежем воздухе для здоровья и теперь актуален для любого вида загородного отдыха.

---

⁵⁶ «Шесть соток» стали «Жестью» в результате каламбура: «Жесть соток» (Фильм «Жесть» на сайте «Кинопоиск»). Это превращение подчеркивает экзотизирующую дистанцию, которую занимает творческая элита по отношению к «шестисоточной» культуре: «жесть» - жаргонное слово, означающее нечто, проявленное в крайней степени, причем обычно неприятное, агрессивное. Слово, таким образом, заимствует свои коннотации одновременно и у «жестко», и у «жесть» в первом значении (ср. результаты поиска по слову «жесть» в устном корпусе НКРЯ (дата поиска 12.11.2017)).

Удивительно, что в советском обществе садовый участок так и не занял идеологическую нишу социалистической трудовой дачи, отвечающей ценностям нового общества, хотя имел для этого серьезный потенциал. Но этого не произошло только в публично производимых дискурсах, в то время как сами садоводы, которые начинали заниматься садоводством в советское время, даже в середине 2000-х активно обращаются для описания и объяснения своих занятий к ресурсам двух дискурсов о труде: *крестьянского* и специфически позднесоветского *дискурса о труде-творчестве*. Это два лика советской культуры труда: «трудоголизм», изнурительный труд без определенной цели и смысла, совершаемый под общественным давлением, и позитивный образ труда как творчества, который сам по себе доставляет радость и удовлетворение. Оба эти дискурса в СНТ до сих пор реализуются в жанрах экскурсии по участку и обсуждения участков соседей, которые служат воспроизводству садоводческого сообщества и его ценностей. Они же создают ту самую парадоксальную размытость границы труда и досуга на участке, которая стала мишенью для шуток в анекдотах и развлекательных телепередачах 1990-х.

В перестроечном дискурсивном порядке на первый план вышли крестьянский дискурс и *дискурс автономии*: в литературе того периода садовые участки, как и другие формы индивидуального земледелия, рассматривались как лаборатория для воспитания трудолюбивого и независимого хозяина на земле, но люди видели в них прежде всего ресурс самообеспечения и независимости от все менее состоятельного государства. Дискурс автономии сохраняет актуальность в связи с садовыми участками, и это автономия не только от государства, но и от других «больших» систем, таких как глобальная пищевая индустрия и рынок.

Именно дискурс автономии сейчас стал ресурсом сопротивления крестьянскому дискурсу для моих информантов, когда они переосмыслиют себя как хозяев, свободных распоряжаться своим временем и трудом. Другие варианты дискурсивных гибридов, которые возникают в частных разговорах и в публичном поле, – это переосмысление ценностей перечисленных выше дискурсов или в конспирологической логике, т.е. как приманки государства для граждан, или в пережиточной логике – как пережитков советского режима. Это значит, что в середине 2000-х гг., на повестке у городских садоводов было преодоление унаследованных от советской эпохи императивов труда, утверждение своей независимости и новое осмысление любительского садоводства. Дачный разговор, где сталкиваются, сопоставляются, вступают во взаимодействие разные дискурсивные логики и риторики, служит площадкой для этих процессов.

Глава 4. Устройство дачного разговора

4.1. Реестр дачных разговоров

Границы интервью проницаемы и открыты другим речевым жанрам (Briggs, 1986; Koven, 2014). Это свойство создает многоголосье моих дачных интервью, когда в них включаются другие голоса и контексты, так что в них можно наблюдать разнообразие жанров дачных разговоров. Это не только ещё один источник сложности, гибридного характера интервью, но и окошко в садоводческую речевую повседневность. Так можно узнать, какими бывают дачные разговоры, при каких обстоятельствах, между кем, о чем, а также получить представление о естественных контекстах бытования той информации, которую я получала или хотела получить в искусственной ситуации интервью.

Жанры дачного разговора проникают в интервью двумя путями:

Во-первых, не всегда люди готовы говорить только от своего лица. Иногда, рассказывая, они предпочитают сконструировать целостную ситуацию разговора из прошлого, включить в свой рассказ других говорящих, процитировать случившиеся когда-то или вымышленные разговоры. Это необязательно связано с условиями конкретной коммуникативной ситуации, таков может быть индивидуальный стиль рассказывания. Так, Т.А. обильно пересыпает свой рассказ микродиалогами, в которых сама принимает участие от первого лица.

Во-вторых, не имея опыта интервью о садовом участке и не всегда отчетливо представляя, что именно меня интересует, мои собеседники собирали свои ответы на мои вопросы на основе имеющегося у них коммуникативного опыта. И тогда в наших разговорах появлялись черты героического рассказа об освоении участка, новеллы о садовых достижениях, технологического рецепта домашнего изобретательства или экскурсии по участку — речевых жанров дачного разговора, знакомых каждому, кто когда-либо бывал на садовых участках или ездил в электричках или автобусах, курсирующих в направлении садоводческих массивов. В тех случаях, когда я поддерживала позиционирование меня как такого же садовода, мы с моими информантами исполняли дачные разговоры прямо во время интервью.

Как уже говорилось в предыдущих главах, многие исследователи речи используют понятие жанра для установления связи между разговорами и социальными практиками (Briggs, 1986; Бахтин, 1997; Koven, 2014; Jorgensen, Philips, 2002). Бахтин предлагал классифицировать речевые жанры по сферам человеческой деятельности и указывал на принципиальную невозможность дать окончательный список речевых жанров (Бахтин, 1997, 159, 165). Нэнси Рис

в книге о перестроечной речевой повседневности предложила набор жанров русского разговора этой эпохи, схематически распределив их по осям гендера и власти (Рис, 2005, 79). Для Рис жанры – это «емкости» для речевых практик, которые задают и правила коммуникативного поведения, и правила осмысления информации. В основу своей классификации она кладет одновременно и тематические, и формальные, и контекстуальные признаки и настаивает на нечеткости границ своих жанров, их взаимопроникающем характере (Там же, 75). И тем не менее, получается не только сильно обобщенная, но и на вид достаточно жесткая схема, причем один из источников этой ригидности – выбранные ею названия, в которых слышны отголоски жесткой системы литературоведческих жанров.

В данном исследовании я имею дело с узким доменом деятельности – любительским садоводством горожан на садовых участках. Мой материал накладывает дальнейшие ограничения: люди определенных поколений (1930-1950-е гг. рождения) со специфической историей освоения участков (начинали в 1980-е – 1990-е). Для жанровой классификации наших разговоров гибкая и чувствительная к мелочам модель Бахтина подходит лучше, чем обобщенные ячейки Рис. Создавая свою классификацию дачных разговоров в моих интервью, я ориентировалась на два параметра жанра из предложенных Бахтиным: сфера деятельности (микродомены внутри любительского садоводства, с которыми связана та или иная тема разговора) и «типический адресат» (Бахтин, 1997). При этом я следовала индуктивному принципу и выделяла те темы и те коммуникативные ситуации (где и с кем возник разговор), которые тем или иным образом цитировали мои собеседники. Схематичное представление классификации – см. в Таблице 2. Ниже я дам комментарий к отдельным позициям таблицы, взяв за основу параметр коммуникативной ситуации.

Я не стала включать в классификацию упомянутые случаи, когда мы с моим собеседником остаемся в рамках сюжета (по Харре) интервью, но наш разговор приобретает узнаваемые черты дачного разговора, например, когда мне рассказывают об освоении участка или делятся технологическими приемами, освоенными при строительстве дома. Здесь можно говорить скорее об «инъекции» дачного разговора в интервью, и граница остается почти неуловимой. Я включила только случаи явного перехода от интервью к исполнению дачного разговора.

Таблица 2. Семейство жанров «дачных разговоров» в базовом корпусе интервью

Ситуация Тема	На работе с коллегами	С другими садоводами	С профессионалами	С соседями по СТ	С друзьями	Семейный разговор	собеседник не определен	Во время интервью
Обмен опытом и знаниями о садоводстве и строительстве	МГ («не знаю, кто нормальный»), АВ (2: «каждый рассказывает», обмены советами), ТА (2: совет о вагонке, нормы строительства)	АВ (2: совет о фундаменте, подслушивал в электричке)		АВ (обмен опытом), МГ (выпрашивали усы), ТА (2: несут рассаду, картошка в ящичке), РФ (2: друг другу передавали, подсказал мастера)			ЛА (2: совет о яблонях, совет об отмостке), МГ (совет о парниках), ЮА (критика обшивки)	ЮА (3: рецепт свеклы, побелка деревьев, клубника), ТА (о налогах), РФ (2: печная труба, скважина), АВ (смородина и яблони)
Об участке или даче в целом	ТА («что за земля?»), ЛА (заявление на участок)				ЮА (эпиграмма о даче)			ЮА (воровство)
Рефлексия о режиме работы на участке				ТА (не могу ничего не делать)	ТА (участок прекратит поездки)	ТА (траты на посадки)	ЛА (зачем много гладиолусов, «затянулся»)	ЛА (сомнения насчет удовольствия)
История участка и садоводства				МГ (записка под бутылкой)			ТА (не верят, что быстро ходила)	ЛА (2: «это ты старалась», дизайн проекта), ЮА (3: береза, просила дачу, козы), МГ (2: водонапорная башня, медпункт), РФ (3: «выросли вы здесь с малышкой», хорошо с машиной, кирпичи на трубу)
Планирование участка и строений						ЛА (5: «будет домик-пряник», «я б тебе домик-пряник построил», «решили, что все будет отдельно», «мама		

						<i>рисовала, папа придумывал», сажать или не сажать), РФ (2: души, торопила мужа), АВ (3: мама отговаривала от участка, нельзя рубить лес, заставила срубить клен), ТА (споры с сыном)</i>	
Демонстрация и оценка достижений			МГ («что ты строишь?»)	РФ (2: экскурсии по домам, смотрят, что выросло), ТА (3: смотрят ее эксперименты, смотрит сад соседки, хвалят сына), МГ (2: прохожие, «своеобразный домик»),		МГ (теща «только по картинкам»), ТА (земляные работы)	АВ (2: экскурсия, кто как построился), РФ (экскурсия), ЮА (фотографии)
Дача и поколения						РФ («непрестижно»), АВ (забросил участок)	ЛА (2: отмотка для дома, молодежи не появляется), РФ (будут дети – внук придет)
Лирика: природа, «свой» урожай и т.д.					ЛА («давайте есть фиалки!»)		ЛА (своя картошка), РФ (3: время на даче, интересно в природе, покой и тишина), ТА (2: тишина и звезды, зимняя красота), АВ (тишина и вечера)
Соседи по СТ						ЮА (смеялись над соседом)	ЛА (3: Вася Карасев, Лена Бладышев, хлам на участке), РФ (7: соседи разобцены, мало с кем дружить, раньше стройка объединяла, соседка-сатанистка, не с кем

								<i>гулять, у кого колотят?, соседи закрыли юг)</i>
Управление С(Н)Т			ТА <i>(пожарная безопасность)</i>	ТА (3: <i>«не надо электричество», деньги на скважину, «снятие стресса»</i>)				ТА <i>(межевание)</i>

На работе с коллегами. Ситуация, характерная для первых лет владения садовым участком, если они пришлось на 1980-е и начало 1990-х гг., когда участки получали на работе и возделывали бок о бок всем рабочим коллективом. Именно на работе разворачивались перипетии борьбы за участок: здесь подавали заявление, тянули жребий из шапки, боролись за достаточный «коэффициент», чтобы получить право на землю. Счастливы, получившие участок, на работе обменивались опытом, советовались, обсуждали достижения. На работе формировалась стимулирующая среда, которая поддерживала вовлеченность в садоводство и строительство и могла удержать отчаявшихся новичков от побега. Так произошло с М.Г., когда он, искусанный мошкой, принял решение бросить участок:

М.Г.: ...Приходим на работу – все полусонные, конечно, понедельник это был *(смеется)*. Смотреть друг на друга было неприятно, конечно: все устааалые, дачники. «Ну как, ты что там посадил?» – «Да, так...». Приходим в понедельник – прожили, пообщались. Рассказал. А этот: «Ой, да у меня там тоже пчелы, там, были...». Так, ну, у каждого свое. Наступает суббота. Мы друг у друга: «Ну, ты едешь сегодня?» – «Да вы что! Нет, я – всё! Нет, [никогда] в жизни!». И так неделю... Я, значит, в воскресенье дома.

А.К.: Ага.

М.Г.: А как же так? ну что ж там? ведь там же что-то! люди нормальные – там! Да нет, не нормальные – я нормальный! Нет, не знаю, кто нормальный!.. В общем, пережил я кое-как субботу и воскресенье.

А.К.: Без дачи?

М.Г.: Без дачи *(смеется)*. Следующая неделя прошла. И без разговоров: пошел в гараж, завожу [машину], поехали (1_МГ).

В этой зарисовке М.Г. не только показывает свои муки выбора идентичности и роль коллектива в его возвращении в ряды «нормальных» садоводов, но и ярко воспроизводит атмосферу всеобщего увлечения садовыми участками, которая царила в его отделе большой строительной организации в начале 1980-х гг., на заре «садоводческого бума».

Общение с другими садоводами. Н. Гальц описывала «воображаемое сообщество» садоводов, которое в 1980-е гг. в масштабах всего Союза формировал и поддерживал журнал «Приусадебное хозяйство» (Galtz, 2000). Гальц заметила также, что помимо «воображаемой» сети в медиа, садоводы поддерживают оживленную сеть личных контактов, где мимолетные встречи могут перерасти в многолетнее общение (Ibid., 277, 322). Действительно, общее увлечение дает легитимный повод завести разговор в электричке или автобусе по дороге на

участок, и даже окликнуть незнакомца, который трудится в своем огороде, чтобы выяснить, что за чудесный цветок расцвел у него перед домом или как ему удалось вырастить такие яблоки. Любопытного скорее всего пригласят на участок и с большой вероятностью поделятся семенами или саженцами или обменяются контактами, чтобы встретиться позднее, когда семена или саженцы будут готовы. Мои собеседники упоминали только о случаях обмена опытом, но мне приходилось слышать и целые сессии воспоминаний об освоении участка в пригородной электричке и автобусе, в том числе с демонстрацией выдавшей виды самодельной сумки на колесах, которая сопровождает рассказчицу на участок более 20 лет, с 1980-х гг. (ПД). Общению с другими садоводами в моей таблице посвящена отдельная графа, чтобы разглядеть в эмпирическом материале существование и функционирование этого масштабного сообщества, которое выходит за пределы узких кругов друзей, коллег или соседей по даче.

Общение с профессионалами. Для садовода или строителя-любителя профессионал⁵⁷ оказывается не только источником ценного знания, но и авторитетной инстанцией оценки. М.Г. подчеркивает, что был уверен в собственных силах и строил домик по своему проекту, невзирая на насмешки бригады строителей, работавшей для его соседа (1_МГ). Но все-таки ему важно вступить в диалог с этими насмешками профессионалов в своей реплике. В.Н. строит свой рассказ вокруг самостоятельного освоения навыков строительства, и для него важно, что профессиональный печник похвалил сделанный им фундамент для печи (11_ВН). В эту же графу я поместила общение между собой садоводческих управленцев – председателей и членов правления – на их профессиональные темы, например, о том, как избежать наказания за то, что члены СНТ нарушают правила пожарной безопасности в своих домах (3_ТА).

Общение с соседями по СТ. Соседи по садоводству составляют круг наиболее активного общения моих собеседников за пределами семьи. С ними идет интенсивный обмен опытом, который в данном случае трудно отделим от демонстрации достижений (если что-то нравится, это пытаются повторить), а также обмены посадочным материалом, инструментами, услугами и т.д. Через эти обмены соседи не только вдохновляют друг друга, но и поддерживают определенный стандарт активности на участке:

А потом, когда её соседи тебе тащат что-нибудь: «Т., посади вот рассаду! Т., посади это! Т., вот, возьми это!» – уже стала выращивать что-то другое. А потом, когда стали

---

⁵⁷ Нужно заметить, что категория «профессионал» лишь с большими ограничениями применима к тем людям, которые нанимаются строить дома или класть печи в садоводствах. Если «профессионалом» обычно называют человека, получившего специальное образование, чья квалификация гарантирована дипломом, то многие садоводческие строители учились только на собственном опыте. Их «профессионализм», таким образом, заключается в том, что они сделали свои навыки оплачиваемой работой, и гарантирован только словом – самого мастера или рекомендацией тех, кто уже пользовался его услугами.

приезжать на выходные, то очень приятно её огурчик свой сорвать, ягоду... И думаю: «Ну что голые такие эти, её голый участок – ну что не посадить-то её кусты какие-то?» Народ – вот когда смотришь на кого-то и как-то ты вдохновляешься, думаешь: «Ну да, действительно, а что бы не сделать это?» (3_ТА).

С соседями можно посетовать на постоянную занятость на участке и помечтать о других видах отдыха, вспомнить пережитое в первые годы освоения, обсудить других соседей, кто как работает на участках, обмениваться слухами. Разговоры с соседями локализуются на участках во время визитов, во время случайных встреч на прогулке или в транспорте, в очереди в правлении для уплаты членского взноса, в магазине или к автолавке. Соседям проводят экскурсии по участку или по дому, показывая свои достижения и делясь неудачами. Р.Ф. рассказывает, что когда она и ее соседи по улице достроили свои дома, они приглашали друг друга посмотреть на внутреннее убранство (этот круг взаимных осмотров ограничивался радиусом 1-2 домов) (6_РФ). Даже незнакомые соседи, которые живут поодаль, но любят прогуливаться по улицам, являются важной инстанцией оценки трудов на участке. В этом признается М.Г.:

...мне первое время нравилось, когда люди по нашей улице ходили, и вот идет муж с женой, смотрят на мой домик, и жена толкает мужа так в бок, говорит (но я же вижу: она ему показывает, вот), и говорит: «Вот какой домик должен быть, а ты мне что построил?» (1_МГ).

Специфически выглядит общение между соседями в домене управления. Отраженный в таблице опыт Т.А., председателя своего СНТ, показывает три речевых жанра: конфликт из-за оплаты содержания и развития товарищества, деловой разговор на ту же тему и общение председателя с сочувствующими соседями, когда, например, председатель и бухгалтер, сами подруги и соседки, идут к третьей соседке выпить коньячку, чтобы «снять стресс» после очередного конфликта. Вопросы управления СНТ обсуждают не только с председателем или членами правления, но и соседи между собой. В таблицу эти случаи не попали, поскольку мои собеседники не приводили таких примеров, но они есть в моем опыте дачника и исследователя. Такие разговоры обычно полны подозрений в адрес садоводческих управленцев, поскольку на органы садоводческого самоуправления переносятся стереотипы о дистанции между властью и народом, сложившиеся в советское время (Касаткина, 2012).

Общение с друзьями. Круг друзей и знакомых, которые не имеют своих участков (или имеют, но в другом месте), — это источник комментариев относительно дачных занятий

(оценка, критика и др.). Так, в уже приводившейся выше цитате Т.А. вводит устами своей приятельницы стереотипную точку зрения, только чтобы с ней поспорить:

Когда я хотела этот участок поиметь, мне одна приятельница говорила: «Ты с ума сошла! Ты не представляешь! Ты любишь ездить куда-то... Это всё. Это всё, участок тебе прекратит все твои поездки». – Нет. Он мне мои поездки не прекратил. Если у меня... урожай **не** вырастает – я не переживаю из-за этого (3_ТА).

Когда Ю.А. ещё сам не имел участка, он так не любил дачи, что когда попал на дачу к своим друзьям, оставил у них в «книге отзывов» едкую эпиграмму:

Давно не видал столько хляби и топи.

А темень такая – простите, как... в **пе (2_ЮА).

О реакции горожан на дачный дискомфорт писала ещё Агния Барто в стихотворении «Дачный адрес» 1940 г.:

...Как нарочно, дождь закапал.

— Так! — сказал сердито папа.—

Говорил: возьмите зонтик,

Вон гроза на горизонте!

Дальше я идти не мог —

Я до ниточки промок.

Перешли мы через мостик.

Там стояли поезда...

Больше я на дачу в гости

Не поеду никогда.

Тете Оле напишу,
 Что я дома подышу
 (Барто, 1960).

В рассказе Ю.А. обращает на себя внимание, прежде всего, то обстоятельство, что у друзей на даче была специальная «книга отзывов», где они просили всех гостей что-то написать, превращая их таким образом в инстанцию оценки дачи.

Друзьям, кроме того, постоянно достаются излишки урожая, и в таких эпизодах могут возникать лирические зарисовки об уникальных свойствах выращенного своими руками, подобные той, что цитирует Л.А.:

...у меня есть подружка, в К. живет. У неё в августе день рождения. <...> мы с дачи ехали к ней всегда на день рождения. И когда мы выходили из машины, и я ей привозила... штук 20 гладиолусов. Вот. В ведро она всегда их ставила. Я ей, конечно, срезала самые красивые, самые лучшие. Ну, такой букет никогда не купишь. Никогда тебе... ну это – я не знаю, это один раз. И мы всегда приезжали, вот ей – гладиолусы, кабачки. На стол мы всегда привозили букеты из пряных трав. Укроп, петрушка, базилик, эти, настурции, фиалки. И мы все говорили: «Ах, настурции, как это вкусно! Давайте есть фиалки, настурции!» (*смеются*) Это такое... ой... (*смеется*) Ну это не купишь, это так интересно, все это!⁵⁸ (4_ЛА_АМ).

Семейные разговоры. Иногда садовый участок становится делом всей семьи и объединяет ее. Помогать осваивать участок, а потом – отдыхать на нем приезжают родственники, которые живут отдельно от семьи хозяев, даже в других городах. И тогда дача служит для поддержки и воспроизводства семейных связей: здесь встречаются поколения, общаются дети разных ветвей семьи, которых привозят отдыхать. Для моих собеседников, впрочем, такая ситуация нехарактерна. В двух историях были периоды, когда участок становился делом только отца семейства (2_ЮА; 5_АВ), в то время как другие члены семьи приезжали редко. В семьях, где все или многие члены заняты участком, садоводческие дела

---

⁵⁸ Дачный урожай, существующий вне рациональных экономических расчетов, может быть бесценным даром, но не для тех, кто считает дачный труд напрасной тратой времени, ср. дебаты между калужскими сторонниками и противниками дач, описанные в (Zavisca, 2003, 802). Любопытно, что в случаях, описанных Зависка, противоречия возникают, прежде всего, внутри семьи: дети не хотят брать подарки с участка родителей. Возможно, это не случайность, что описанное здесь благодарное принятие дачных даров разворачивается именно в кругу друзей, а не семьи.

обсуждаются постоянно: каким должен быть участок и дом? что ещё нужно сделать? как распределить трудовые усилия? стоит ли возиться с рассадой или лучше засадить все газоном? – все это темы для бесконечных разговоров, а порой и конфликтов. Супружеские пары вместе проектируют и затем оформляют домик (4_ЛА_АМ). В повседневной болтовне в семьях можно обсудить соседей по садоводству, особенно в режиме прогулки или, напротив, сидя на веранде и наблюдая, кто проходит мимо по дороге или что делается на соседних участках. Ещё одна разновидность дачных разговоров с родственниками – это рассказ об участке тем, кто никогда на нем не был: дальним родственникам или тем, кто живет в другом городе и не приезжает на дачу. В моей семье был период, когда каждый год делались фотографии дома и участка (и меня на их фоне), чтобы отправить моему украинскому деду и мамину отцу (тоже увлеченному садоводу) в качестве демонстрации текущих достижений. М.Г. упоминает о том, что его теща знала дачу только по фотографиям (1_МГ).

В таблице почти не отразился жанр семейных рассказов об истории участка, когда родители или бабушка с дедушкой рассказывают детям о том, как строился дом, передают знание о его недостатках, чтобы дети могли их исправить. Почти – потому что такие ситуации возникали в интервью с Л.А., где участвовала ее дочь, и я отнесла их в графу «во время интервью», поскольку мать и дочь вдвоем исполняли эти воспоминания для меня, интервьюера. Так или иначе, у меня самой есть опыт таких семейных разговоров об истории участка, иногда с просмотром фотографий из домашнего архива, когда мама рассказывала мне о том, как все начиналось.

Неопределенный собеседник. Ссылки на неопределенных собеседников вводят не только полученные когда-то от кого-то ценные (и не очень) советы, но и циркулирующие в обществе клише, с которыми спорят:

...Я думаю, что многие говорят, что «Ой, он же там на рабо[те]... затынулся, на даче все время, от этого умер» (*нарочито изображает сочувственные интонации*). Я думаю, нет. Это у кого какая физическая сила. Никто там уж... Но это стимулирует m... больше положительного, чем отрицательного, мне так кажется (4_ЛА_АМ).

Во время интервью. «Садовые разговоры» не только проникали в мои интервью через цитирование, но и исполнялись прямо во время беседы. Это происходило либо когда в интервью принимали участие другие люди, либо когда я сама занимала позицию не исследователя, а такого же садовода. Я уже не раз ссылалась на беседу с Л.А. за праздничным столом, где принимали участие также ее взрослая дочь А.М. и подруга дочери Л. (4_ЛА_АМ).

А.М. дополняла или корректировала воспоминания матери об освоении участка, добавляла сведения о соседях, так что они вдвоем, совместными усилиями, складывали эту историю, воспроизводя заодно коммуникативные жанры семейных воспоминаний или обсуждения садоводческих слухов. Кроме того, Л.А. не упускала случай озвучить свои ожидания от дочери и ее семьи на даче, а та – дистанцироваться от матери и ее представлений о должном в том, что касается и внутреннего убранства дома, и режима труда, и посещений участка. Разыгрывался конфликтный семейный разговор, где артикулировались линии напряжения между поколениями и различия их представлений о том, как пользоваться дачей. Завершилось все, впрочем, установлением гармонии семейных отношений, когда все участники застольной беседы, включая меня, спонтанно исполнили этюд в лирическом жанре восхищения исключительными качествами «своей» картошки (цитировался в Главе 3). Подробнее об этом конфликте будет сказано далее в этой главе.

В интервью с Ю.А., одним из первых моих интервью, когда я ещё не освоила балансировку между сюжетами интервью и разговора, мы довольно часто сбивались с интервью на беседу и жанр обмена опытом двух садоводов, причем если Ю.А. говорил о своем опыте, то я – больше об опыте своей мамы:

Ю.А.: ...Деревья тоже, так сказать, они тоже место занимают, так? Но, в общем-то, особого ухода не требуют. Ну, надо было бы их покрасить, но я их не всегда крашу.

А.К.: М, ну, в общем-то, это не обязательно.

Ю.А.: Вот, да, в общем, это необязательно, хотя желательно. Вот *(смеется)*.

А.К.: Мы вот не красим – и ничего.

Ю.А.: Ну... тоже нехорошо. Белым надо красить стволы, иначе они, скажем так, от солнца перегреваются и начинают трескаться. А, кроме того, скажем, эта краска, она содержит антисептик, от всяких разных муравьев, комаров, там...

А.К.: Ну, у меня мама глиной покрывала какое-то время. Тоже вроде работало.

Ю.А.: Ну тоже вариант, да. Вот (2_ЮА).

Как видно из этого отрывка, сюжет беседы поддерживается моими реакциями: я комментирую, высказываю суждения, делюсь опытом, вместо того, чтобы спрашивать или пассивно поощрять говорение собеседника. Мы, кроме того, обсуждали, что делать с большим урожаем и даже договорились, что я узнаю у мамы, нет ли у нас хороших клубничных «усов» (отростков кустиков клубники с корешками), чтобы поделиться с Ю.А. Схожим образом в интервью с Т.А., председателем садоводства, проник жанр профессионального разговора

садоводческих управленцев, когда я, ссылаясь на опыт моей мамы и собственные познания, поддержала симметричную беседу о проблемах управления садоводством – уплате налогов или межевании участков. В эти моменты я чувствовала себя неловко, поскольку на самом деле никогда не увлекалась садоводством, а моя роль в правлении садоводства ограничивалась помощью маме с ведением протоколов или со сбором старших по улицам⁵⁹. Я занимала непривычную и не характерную для меня позицию равного собеседника в разговоре двух садоводов или двух садоводческих управленцев, полуосознанно разыгрывая разговоры, которые не раз слышала в нашем садоводстве или в транспорте.

Более органичную для меня позицию предложил мне М.Г. – носитель уникального экспертного знания: в начале 1980-х гг. он занимался организацией садоводства, где находится наш участок, затем был представителем профкома головного предприятия в первом правлении и постоянным членом правления во все последующие годы. Я для него – не только и не столько исследователь, сколько дочь его приятельницы и коллеги по правлению, а также представитель молодого поколения жителей созданного при его участии садоводства. Наше интервью он использует, чтобы передать мне историческое наследие нашего садового товарищества – знание, как все начиналось. М.Г. рассказывает подробно, обещает мне найти документы, подтверждающие его слова, называет по именам многих действующих лиц, в том числе и тех, кого я не могу знать, словно желая сохранить их в истории, т.е. тщательно эксплицирует многие детали контекста (обычно люди, упоминая незнакомых мне персонажей, используют нейтральные обозначения («один знакомый», «наш профорг», «директор» и т.п.)). В этом интервью мы разыгрываем не только сюжет воспоминаний старожила для юного жителя тех же мест, но и совместных воспоминаний двух старожилов, ведь я тоже давно живу в этом садоводстве и мне знакома локальная топонимика:

М.Г.: ...И заключили договор с медпунктом, который был... он был... вот там, где «синий магазин».

А.К.: Да-да-да, там же врач сидел.

М.Г.: В «Дивном». Там была женщина, да. И мы заключали договор о пользовании этим участком. Ведь люди уже пожилыми стали и туда ходили, мерили давление. И аптечный киоск они там открыли.

А.К.: Да, помню, это ещё недавно было (1_МГ).

---

⁵⁹ В некоторых СНТ, как в нашем, существует институт старших по улицам – посредников между жителями одной улицы и правлением товарищества.

Когда М.Г. обращается к нашему общему опыту, связывая таким образом прошлое и актуальное для меня настоящее, укореняя историю в известной мне географии, я проявляю почти симметричную активность, и тогда мы вместе собираем мозаику локальной истории.

Если мы с моими информантами встречались у них на участке, то интервью обязательно завершалось экскурсией по участку и дому, которая так или иначе включала элементы демонстрации достижений, когда хозяева отбирали, на что обратить мое внимание, а кое-что просили не фотографировать (беспорядок, старые вещи, ведро для туалета и т.п.). С Ю.А. мы разговаривали в его городской квартире, но он провел мне заочную экскурсию по своим дачным фотоальбомам, где ему особенно хотелось показать мне домик, который он построил, и исключительный урожай грибов (2_ЮА).

Отдельного комментария достоин уже упоминавшийся в Главе 3 жанр дачной лирики – поэтические высказывания, воспевающие достоинства дачной жизни. В наших разговорах такие эпизоды возникали непосредственно во время интервью, когда мои информанты восхваляли качества «своих» овощей или воздуха, тишины и природных красот на даче. Последнее – всегда в ответ на мой вопрос о том, что им больше всего нравится в даче:

А.К.: А что вам больше всего нравится в вашей даче?

Т.А.: (*вздыхает*) Ой. Наверное, тишина, покой и.....не знаю, наверное.....И то что... какая-то... *какая-то свобода*, что я отсюда – меня так напрягают вот эти стены!

А.К.: Угу.

Т.А.: А там я постоянно на улице. Там вот мне даже и домик-то этот не нужен особенно. Я всегда на улице. Утром встаю - а! [*восторг*] так красиво! Рано встаю... Я рано встаю вообще: так тихо! птички щебечут, воздух чистый, зелени много... (*тон – осторожное, тихое восхищение*) А ночью - ну вот я говорю, что в городе нет такого неба. Такие звезды! Это - ну, это в августе уже.

А.К.: Да уж.

Т.А.: Такие звезды! Я вот так встаю вечером, когда разведем... разводим мы костер, и сидим у костра и смотрим, как спутники туда-сюда, туда-сюда! или звезды падают. Очень это!.. вот, вот **это** вот, что, чего нет в городе. Чего нет в городе... (*тихо*) (3_ТА).

Наш диалог с Р.Ф., где она делится своими наблюдениями за природой, а я предлагаю увидеть в них социальную метафору, я тоже отнесла к лирическому жанру:

Р.Ф.: А ты посмотри, как интересно: конечно, эти, березы растут быстрее. А яблони – все, хоть, мне кажется, все они ровесники. И яблоня, чтобы ей не быть зависимой от березы, – вот хочешь, рядом подойдешь, – она вся сюда наклонилась!

А.К.: Солнце ищет, да?

Р.Ф.: Вся-вся!

А.К.: Угу.

Р.Ф.: Да. Чтобы не мешала ей береза.

А.К.: *(смешок)*

Р.Ф.: #Как интересно в природе, да?#

А.К.: #Вот соседи, да? *(смешок)*#

Р.Ф.: Вот. А эти, видишь: им широко можно. Вот, я стою одна и что хочу, то и делаю. Вот.

А.К.: Да-а.

Р.Ф.: Раскинулось море широко (6_Р.Ф.).

Из моих информантов Р.Ф. ко мне ближе всех: мы соседи через участок, в детстве я играла с ее внуками. К моменту нашего разговора муж у нее давно умер, внуки почти не приезжали, и на даче она активно искала общения. Неудивительно, что в нашей беседе столько внимания она уделила соседям и особенно обсуждению их качеств для общения, которые она оценивает крайне низко. Кроме того, поскольку мы разговаривали летним днем у нее на участке, в какой-то момент она заинтересовалась тем, что за шум доносится со стороны нашего участка (там разгружали стройматериалы, которые привезли для нашей соседки с другой стороны). Такой живой интерес к происходящему по соседству характерен для садоводческой социальности и легко дает повод для новых дачных разговоров, и отнюдь не всегда досужих. Узнать, где и почему сосед купил стройматериалы или удобрения, выяснить, как именно строится его дом, разузнать об обновлениях на участке – все может пригодиться хозяину на шести сотках. Наше интервью Р.Ф., кажется, воспринимает как дружеский разговор старых соседей, хотя я, разумеется, информировала ее о своих целях и включенный диктофон лежал у нее на виду и даже побудил ее расспросить меня о качестве этой модели. В своем рассказе она часто обращается к моим собственным воспоминаниям – о ее внуках и наших играх – или к нашему с мамой опыту на участке, о котором она знала благодаря постоянному общению: как мы складывали печь или бурили скважину.

***

Приведенная классификация речевых жанров дачных разговоров, по сути, представляет

собой реестр социальных условий, в которых актуализируется садоводческая тематика, и повседневных практик, которые составляют предмет этих бесед. Дачные разговоры возникают, прежде всего, в ближайшем кругу человека: семья, друзья, коллеги, соседи. Они сосредоточены на уходе за садом, строительстве и ремонте домика, планировании участка и дома, распределении собственных усилий и распределении задач в семье, социализации в садоводческом сообществе через обмен опытом и демонстрацию достижений, выстраивании отношений с соседями, чувственном и интеллектуальном наслаждении природой, самоуправлении в СНТ.

В таблице много пустых ячеек. Любопытно, например, что нет упоминаний об обмене опытом внутри семьи. Соблазнительно предположить, что это связано с гендерной специализацией дачных занятий, которую упоминают мои информанты: женщины занимаются огородом или даже только цветами, мужчины – строительством и физически тяжелой работой с землей. А также с индивидуальным характером садоводческого или строительного увлечения, которое не воспринимается как необходимая работа, которой должны заниматься и последующие поколения семьи. О специальных усилиях для обучения детей тоже не говорят. Дети могут помогать собирать долгоносики на грядках или даже что-то смастерить, пока идет строительство (2_ЮА). Но о полноценном вовлечении ребенка в садовые дела речи нет. Нужно, однако, учитывать, что шесть интервью базового корпуса дают слишком мало примеров, чтобы делать обоснованные выводы.

Представленный здесь реестр – только начало разметки дискурсов и практик любительского садоводства горожан. Пока ещё очень гибкий и подвижный, он открыт новому материалу. Очевидно, что насыщение материалом, необходимое для выявления формальных признаков разных жанров, ещё не наступило. Требуется посмотреть другие интервью и обратиться к наблюдениям повседневной жизни, чтобы получить больше материала, и тогда многие ячейки, конечно, заполнятся, и может быть, изменится сама структура таблицы.

4.2. Разговор как лаборатория

Разговор можно рассматривать как лабораторию, где настраиваются конфигурации позиций, встречаются и корректируются представления собеседников о себе и о мире, выраженные в коммуникативных проектах, отрабатываются речевые и неречевые приемы передачи опыта.

4.2.1. Со-настройка позиций

В моих дачных интервью между мной и моими собеседниками существует сложное соотношение общего и индивидуального знания. С одной стороны, я, как и они, принадлежу к современной российской городской петербургской культуре, и у меня тоже есть садовый участок, так что у нас с ними много общего знания и схожего опыта (особенно в тех случаях, когда информант – мой сосед по даче). С другой стороны, они принадлежат поколениям моих родителей или бабушек и дедушек и, в отличие от меня, сами приобретали и с самого начала возделывали свои участки, в то время как я была только пассивным свидетелем усилий своей мамы, которая купила участок, когда мне было четыре года. Кроме того, мои собеседники застали советскую эпоху, о которой у меня есть только смутные воспоминания детства (в 1991 г. я пошла в первый класс). В то же время, я – исследователь дачной темы: читаю книги и архивные документы, беру интервью у разных людей, т.е. имею доступ к разнообразному уникальному не опубликованному знанию, а значит, могу знать больше рядового садовода. Более того, мои знания опираются на авторитет науки и научного метода. Все эти обстоятельства создают в наших беседах сложную динамику позиций, причем чтобы ее понять и описать, недостаточно только лишь аппарата теории позиционирования Р. Харре, который изначально был нацелен в значительной степени на выявление отношений власти в повседневной коммуникации. Необходимо вернуться к этнометодологическим корням этой теории и понятию общего фонового знания Г. Гарфинкеля, которое делает возможным понимание между носителями одной культуры. Позиционная динамика в наших интервью зачастую представляет собой не столько борьбу за право на экспертное высказывание, сколько процесс выявления общих знаний об обсуждаемом предмете. Ведь моим собеседникам необходимо решить, о чем им рассказывать в ответ на мои вопросы, и какую степень прояснения деталей выбрать. Моя же задача исследователя в том, чтобы получить как можно более подробные рассказы о личном опыте или мнения. Переопределение и новая со-настройка позиций может произойти в любой момент разговора.

Так, в моем интервью с А.В. есть два эпизода настройки позиций, где на кону оказывается знание истории садовых товариществ середины 1980-х. Итогом первого эпизода, в самом начале интервью, стало соотношение позиций, характерное для сюжета исследовательского интервью: исследователь (интервьюер) признает за информантом право на уникальное, экспертное знание и его изложение, но и информант понимает, что исследователь тоже обладает некоторым авторитетным знанием по обсуждаемым вопросам и потому не нуждается в чересчур подробных объяснениях (подчеркнут эпизод настройки):

А.В.: *(короткий вздох)* Ну, это в (19)85-м году, когда была целая эта кампания – обеспечить Продовольственную программу за счет рук самих потребителей, да? *(с улыбкой и вздохом)*

А.К.: Угу.

А.В.: Вот. И тут вокруг города стали создаваться вот такие анклав: ну, по предприятиям собирались, это, как, составлялись списки желающих. Да? Ну, это, наверное, история известная?

А.К.: Ну, тоже везде по-разному происходит. Как-то оно.

А.В.: Ну, может быть, да. И, вот, там, где я работал, еeh тоже была такая органи[зация]... (5_АВ)

Информант осторожно выясняет, знает ли его собеседник историю садоводств 1980-х. Интервьюер дает нейтральный ответ, который оставляет А.В. возможность рассказать свою версию истории. Но тот игнорирует этот «слот» и тут же переходит к рассказу о собственном участке.

Ближе к концу второго часа интервью происходит новая настройка, и на сей раз она заканчивается сменой позиций (подчеркнут эпизод настройки):

А.К.: А зеленая зона – это вот... что такое?

А.В.: Зеленая зона – это т... как бы... ну... кто-то планировал ведь это, да? участки.

А.К.: Угу.

А.В.: Это был какой-то, наверное, НИИ, там, да... планировал. Ну, в общем-то, хорошо сделал он. еeh Плохо то, что еeh как сказать? ну это партия и правительство выделила мало еееееh земли, потому что шесть соток, конечно, это убого, да? Вот. И места плохие нам выделили. Эти тоже ведь... Это ведь, вот... Вы представляете здесь, где вот в (19)85-м году появились садоводства, да? В Ленинградской области. Представляете?

А.К.: Ну вот у нас у самих с (19)82-го садоводство, (смеется) так что...

А.В.: Вот (19)82-й – это ещё не то!

А.К.: Ещё не то, да?

А.В.: Это... это... это не те садоводства. А вот была как раз вот эта... эта горбачевская Продовольственная программа, да? (5_АВ).

Вопрос исследователя о зеленой зоне⁶⁰ наводит А.В. на подозрения, что его собеседник не так уж хорошо разбирается в истории СТ, как могло показаться. После сбивчивой попытки сформулировать ответ он задает прямой вопрос к познаниям интервьюера и тем самым запускает новую настройку позиций. Ответ, в котором звучит ссылка не на научный источник, как подобает исследователю, а на личный опыт, вероятно, подкрепляя более ранние подозрения А.В., создает условия для смены позиций и коррекции сюжета, по правилам которого разворачивается наше взаимодействие. Ведь опыт человека, который в 1982 г. ещё даже не родился, имеет ничтожный авторитет, иллюкутивная сила такого высказывания в диалоге со старшим по возрасту очень мала. Теперь А.В. занимает позицию эксперта по истории садоводств горбачевской эпохи, чей авторитет основан на личном свидетельстве, и впервые за все время разговора рассказывает не о своем участке, а в целом о ситуации в садоводствах, созданных после 1985 г. Сюжет сдвигается в сторону экспертного интервью, где информант делится не только своим личным опытом, но и знанием о более общих процессах. Если до этого складывалось впечатление, что история садовых товариществ А.В. совершенно не интересует, то тут становится ясно, что у него в запасе немало критических суждений и иллюстраций из жизни на эту тему. И похоже, что эти суждения он полагает достаточно очевидными для всех, кто знаком с этой эпохой не понаслышке, и потому делится ими, только убедившись, что его слушатель не обладает этим знанием.

В интервью с Ю.А. (2_ЮА) можно наблюдать несколько иное распределение тех же иллюкутивных ресурсов. Ещё до начала интервью я сообщила, что у меня тоже есть садовый участок. Вероятно, поэтому информант сразу же распознал меня как собеседника не только компетентного, но разделяющего с ним многие фоновые знания – такого же садовода-обывателя, который так же погружен в садоводческую жизнь. Сбой возникал, когда я задавала вопрос, с его точки зрения, наивный и демонстрирующий незнание очевидных вещей из садоводческой повседневности (а именно: где он нашел тракториста, чтобы затащить сборный домик на участок, или помогает ли сейчас организация своему садоводству). В такие моменты возникали эпизоды новой настройки позиций, на сей раз по моей инициативе, и разворачивались они по одной и той же схеме:

А.К.: вопрос («А они [организации] как-то помогают садоводству? Вообще помнят о нем?»).

Ю.А.: изумление, смех, переход на «ты» => позиционирование интервьюера как

---

⁶⁰ Зона между участками, которая входит в категорию земель общего пользования и должна служить для коллективного отдыха и для защиты от пожаров.

наивного слушателя (*смеется*) «Неет! (*эмоционально*) Ну что ты! Сейчас уже никто никому не помогает. Спонсоров уже таких... нет»).

А.К.: корректировка и прояснение формулировки вопроса => обоснование осмысленности вопроса и своей компетентной позиции исследователя («Просто мне интересно даже, остались ли садоводства приписанными к этим организациям»).

Ю.А.: переключение на серьезный тон, вдумчивый ответ => признание осмысленности вопроса и компетентности собеседника («Я не думаю... (*медленно*) У нас как бы своя печать... ну что тут...»).

Когда я поясняла связь своего частного вопроса с более широким интересом исследователя, Ю.А. соглашался временно сдвинуть наше взаимодействие ближе к исследовательскому интервью с соответствующим раскладом позиций, где мое «незнание» становилось профессиональным, а его знание «очевидностей» нуждалось в проговаривании. Кроме того, в эти моменты я сама, будучи на тот момент начинающим интервьюером, проговаривала и осваивала позицию исследователя в интервью, которая, в отличие от позиции обывателя, хорошо информированной о частных мелочах одного (своего) случая, более информирована о разнообразии случаев и заинтересована в обобщениях.

В разговоре с Л.А. настройка позиций происходит в первые четыре минуты, и на кону оказываются не столько позиции, сколько сюжетная линия: интервью - деловая беседа незнакомых людей или праздный разговор с подругой дочери, зашедшей на семейный праздник? За каждым из сюжетов стоит свой уровень общих очевидностей и необходимости экспликации контекста. Беседа мало знакомых людей, в особенности - интервью, требует высокой степени прояснения контекста. В праздной беседе между старыми друзьями это не требуется: во-первых, они и так много знают друг о друге, во-вторых, информирование – далеко не главная задача такой коммуникации, детальное знание обстоятельств обычно не требуется. Я уже упоминала о противоречивой ситуации этой встречи: я пришла взять интервью для диссертации на праздничный обед вместе с дочерью Л.А. С дочерью мы дружили, а вот с самой Л.А. я увиделась впервые. Моя собеседница начинает с официального «вы», но к концу четвертой минуты своего монолога, сопровождаемого моим активным слушанием, делает пробный переход на фамильярное «ты», а я поддерживаю этот шаг разговорной формулировкой своей реплики:

Л.А.: ...Ну что, пойдем, перерывчик сделаем? Что дальше-то ещё рассказывать?
(*смеется*) Не знаю, да!

А.К.: Так я, я – чё, у меня вопросов-то много!

Л.А.: Да? Давай! *(со смехом)* (4_ЛА_АМ).

Далее Л.А. обращается ко мне на «ты», но при этом раскрывает некоторые детали контекста: расшифровывает аббревиатуру («Я поступила работать в Ленинградский государственный проектный институт»), называет имя и фамилию своей подруги детства и имя и отчество своего свекра (правда, не называет по именам других родственников). Так Л.А. выходит из двусмысленной ситуации: позиционирует меня одновременно и как друга семьи, и как исследователя-интервьюера и далее поддерживает гибридную сюжетную линию интервью и праздной беседы с гостем.

Специфика нашего интервью с М.Г. в том, что, с одной стороны, мы с ним – соседи по садоводству, и у нас много общих знаний, более того, о современной географии окрестностей я знаю больше, поскольку М.Г. на тот момент в силу возраста стал ездить на дачу реже. Но в то же время, М.Г. значительно старше (1930 г.р.) и он наблюдал наше садоводство с самого зарождения в начале 1980-х гг. Наши знания о прошлом и о настоящем садоводства дополняют друг друга и отчасти перекрываются, и в нашем разговоре мы постоянно нащупываем эти наложения и провалы и лавируем между ними, со-настраивая, поддерживая и осваивая позиции представителей двух разных поколений старожилов:

М.Г.: Да, от платформы все ходили с тачками с этими, с тележками, по асфальту, а потом протоптали дорожку вот через поле. Так доходили до деревни, до первого дома, вот там где аисты эти живут, там желтый автобус стоит.

А.К.: Да-да-да, давнооо стоит!

М.Г.: Вот до него доходили, потом через кювет прыгали и шли через поле на – ориентир был: тут стояла деревянная триангуляционная вышка.

А.К.: Даа, а сейчас что-то нет, по-моему.

М.Г.: Это если идти... Ты там не ходила, наверное.

А.К.: Да я там ходила, только вышку не видала.

М.Г.: Да её спилили! На дрова.

А.К.: Seriously?

М.Г.: Да. Тогда ведь ещё не было этих самых... а... «олимпийцев»-то⁶¹. И она стояла, и это был ориентир. Поворачиваешь в поле и идешь на неё. И выходи[шь]... потом протоптали уже эту дорожку. Сначала ведь там сеяли. Вот это поле.

А.К.: Да, ещё тогда сеяли?

⁶¹ «Олимпийцы» - жители СНТ «Олимп».

М.Г.: Сеяли. А люди ходили и протоптали дорожку. Потом клевер сажали (1_МГ).

Наше взаимное позиционирование земляков и равных экспертов по исторической географии нашего СТ дает микросбой, когда доходит до вышки, которой я не застала. Мой собеседник великодушно сохраняет за мной право на равную ему историческую глубину знаний, предполагая, что я просто не бывала в тех местах. И только когда я настаиваю на своей географической компетентности («я там ходила»), замечает, что вышку спилили, видимо, ещё до того, как я успела побывать рядом с ней, указывая тем самым на свое преимущество возраста. Уже в следующем обмене репликами мы снова оказываемся в области общего знания: я показываю осведомленность, что упомянутое поле за лесом когда-то было засеяно, М.Г. подтверждает. Общий смысл же этого обмена репликами для нас обоих – не соревнование в познаниях, а собирание общей картинки истории нашего товарищества, и каждый из нас делает посильный вклад. Причем мы не только опираемся на доступные нам ресурсы, но и делаем их видимыми в разговоре и тем самым добавляем картине сложности и глубины: перед читателем расшифровки разворачивается не только история СТ, но и ландшафт знания и памяти разных поколений его жителей, которые мы представляем.

Во всех приведенных случаях эпизоды со-настройки позиций меняют сюжетную линию, т.к. конвенции интервью нарушаются: информант начинает задавать вопросы интервьюеру или интервьюер и информант становятся равными собеседниками. Таким образом, хотя такие эпизоды необходимы, чтобы интервью стало возможно, сами они организованы не по правилам интервью и демонстрируют проницаемость границ этого сюжета (или, в терминах традиции М. Бахтина, жанра (Koven, 2014)).

4.2.2. Манипулирование точками зрения во «внутренних диалогах»

М. Бахтин предлагал различать разные голоса в пределах высказывания одного человека – «внутренние диалоги» (Бахтин, 1972, 459). Б.А. Успенский описывал множественность перспектив внутри одной реплики как совмещение точек зрения (Успенский, 1970). Манипулируя точками зрения, собеседники в разговоре могут передавать сложные, многомерные или незавершенные, открытые интерпретациям значения.

4.2.2.1. Инсценировка диалога в лицах: обманутые ожидания

Поясняя нежелание председателей современных СНТ откликаться на просьбы районной налоговой службы о помощи с адресами налогоплательщиков и обосновывая несправедливость

возложенных на современных садоводов налогов, Т.А. рассказывает об огромных усилиях, вложенных ею в полученный от государства садовый участок:

Т.А.: Раз нам никто не помогает, а вот взвинтили так налоги, что за болото мы платим как за земли сельхозназначения! а там... чтобы их сделать сельхоз,

А.К.: *(тихий смешок)*

Т.А.: вот я 15 лет там это все в них втюхиваю – и толку-то... Только вот та грядочка, которую я насыпала, – она ещё что-то может родить, а все остальное... Кислые почвы, на которых **ничего никогда** не могло расти! Я с это... когда получила этот участок, меня на работе спрашивают: "Т., а что за земля?" Я говорю: "*Прекрасная*, черная! Прекрасная земля!" – "Ну, какая почва-то?" Я говорю: "Я ж сказала: прекрасная", – "А что растет на ней?" Я: "Ни-че-го!" *Гладкий* участок был! То есть настолько кислый торф, что ни одна травинка там не цеплялась. Вот сейчас, конечно, травы много, поскольку #15 лет там...#

А.К.: #Удобряли, угу...#

Т.А.: навоз, песок, там ещё что-то там,

А.К.: Угу.

Т.А.: это, какие-то удобрения (3_ТА).

Т.А. представляет себя здесь хозяйкой, которая своими руками за годы труда превратила доставшийся ей бесплодный торф в цветущий сад. С помощью инсценировки диалога со своей коллегой она показывает, как начинался этот ее путь. В мире своего рассказа моя собеседница конструирует точку зрения другого человека и делегирует ей наивное ожидание блага, плодородной земли, от предоставленного участка. Сама же она в этом внутреннем диалоге оказывается носителем трезвого, ироничного, умудренного жизнью взгляда. И поскольку мы уже знаем, что Т.А. удалось превратить черный торф в прекрасную землю, в ее ироническом ответе коллеге слышится не только разрыв между желаемым и действительным, но и решимость его преодолеть. Но главное для Т.А. здесь – ее отношение к государству. Через конструирование и оркестровку разных точек зрения она показывает одновременно и ожидания, и реальность: как мог бы ожидать человек наивный и доверчивый, государство могло бы раздать под садовые участки хорошую плодородную землю, но, тем не менее, была роздана бесплодная земля. Конструирование наивной точки зрения усугубляет аномальность ситуации, когда за бесплодные земли, восстановленные трудами самих садоводов, взимаются налоги по категории сельскохозяйственных угодий. Кроме того, описывая, как создавала плодородную землю из кислого торфа, Т.А. подкрепляет образ себя – самостоятельной независимой женщины, который последовательно конструирует в нашей беседе.

Мое участие на этом участке более крупной секвенции не очень заметно – я только поддерживаю и достраиваю картину, которую разворачивает Т.А., смешком, активным слушанием или дополняющей репликой. Но моя роль в этой секвенции в целом, в создании возможности для появления этого эпизода, очень велика, поскольку здесь я веду себя скорее как равноправный собеседник, чем как интервьюер, и активно делюсь с Т.А. своими знаниями. Так, поговорить о налогах предложила я, когда, желая дать совет, рассказала Т.А. о своей встрече в Доме садовода, где я услышала о варианте решения налоговой проблемы в СТ. И в дальнейшем я подхватила введенную здесь Т.А. тему отношений садоводов и государства и рассказала о запрете давать под садовые участки плодородные земли, что только укрепило мою собеседницу в вере в несправедливость государственной политики в отношении садоводов.

4.2.2.2. Скрытая инсценировка: практики эпохи дефицита в современном мире

Бывает, что внутренний диалог происходит скрыто, и наличие второй точки зрения можно различить лишь по косвенным признакам. Например, когда говорящий иронизирует. Мой собеседник Ю.А., галантный пожилой человек, автомобилист, садовод и строитель своего садового домика, – мастер иронии, высказываний с двойным дном, намеков и полунамеков. Его излюбленные инструменты указания на наличие скрытого подтекста – интонация, смешки, выразительные паузы. Интервью с ним относится к раннему этапу моей полевой работы (декабрь 2007), когда я предпринимала много усилий, чтобы показать свою солидарность с информантом. Поэтому я старательно поддерживала его «двойные» высказывания смехом, показывая, что распознала наличие подтекста, даже если не понимала, в чем именно он заключается. Иногда это приводило к сбоям понимания.

Ю.А.:...Сейчас у меня вообще *«идея-фикс»* (выделяет тоном).

А.К.: Угу.

Ю.А.: (*смешок*) Дело в том, что еeh... ну... когда я строил домик, в общем-то, материалов-то практически не было никаких. Был «Юный техник» магазин,

А.К.: Угу.

Ю.А.: так? Был магазинчик от завода Егорова, где продавали всякие отходы. Вот... И ещё какой-... а, «балалаечная фабрика» (*смеется*)

А.К.: Какая фабрика?..

Ю.А.: Вот. Ну, есть такая фабрика еeh m... m.... таких вот инструментов. Ну, там где гитары продавали,

А.К.: Аа! (*смеется*)

Ю.А.: Вот. Это на Чапаева.

А.К.: А, да-да-да, знаю её хорошо. Ага.

Ю.А.: Вот. И вот там всякие разные отходы.

А.К.: Деревяшки? *(смеется)*

Ю.А.: Да... И очень много ДСП я оттуда вывез. Вот. И домик оббивал этими ДСП *(медленно, задумчиво)*.

А.К.: Мм.

Ю.А.: Ну, они такие, трухлявые, вот, поэтому сейчас я занят тем, что *(тихий смешок)* я собираю выброшенные «полировки» от шкафов *(смеется)*

А.К.: Аа! *(тихо смеется)*

Ю.А.: Вот. И весь свой дом... – у меня теперь домик-пряник. Вот.

А.К.: Как шкаф *(смеется)*.

Ю.А.: А?

А.К.: Как шкаф *(смеется)*.

Ю.А.: Да. Да. Вот. Это – ну да, экспериментальная вещь... *(смешок)* (2_ЮА).

В истории о том, как в середине 2000-х мой собеседник вместо ДСП, добытых во времена дефицита и уже пришедших в негодность, оббивает свой домик найденными на свалках панелями шкафов, я считываю особую интонацию и смешки как знаки иронии. Я не только поддерживаю шутивную модальность его рассказа смехом, но и пытаюсь вступить в игру, сравнивая «домик-пряник», обитый деталями мебели, со шкафом. Ю.А. переспрашивает, что уже заставляет предположить, что мы с ним находимся на разных «волнах». Получив ответ, он реагирует сдержанно и переиначивает мое шутивное определение, добавляя своему строительному решению больше весомости и корректируя модальность: не «шкаф», а «экспериментальная вещь». И тут же приводит аргумент в обоснование рациональности своего выбора:

Ю.А.: Ну а что? Полированный, красить не надо (2_ЮА).

Мой репликовый ход выводит разговор на новый тематический виток. И постепенно ситуация проясняется:

А.К.: Ну сейчас же материалы не так уж сложно достать.

Ю.А.: У меня денег нет теперь! *(шутивно обиженным тоном)* *(усмехается)*.

А.К.: Аа! Ну да.

Ю.А.: Нет, ну, материалы можно достать (*со смешками*), только что с деньгами сложность. Да ну! Да и смысла нету. Ну- ну какой смысл?

А.К.: В смысле, это, покупать?

Ю.А.: Да.

А.К.: А, если валяется, да?

Ю.А.: Платить большие...

А.К.: Угу.

Ю.А.: деньги. Ну и... Вот мне говорят, что вот эта полировка, значит, она долго не выдержит, на морозе, там, потрескается, то, сё. Ну потрескается – хрен с ним! Тогда я возьму дрель, возьму эту самую, корщетку, немножко зашершавлю

А.К.: Аа.

Ю.А.: эту полировку и покрасу (2_ЮА).

Резкое снижение уровня жизни семьи Ю.А. после перестройки – постоянно возникающий мотив в нашем разговоре. Мое замечание игнорирует это не проговоренное, но подразумеваемое по умолчанию обстоятельство. Зато таким образом я побудила моего собеседника прояснить и более четко обозначить ту критическую точку зрения, с которой он полемизировал с самого начала эпизода, и локализовать самого себя в этой полемике. И вот тут, задним числом, стало понятно: когда Ю.А. называет свой проект «идеей-фикс», т.е. затеей, которая не имеет никаких рациональных оснований и оправдана только силой иррационального желания своего начинателя, он озвучивает мнение тех, кто указывает ему на хрупкость «полировок».

Чтобы отделить точку зрения самого Ю.А. от представляемой им тут же точки зрения скептиков, не одобряющих его затею, нужно принять во внимание и выбор лексики, и интонацию, которую ухо распознает как ироническую. Именно с помощью интонации Ю.А. дистанцируется от точки зрения, которую исполняет, но не разделяет. Этот зазор отмечен смешками. Исключением из локального правила становится вставка о «балалаечной фабрике», где смех подчеркивает шуточный характер вернакулярного названия фабрики им. Луначарского – ленинградской фабрики музыкальных инструментов, которая служила надежным источником полезных в хозяйстве отходов для садоводов-любителей.

Но когда Ю.А. сообщает о результате своих трудов – «у меня теперь домик-пряник», – он оценивает его положительно, усиливая эту оценку с помощью ровного и серьезного тона. Тут признаков расщепления нет, мой собеседник говорит только от своего имени, гордый удавшимся проектом. И потому моя шутка про шкаф не встречает понимания. Ведь Ю.А. не шутил. Для него в «домике-прянике» из остатков мебели нет ничего комического. И себе он

отводит в этой истории благородную роль изобретателя, создающего «экспериментальную вещь», тем самым на секунды дистанцируясь от клиентов городских свалок и домашних мастеров на все руки. Таким образом он также вводит расщепление субъекта, конструируемого дискурсом о труде-творчестве и «сделай сам», но ненадолго, поскольку далее мотивы бережливости и мастеровитой находчивости снова выходят на первый план.

Своим замечанием о стройматериалах я невольно присоединилась к критикам Ю.А. После этой осечки мой собеседник отказался от экспериментов с двойными посланиями и от параллельного говорения с разных точек зрения. Его смех теперь указывает не на расщепление рассказчика, а на его сложные отношения с постсоветским миром, где появились материалы, но не стало денег. Ю.А. напоминает мне о финансовых проблемах, которые вынудили его вновь обратиться к строительным практикам времен дефицита, обосновывает свое технологическое решение, а главное – эксплицирует и окончательно делегирует другим его критику: «Вот мне говорят...».

Дальше я выражаю солидарность с Ю.А.:

А.К.: А, ну логично, да.

Ю.А.: Ну конечно.

А.К.: Дерево-то #останется.#

Ю.А.: #И будет очень хорошо.# (2_ЮА).

Этот эпизод определил мое дальнейшее речевое поведение: стремясь загладить случившийся сбой, далее в нашем разговоре я ещё дважды похвалила экономичные идеи Ю.А., связанные с улучшением домика (в частности, идею обить фасад плинтусом, купленным по дешевке).

Точка зрения, занимаемая здесь Ю.А., принадлежит рассмотренному в Главе 3 советскому дискурсу труда-творчества, который поощрял научно-техническое и бытовое творчество советских людей и инфраструктурно поддерживался, в том числе, упомянутыми Ю.А. магазинами «Юный техник». В перестроечные времена тотального дефицита такие тактики доморощенного экспериментаторства были ещё абсолютно легитимны. Но наш разговор происходит в середине 2000-х, когда в прошлом осталась и советская цивилизация, и первое постсоветское десятилетие. Уже можно найти доступные строительные материалы, а требования к качеству строительства возросли. Теперь любительский подход оказался проблемным, а его выбор требует обоснования. В какой-то момент Ю.А. даже чувствует необходимость модификации этого дискурса и отделения субъектной позиции экспериментатора от домашнего умельца. Видимо, в постсоветском обществе, где

профессионализм и состоятельность ценятся выше, чем навык бытовой экономии, экспериментатор – более понятный и приемлемый персонаж, чем домашний мастер на все руки. С помощью полифонического приема расщепления точек зрения Ю.А. инсценировал этот конфликт интерпретаций своего проекта обшивки дома и практик хозяйствования эпохи дефицита в целом.

4.2.3. Коммуникативные проекты собеседников

Как подметили М. и Ч. Гудвины, у каждого участника беседы есть свой проект коммуникации, который определяет его речевое поведение (Goodwin, Goodwin, 1987). В глубинном интервью интервьюер стремится минимизировать свое влияние на коммуникативный проект собеседника, надеясь таким образом получить доступ к миру его опыта за пределами конкретной беседы. Но случается, что проекты сталкиваются, и такие столкновения помогают прояснить их устройство. В моем корпусе столкновения проектов можно наблюдать в беседе с Ю.А., поскольку он делает между фразами такие большие паузы, что я часто принимаю их за окончание ответа на мой вопрос, и тогда новую очередь мы с ним начинаем одновременно. При этом он чутко реагирует на мои реплики и обычно прерывается, чтобы на них ответить. Но по его фальстартам можно догадываться о первоначальном проекте высказывания.

4.2.3.1. Столкновение проектов: «дача по образу и подобию»

Ю.А. рассказывает о строительстве садового домика от первого лица как о своем полностью самостоятельном предприятии, и говорит спокойно и размеренно, пока я, думая, что он закончил, не задаю вопрос.

Ю.А.: Потом еееh... к этому домику я пристроил верандочку, ещё три на пять.

А.К.: Ага! Это в том же году?

Ю.А.: Да, в том же году. Потом построил общую крышу.....(2) Так? Получился у меня дом.....(2)

А.К.: Сами все делали?

Ю.А.: Шесть... Ну, я... н- н- нанимал одно- рабо- рабочего. Одного. И сам участвовал в этом деле. В результате у нас получился приличный дом. Пять на шесть (2_ЮА).

Мое вторжение заставляет Ю.А. сменить первоначально выбранную траекторию рассказа и упомянуть о помощи рабочего. На внезапность, отсутствие первоначального плана говорить об этом, указывают хезитации, которые внезапно прорываются в его речь. При помощи фразы о приличном доме мой собеседник возвращается к прерванной линии и заканчивает начатую, было, реплику о размере дома. Если бы не мой вопрос, помощник мог бы и не всплыть в рассказе.

Ситуация почти в точности повторяется через 17 минут разговора, когда Ю.А. вспоминает, что первым был построен на участке не садовый домик, а туалет:

Ю.А.: Да. Туалет мы построили довольно большой, (*выразительная пауза*)

А.К.: (*смеется*)

Ю.А.: два на метр, потому что mm вот эта вторая часть используется как кладовка для инструмента.

А.К.: Угу.

Ю.А.: Садового.

А.К.: #Туалет сами строили?#

Ю.А.: #Ну, лопаты...# Вот это точно сам!

А.К.: (*смешок*)

Ю.А.: (*смешок*) Очень легко и просто (*усмешка*) (2_ЮА).

На сей раз я беру очередь с вопросом о туалете, не дожидаясь структурно оформленного окончания рассказа. Ответ Ю.А. содержит отсылку к моему предыдущему вторжению и косвенно – подтверждение, что тот свой проект рассказа он скорректировал именно в ответ на мою реплику: туалет построил - «точно сам», здесь точно корректировать нечего (т.е. ранее - было). Происходящее напоминает игру в кошки-мышки: как будто бы я пытаюсь уличить Ю.А. в сокрытии помощников при строительстве дома. Смех помогает нам обоим смягчить это ощущение, пережить его как игру, а не как «допрос с пристрастием».

Но странное дело: уже в следующей секвенции, через несколько секунд, оказывается, что и туалет Ю.А. строил не один, а с приятелем:

А.К.: До сих пор стоит?

Ю.А.: До сих пор стоит.

А.К.: Хорошо строили, значит! (*со смехом*)

Ю.А.: Да а что! хорошо строили.

А.К.: (*смешок*)

Ю.А.: Поставили на шпалы... Там какие-то шпалы старые мой приятель скинул (у него были там какие-то старые шпалы). Поставили на старые шпалы. А так – чего там? Две стойки... раз, два – мы вдвоем с ним сразу собрали, вот, значит...

А.К.: С приятелем?

Ю.А.: по отдельности... – Да. – стенки сделали на земле, а потом вот подняли – и...

А.К.: *(смеется)* Ага.

Ю.А.: собрали и не- не было- нет проблем. До сих пор стоит. Вот (2_ЮА).

Ю.А. снова прерывает свой рассказ, чтобы ответить на мой вопрос о приятеле коротким «да», но не замечает противоречия, на которое мой вопрос намекает. Однако уже в следующей секвенции он сам возвращается к теме самостоятельности своего строительства. В ответ на мой вопрос о том, кто ездил с ним на дачу в первые годы, Ю.А. рассказывает, что охотнее всего с ним ездила маленькая, девяти-десяти лет, дочка:

Ю.А.: Ну, в основном, мы с реб[енком]... с дочкой, да, это все делали.

А.К.: Она строить помогала?

Ю.А.: Нет, строить она не помогала *(весело)*.

А.К.: *(смеется)*

Ю.А.: Строил я – сам в основном. Ну вот, ей мне действительно помогли, там, вот это... стойки поставить, крышу сде[лать]... крышу сделать – помогли, а остальное: там, внутренняя отделка вся и наружная отделка, – это, в общем, mm моя работа. mmmm....не тяжело это было как-то. Тогда, по крайней мере (2_ЮА).

«Действительно» в последней реплике Ю.А. отсылает к тому эпизоду, когда я невольно напомнила ему об участии рабочего в строительстве дома. Это значит, что мой шуточный вопрос о дочке, которая, конечно, могла помогать на строительстве только символически, он прочитал как очередное напоминание об упущенной из внимания посторонней помощи. Далее его реплика развивается как метакомментарий к секвенции о рабочем: Ю.А. восстанавливает связность своего рассказа, четко разъясняет, что делал сам, а с чем помогали, и тем самым обосновывает свое право говорить, что строил домик самостоятельно.

В рассмотренных секвенциях можно видеть, как сталкиваются коммуникативные проекты собеседников. В фокусе внимания интервьюера – самостоятельность строительства садовода. В фокусе внимания Ю.А. – сначала сборка домика, потом – простота постройки туалета, потом – интерес дочки к даче. Самостоятельность для его проекта – не фигура, а само

собой разумеющийся фон. Фигурой ее делает мое вмешательство, которое побудило его скорректировать свой проект в первой рассматриваемой секвенции – сделать вставку о рабочем, а позднее – вернуться к теме участия в строительстве домика и дать общее разъяснение ситуации. Таким образом, вместе мы создаем другую реальность рассказа, чем он создал бы в монологическом режиме.

Забвение помощи рабочего в первоначальном проекте рассказа Ю.А. о строительстве домика – не случайность. Мой собеседник продолжает придерживаться первоначального проекта в его основной линии, и корректировки лишь побуждают ее обозначить и прояснить: он убежден, что все строения на участке построил сам. Но это особая самостоятельность, которую не отменяет участие помощников, за деньги или по дружбе. Понять, как это возможно, помогает ответ Ю.А. на один из последних моих вопросов в этом разговоре:

А.К.: Ну а что вам больше всего нравится у вас на даче?

Ю.А.:....То, что я её сам сделал,

А.К.: Угу.

Ю.А.: по образу и подобию, по вкусу... своему (*со смешком*). Вот (2_ЮА).

Библейская аллюзия уподобляет отношения между Ю.А. и его участком (включая все постройки) отношениям между Творцом и его творением – человеком. Дача – воплощение творческой мысли моего собеседника. Участие помощников – несущественно, они только выполняют его указания.

Самостоятельность в строительстве садового домика важна и для других моих собеседников-мужчин из базового корпуса интервью. М.Г. вводит эту тему через противопоставление соседям, которые нанимали рабочих, и заодно подчеркивает свою профессиональную идентичность строителя (хотя, строго говоря, по специальности он инженер-гидростроитель, занимался плотинами):

Вот мой сосед С. нанял рабочих, и стали ему строить дом, а я решил, что: «Как вам не стыдно? Вы все строители, из “Главзапстроя”, а нанимаете работяг». Вот. «А я буду строить сам». И вот я начал строить себе вот мой домик (1_МГ).

А.В. увлеченно рассказывает, как без всяких плотницких навыков, «ретиво взявшись, войдя во вкус», он построил свой домик (тоже в отличие от соседа, который привез сборный дом), и тоже не забывает упомянуть свою профессию инженера-конструктора. И только в начале второго часа разговора, когда я поразились тому, как он сумел один справиться с тяжелыми

строительными задачами, выяснилось, что крыть крышу ему помогал родственник (5_АВ).

Такое понимание самостоятельного строительства характерно не только для мужчин. В детстве, когда я ещё не владела искусством языковых игр и воспринимала слова буквально, меня сбивало с толку, когда мама говорила другим, что сама построила наш домик. Ведь я своими глазами видела, что строили нанятые плотники. Но она придумала и нарисовала проект, подготовила место, доставала стройматериалы, нанимала рабочих.... Разговор с Ю.А. показал, что за концентрацией усилий по строительству садового домика в одном человеке стоит нечто большее, чем грамматическое клише (которое работает, когда мы говорим, что постриглись, хотя на самом деле наши волосы стриг парикмахер). Прочность и важность связи человека и его домика обнажились, благодаря столкновению наших с Ю.А. коммуникативных проектов. Наше взаимодействие оказалось ресурсом, который побуждал моего собеседника снова и снова, с разных сторон, прояснять и обосновывать свое исключительное право на лавры строителя садового домика.

4.2.3.2. Параллельные проекты: «Очень просто все было»

Не всегда наши с Ю.А. коммуникативные проекты сталкивались. Иногда они разворачивались параллельно, не мешая, и даже помогая друг другу:

А.К.: А вы не помните, как вот вы... еей как именно вы получили участок: как вступали в садоводство – #как это происходило?#

Ю.А.: #В садоводство?# Написал заявление. Так?

А.К.: А кому? (*смешок*)

Ю.А.: На имя председателя

А.К.: Аа.

Ю.А.: садоводства (*с усмешкой*). Очень просто все было (*усмешка*). Вот. Тут же и... правление,

А.К.: Угу.

Ю.А.: два человека,

А.К.: (*смешок*)

Ю.А.: подписали. Ну и выдали мне садоводческую книжку... Я, кстати говоря, *не приватизировал* свой участок ещё.

А.К.: Угу (2_ЮА).

Мой собеседник не особо вдаётся в детали: они для него неважны или очевидны. Детали

(на чье имя написал заявление?) отчасти выпрашиваю я, отчасти они так и остаются за кадром (где именно написал заявление и получил членскую книжку? в домике правления в садоводстве? в профкоме предприятия?). Внезапное, через связку «кстати говоря», переключение на современную тему приватизации садовых участков дает ключ к коммуникативному проекту Ю.А. в этой секвенции:

Ю.А.: *Ну а... считаю, что в принципе там едва ли ожидаются какие-нибудь серьезные... eh **стройки**, там, скажем... Нуу место ннне настолько вввыгодное, чтобы кто-то за него там дрался.

А.К.: *(тихий смешок)*

Ю.А.: Вот. Думаю, что... наверное... никто за него драться особенно не будет,

А.К.: Угу.

Ю.А.: поэтому пока подожду. Может быть...* (**медленно и задумчиво**) Потому что все эти дачные амнистии, которые есть, они настолько... **дорогие и хлопотные**.

А.К.: Это да! #Особенно хлопотные.#

Ю.А.: #(nrзб)# Кое-кто из наших это т делал, в общем-то, и знает, насколько это тяжело и... насколько это все противно. Ну и я тоже могу себе представить, потому что... я сталкивался с этим (*выходит из кухни в коридор*) (nrзб) Сейчас. (nrзб.) (*возвращается*) Ну подожду пока. Там видно будет, в конце концов.

А.К.: Да, если вам... не горит, так чего? Действительно.

Ю.А.: Ну нет, пока никто не заставляет. А там видно будет (2_ЮА).

Тогда – «очень просто все было», сейчас – «тяжело и противно», «дорого и хлопотно». Потому-то приватизация и оказалась «кстати» к разговору о приеме в члены садоводства: задача Ю.А. в этом эпизоде – сравнить «тогда» и «сейчас» и показать, насколько в советское время все было и проще, и дешевле. Его высказывание о прошлом является комментарием к настоящему. Кроме того, на этом участке секвенции, и особенно там, где формулируются аргументы, Ю.А. при помощи снижения скорости речи, умножения пауз, запинок и задумчивой нерешительной интонации создает для меня возможность высказать свое мнение по поводу его тактики в отношении приватизации, т.е. позиционирует меня как возможного советчика. Приватизация садовых участков, т.е. легитимация своего права собственности на землю в новых, постсоветских, правовых условиях, – и сейчас ещё актуальная тема для многих садоводов (см. Глава 2). Ю.А. не уверен в правильности своего решения и готов обсудить его со мной. И тогда сюжетная линия нашего взаимодействия сменилась бы с интервью на дачный разговор о приватизации, и мы провели бы раунд-другой обмена где-то услышанной или

прочитанной информацией и мнениями. Однако я мягко отклонила эту возможность, когда вежливо поддержала решение Ю.А. и уже в следующей очереди вернула его к своему первоначальному вопросу, на сей раз несколько сузив фокус внимания (и заодно заново утвердив свою позицию исследователя и интервьюера):

А.К.: А все-таки вот, когда вы вступали в садоводство, вам даже не пришлось платить целевые взносы? #Или вступительные?#

Ю.А.: #Нет, ну целевые взносы#, какое-то небо[льшие]... это очень небольшая сумма была.

А.К.: Угу.

Ю.А.: Вступительный взнос там очень не большой, настолько не большой, что я даже не помню,

А.К.: *(смешок)*

Ю.А.: платил *(со смешком)* я его или нет. То есть, видимо, это было совершенно не в напряг.

А.К.: Просто тогда очень интересно была обставлена процедура продажи участка. Там прежний хозяин возвращал целевые взносы, или... – нет, ему возвращали целевые взносы, а новый хозяин их выплачивал.

Ю.А.: #Ну я не знаю,#

А.К.: #А вступительные там были как-то отдельно.#

Ю.А.: возвращали или не возвращали,

А.К.: У нас так *(со смешками)*.

Ю.А.: но я думаю, что еей те суммы, которые, вот, были – вначале, по крайней мере, закладывались – настолько мизерные, что едва ли в то время... (2_ЮА).

Вопрос о вступлении в садовое товарищество, который открывает эту секвенцию, я задала после того, как с удивлением узнала, что Ю.А. в 1989 г. не покупал свой участок, а получил его бесплатно, поскольку на тот момент в садоводстве было много свободных участков. При этом он не работал в организации, которой принадлежало садоводство, а просто захотел взять участок рядом с участком своего друга. Действительно, как говорилось в Главе 2, Типовой устав 1988 г. существенно расширял возможности получить садовый участок. Может быть, Ю.А. удалось сойти за «работника данной отрасли», поскольку садоводство принадлежало одному ленинградскому НИИ, а он тоже в то время ещё преподавал. А может быть, он получал участок, когда последний Типовой устав уже отменили (как раз в 1989 г.) и

правила приема новых членов стали полностью зависеть от локальных обстоятельств каждого конкретного товарищества.

Меня в этом эпизоде нашего разговора интересовало, как в 1989 г., в этой особой исторической ситуации распутья, могла выглядеть процедура выдачи участка и приема в члены садоводства. На заключительном участке секвенции я попыталась побудить Ю.А. сравнить свой опыт с моими познаниями об официальной процедуре передачи участка, которая предписывалась Типовым уставом до 1989 г.

Моему собеседнику, однако, ни эти процедурные подробности, ни исторический контекст в целом, неинтересны. Он использует мои реплики как ресурс, чтобы дальше разворачивать собственный проект, а именно, указать, насколько небольшими были выплаты, которые в те времена могли требоваться от садоводов. Развиваясь какое-то время параллельно, здесь наши коммуникативные проекты встречаются, но один не подрывает другой, а ассимилируется им.

Удерживая в фокусе внимания обе магистрали беседы, а не только линию информанта, можно на контрасте с линией интервьюера более четко увидеть акценты, которые расставляет собеседник. Именно сочетание двух наших линий позволяет разглядеть корни пренебрежительного отношения Ю.А. к современным процедурам вывода садовых участков на рынок земли, которое характерно для многих садоводов старшего поколения (ср.: «Ну это же тогда было элементарно просто. Никто же не думал тогда, что нужна какая-то приватизация, шматизация... ну, глупости это все были», – комментирует М.Г., описывая, как женщина из его организации передала свой участок другому сотруднику в 1980-е гг. (1_М.Г.)). В его опыте советская система распределения участков сработала настолько гладко, что он ее почти не заметил. Получить участок на излете советской эпохи показалось Ю.А. настолько просто и дешево, что сейчас он не понимает, зачем нужны такие бюрократические сложности и дорогие процедуры, чтобы оформить собственность на тот же самый участок.

4.2.4. Сенсорный опыт как совместное достижение в интервью

Мелисса Колдуэлл отмечала, что российская дача – это, прежде всего, особый телесный опыт: усталость от работы в огороде, отсутствие бытовых удобств – и тут же наслаждение результативным физическим трудом и близостью к природе (Caldwell, 2011, 52). Крис Тилли изучал не российских дачников, а английских и шведских садоводов-любителей, и тоже пришел к выводу о важности для них сенсорного опыта сада, особенно тактильного, который оказался наименее отрефлексирован, т.е. наиболее сложно переводим в слова (Tilley, 2006). Сара Пинк указывает, что вовлекаясь вслед за информантом в какой-либо сенсорный опыт, исследователь

получает шанс обучиться тому, как интересующие его явления проживаются, ощущаются носителями культуры, а также освоить соответствующие категории языка (Pink, 2009, 72). Этнометодология Г. Гарфинкеля дает инструмент, чтобы исследовать, как это обучение происходит внутри коммуникативного взаимодействия, когда предлагает изучать сенсорное восприятие «как совместное практическое ситуативное достижение, а не индивидуальный когнитивный феномен» (Попова, 2017, 224). Кристина Попова пишет о перспективах этнометодологии только для визуального восприятия, но, как будет показано в этом разделе, метод работает и для других модальностей. Когда мы разговаривали на садовом участке, случилось, что мои информанты пытались разделить со мной свой сенсорный опыт дачи.

4.2.4.1. Как проживает дом его строитель?

Наш разговор с А.В. проходит в том самом садовом домике, который он строил, и ресурсы окружения включаются в нашу беседу:

А.В.: Вот эти бревнышки, они очень хорошие, они пошли мне все на стойки, вот, это вот, вот, *(звонко стучит по стене)*

А.К.: Угу.

А.В.: типа такого, да? Это потом обрубается топором, там, да? Вот, это стойки. Стойки – это все как раз вот оттуда. И доски. Вот это... вот эти доски *(стучит, звук звонкий, но более деревянный)* – они, в общем-то, ну вот... они... ну, как-то я их там обработал, да? но это вот – бывший горбыль. Но

А.К.: Угу.

А.В.: есть горбыль тонкий, а есть толстый, да? Ну это вот толстый горбыль *(стучит глухо)* – вот сюда. А потом я не... купил немного, совсем немного, да? **обрезной доски**, да, вот, как бы вот такая, *декоративная* доска – это уже, вот...

А.К.: Вот, вот эта? *(показывает на подоконник)*

А.В.: Да, да. Это...

А.К.: Как же она называется... *(бормочет, пытаясь вспомнить)*

А.В.: это уже более, менее, вот, купленная, так сказать... это не горбыль, да? (5_АВ).

Эта секвенция продолжает рассказ А.В. о том, какие строительные материалы он достал когда-то для своего домика. Бревнышки и горбыль (крайняя доска при распилке бревна, выпуклая с одной стороны) использовались для наращивания бортов товарных вагонов,

которые доставляли грузы на завод. После доставки эти материалы шли в отходы, и А.В. удалось договориться и купить их по дешевке.

Рисунок 3. В домике А.В. За этим столом в «большой комнате» проходило интервью. Открытая папка лежит перед моим местом. А.В. сидел напротив. В правом углу видна стойка. Стена из горбыля под окном закрыта обоями.

А.В. предлагает мне увидеть в стене дома сочетание материалов, добытых из разных источников и в разное время, т.е. фрагмент истории строительства. Он обращает мое внимание на стойки и на два вида досок обшивки стены (горбыль толстый и горбыль тонкий). И тут же рассказывает и показывает жестами, как бревнышки превратились в стойки («Это потом обрубается топором, там, да?»), и горбыль тоже был самостоятельно обработан до состояния ровной доски («ну, как-то я их там обработал, да?»). Когда А.В. называет следующий тип строительного материала, обрезную доску, и неопределенно машет рукой, я, «обучившись», уже сама показываю на возможного кандидата (подоконник), и получаю подтверждение, что определила правильно.

А.В. не только показывает, но и стучит по соответствующему фрагменту материала. Исключением стала только обрезная доска, из которой сделан подоконник, возможно, потому,

что подоконник и так на виду, в то время как горбыль скрыт под обоями, и выкрашенная под цвет оконных рам стойка тоже не столь очевидна для неподготовленного глаза. Я же, показав на подоконник, стучать по нему не стала, поскольку в ситуации интервью концентрировалась только на словах и не была готова к регистрации разнообразной сенсорной информации, так что не обратила внимания, что каждому новому виду материала в рассказе А.В. соответствует свой звук (т.е. «обучилась» только отчасти). Таким образом материальность садового домика стала полноправной участницей нашего коммуникативного взаимодействия, сперва выступив в качестве визуальной опоры, а затем включившись в звуковой ряд интервью. И здесь стоит отметить недостатки традиционных способов фиксации: аудиозаписи, текстовой расшифровки, фотографий. Ведь звуки по-разному обработанного дерева, разной толщины и плотности, сложно поддаются вербальному описанию. Что значит «звучит более деревянно»? Первоначальные звуки по таким описаниям реконструировать невозможно. А по транскрипту и единственной фотографии этого места, которую я сделала (Рисунок 3), невозможно понять, куда пошел тонкий, а куда («вот сюда») – толстый горбыль. Нужна видеозапись интервью.

Для включения в наш разговор своего домика А.В. пользуется не только визуальной и аудиальной модальностями, но и кинестетической. Домик он строил из деревьев, росших на участке. Но изготовленные из них бревна оказались недостаточно просохшими и, высыхая, деформировались, уже когда из них была сложена стена. Один угол в результате просел. Рассказывая об этом, А.В. спрашивает, почувствовала ли я уклон полов в доме:

А.В.:...бревно усыхает.

А.К.: Мм!

А.В.: И уменьшается в диаметре. Длина бревна не уменьшается, уменьшается диаметр. Вот они у меня уменьшились, они у меня понизили **этот** угол, да? а стойка здесь как стояла, того же размера, так и стоит. И у меня если вот... Вы там были, да, там вот? (*на втором этаже*)

А.К.: Ну я так зашла, сама... угу.

А.В.: Вот. Очень чувствуется покат.

А.К.: Не заметила. Надо посмотреть.

А.В.: Ну, вот,

А.К.: Угу.

А.В.: если пройтись, вот, по, как бы, вот, по комнате, да? то чувствуется, что уклон достаточно серьезный, вот, в эту сторону, потому что вот здесь выше, чем там (5_АВ).

Перед тем, как мы сели разговаривать, я побродила по дому, но пока А.В. не настроил мое восприятие (указал на то ощущение, которое нужно поймать телом), я не почувствовала, что в доме покатые полы.

Вот так воспринимает свой садовый домик его строитель: он помнит, где какие материалы использовал, знает слабые места своего детища, буквально ощущает, проживает их всем телом каждый раз, когда заходит в дом. В нашей беседе садовый домик становится общей для нас контактной поверхностью, а также воплощенной и доступной всем сенсорным каналам историей своего создания.

4.2.4.2. Уютный сад

Р.Ф. принимала меня за импровизированным столом из старых ящиков и досок под яблонями перед своим домиком (Рисунок 4). От ее огородных забот наш разговор плавно перетек к яблокам на ветвях над нами, и я спросила:

А.К.: Это деревья, да, яблоневого? Не карлики?

Р.Ф.: Нет, деревья.

А.К.: Угу.

Р.Ф.: Деревья.

А.К.: Часто карлики сажают, как у нас.

Р.Ф.: Ой, господи... *(вздых)* Да уже чтобы их выпилить – а зачем? А в саде, видишь, как уютно?

А.К.: Да, хорошо...

Р.Ф.: Можно сесть. Вот здесь, когда ты звонила, вот тут мы сидели, а вечер был – теплый такой, хороший! Ой! Приятно же? Приятно (6_РФ).

Рисунок 4. В яблоневаем саду Р.Ф. За этим импровизированным столиком проходил наш разговор. Мое место, слева, обозначено чехлом от фотоаппарата. Шесты по краям подпирают ветви, чтобы они не сломались под тяжестью плодов.

Многие садоводы на шести сотках поначалу сажали карликовые разновидности плодовых деревьев, поскольку те быстрее начинают плодоносить. Но такие деревца быстрее погибают, а кроме того, не вырастают в полноценные деревья, они остаются слишком маленькими, чтобы под ними можно было отдыхать. Пояняя свой выбор, Р.Ф. предлагает мне искать ответ в моих собственных ощущениях от тенистого уюта деревьев, под которыми мы сидим. Таким образом она, во-первых, декларирует свое неутилитарное отношение к саду: для нее это источник не урожая, а определенного рода переживаний, которые она кодирует как уют, приятность. Во-вторых, она предлагает мне настроить мое собственное восприятие сада вокруг меня и собрать из своих ощущений соответствие введенной ею сложной сенсорной категории «уют». Я соглашаюсь это сделать, добавляя собственную категорию «хорошо». Далее Р.Ф. насыщает наше общее переживание уюта, добавляя эпизод, который, пусть и опосредованно, связывает меня и этот сад: когда я позвонила маме, чтобы попросить ее договориться об интервью с Р.Ф., нашей соседкой по даче, они как раз сидели вдвоем на этом самом месте и

разговаривали. Постороннему слушателю или читателю интервью таким образом открывается окошко в повседневность пожилой одинокой владелицы садового участка – теплые вечера под яблонями, проведенные в общении с соседями. Но прочувствовать уют этого места, как предложила мне моя собеседница, сможет только тот, кто там побывал. Помочь в этом не смогла бы даже видеозапись нашего разговора. Такое сложное ощущение, как уют, мог бы передать, разве что, хорошо написанный художественный текст или талантливо смонтированный фильм – альтернативные способы репрезентации результатов полевой работы, основанные на передаче сенсорного опыта, за которые охотно берутся антропологи, внимательные к жизненным и сенсорным мирам других (Pink, 2009).

4.3. От интервью к культуре через насыщенное описание

4.3.1. Скрытый конфликт поколений

Когда в беседе принимают участие несколько человек, они могут создавать полифонические реплики, объединяя в одной фразе несколько посланий, адресованных разным участникам, и, соответственно, говоря одновременно с нескольких точек зрения. Такое расщепление точек зрения и распределение информации между ними может осуществляться исключительно паралингвистическими средствами, и тогда разглядеть его можно только обладая информацией о контексте. Так, на мой вопрос, изменилась ли в их садоводстве публика за прошедшие десятилетия, Л.А. и А.М. какое-то время отвечают вдвоем, гармонично дополняя друг друга, пока Л.А. не посылает сигнал расщепления, запуская таким образом ещё один, скрытый, параллельный разговор:

Л.А.: Но единственное, что смотришь: конечно, это... стареют все. Стареют!

А.К.: Мм.

Л.А.: Молодежи – **не появляется** (**особым тоном, с хитрецей**).

А.К.: Появятся...

Л.А.: Молодежи это, видно, неинтересно как бы, да, так это...

А.М.: Ну только у кого вот дети. Маленькие причем. Да? Там, до... до лет восьми, десяти. Как только десять лет ребенку - все, его еей уже тоже все это не интересует...

Л.А.: Но с другой стороны, у Марины Петровой⁶² (*вздыхает*) сын вырос там, на даче - как и ты, тоже ездил.

---

⁶² Имя изменено.

А.М.: Угу.

Л.А.: А, и подружились – он женился, и у соседей тоже дети подросли, женились. И они так и дружат, и маленькие гуляют, и они и в городе здесь встречаются – они дружат!..

Подружились, и всё.

А.М.:.....Ну то есть-...

Л.А.: .....Просто-...

А.М.: #Да.#

Л.А.: #Да.# Да у кого как #сложится.#

А.М.: #На определенный#

Л.А.: Да, да.

А.М.: какой-то возраст, на определенные задачи вот эта вот дача, она очень здорово помогает (4_ЛА_АМ).

«Не появляется» Л.А. произносит особым пониженным тоном, в котором можно различить и смешинку, и хитрецу – словом, признаки «второго дна» и «внутреннего диалога». Из прежнего опыта общения с этой семьей мне было известно, что Л.А. хотела бы, чтобы А.М. с мужем чаще приезжали на дачу и принимали в ней больше участия. Поэтому, находясь внутри интервью, я сразу считала интонацию Л.А. как указание на наличие именно такого второго смысла в ее реплике. Если очевидный смысл слов об отсутствии молодежи отвечает на мой вопрос, то второе послание, о конкретных представителях молодежи, пренебрегающей дачей, обращено к А.М. Мой ответ, который выражает убежденность, что «молодежь» ещё оценит достоинства дачи, откликается и на скрытое послание реплики Л.А. при помощи грамматической - обобщенной - формы слова: «появиться» могут и молодые люди вообще, и конкретно А.М. и ее муж. Таким образом я мягко солидаризовалась с позицией своей основной информантки в этом интервью. Л.А. продолжает говорить о молодежи и строить предположения о причинах ее поведения, как если бы представительница этой самой молодежи, ее дочь, не сидела с ней за одним столом. Но проговаривается в следующей реплике, когда сравнивает ее с сыном своей подруги. После этого параллельный диалог ведется исключительно паралингвистическими средствами. Повисает неловкая пауза, которую мать и дочь прерывают почти одновременно и обе уступают друг другу очередь, демонстрируя таким образом мирные намерения и нежелание конфликта. И в конечном итоге приходят к согласию: Л.А. признает право дочери на выбор образа жизни, отличного от сына подруги, А.М. признает незаменимость дачи «на определенные задачи». На уровне слов речь по-прежнему идет о молодежи на даче, продолжается ответ на мой вопрос о публике в садоводстве. На уровне

паралингвистики, т.е. действий, сопровождающих слова (тон, паузы, наложения), нарастает и разряжается напряжение между членами семьи, которые затронули конфликтную тему. Чтобы распознать «второе дно» этого взаимодействия и считать его смысл, внешнему наблюдателю необходимо фоновое знание – не только частное, об отношениях в этой семье, но и общекультурное (этнографическое), об отношениях между поколениями в связи с дачей, которые характерны для российских семей в целом.

В семьях, которые начинали осваивать садовый участок в 1980-е гг., граница между поколениями совпадает с границей эпох – советской и постсоветской – и культур отдыха, труда, организации повседневности в целом. Когда мои информанты брали участки, многие думали об основании родовой усадьбы для будущих поколений семьи. Л.А. с мужем даже заложили в устройство дома возможность для расширения площади на случай увеличения семейства. Но новая эпоха принесла и новую географию отдыха. Расширились возможности для туризма и отдыха за границей. В 2000-е гг. более или менее состоятельные петербуржцы уже стремились купить коттедж в соседней Финляндии (в моем корпусе пример такой семьи - Б.Н.; о волне российских дачников в Финляндии последних лет: (Hannonen, 2016)). Садовый домик, построенный кое-как из того, что удалось достать, на шести сотках в огромном садоводческом массиве посреди болотистого поля в «непрестижном месте» в полутора-двух часах езды от города, потерял свою привлекательность по сравнению с домом на финском озере или на Карельском перешейке или даже в деревне, заселенной городскими хипстерами. Об этом с горечью говорят мои информанты, чьи дети перестали ездить на участки, когда-то освоенные с таким трудом (4_ЛА_АМ; 5_АВ; 6_РФ; 11_ВН; 13_БН). А.В. грустно поясняет, почему теперь, когда есть возможность, он не поставит свой домик на более качественный фундамент:

(на вздохе) А потом, кажется, что кто его знает? нужна ли, нужен ли этот будет дом т... детям, там, внукам, да? Они построят где-нибудь, может, на Карельском перешейке, *(смеется)* купят *(смеется)* хороший... Вот. Поэтому на мою жизнь, наверное, хватит. *(с грустной усмешкой)* (5_АВ).

И действительно, через несколько лет после этого разговора он продал свой участок и поехал помогать дочери, которая купила дом в деревне в Псковской области.

Кроме того, садовый участок, освоенный старшим поколением, – это царство его вкусов и его образа жизни. Если выросшие дети или внуки не разделяют увлечения садоводством и характерной для старшего поколения привычки к спартанскому быту, то им нелегко уживаться на шести сотках с родителями. Исследователи, которые занимались проблематикой дачного

труда, стабильно отмечают разрыв между поколениями по этой линии. Старшее поколение считает труд на участке необходимым, поколение их детей (в примерах - начиная с 1970-х гг. рождения) не видит смысла в сельскохозяйственных занятиях, или соглашается воспринимать только как хобби, или даже испытывает к ним отвращение, если родители с детства заставляли работать на даче (Чеховских, 2000; Galtz, 2000; Zavisca, 2003). Это ещё одна причина, по которой молодежь может отказаться ездить на участок. Зато, как выше замечает А.М., на даче у дедушки и бабушки с удовольствием оставляют на лето маленьких детей, пока те сами не подрастут и не захотят более разнообразного летнего времяпровождения (4_ЛА_АМ).

Материалы, собранные С. Ловеллом по более ранним дачам, позволяют расширить исторический контекст этих поколенческих противоречий. В 1950-е и 1960-е «отцы», пережившие войну, хватались за участки и возможность завести собственное хозяйство, в то время как их дети предпочитали туристические походы и воспринимали дачи не как гарантию стабильности, а как тяжкий груз ответственности (Ловелл, 2008, 238). «Ключевая роль старшего поколения в сохранении и поддержании дачи – основная идея советской дачной культуры, которая подтверждается мемуарами и социологическими исследованиями» (Ibid.: 240). Похоже, что это различие стабильно воспроизводится из поколения в поколение и в постсоветское время.

Таков культурно-исторический контекст конфликта, который едва не разгорается между моими собеседницами прямо во время интервью, и который они обе совместными усилиями гасят, балансируя между перспективами в нашем разговоре. Ситуация интервью дала возможность наблюдать, как известная реальность советской и российской культуры – поколенческий конфликт вокруг дачи существует в коммуникации между членами семьи, увидеть аргументы и тактики его участников в действии.

4.3.2. Столкновение словарей – столкновение миров

Как бы ни старался интервьюер быть нейтральным, его вопросы все равно предлагают собеседникам определенные способы структурирования опыта, прежде всего, через подбор слов. Когда слова, которые я использую в вопросе, вступают в противоречие с тем, как описал бы свой опыт мой собеседник, в ответ могут последовать бурные возражения. Ведь за словами стоит способ интерпретации. В столкновениях словарей в интервью раскрывается устройство индивидуальных миров опыта и информанта, и интервьюера. Чтобы понять суть возникающих противоречий, подчас необходимо обратиться к культурному и историческому контексту.

4.3.2.1. Не «проектирование», а «тяп-ляп»

Наш разговор с Т.А. о распределении обязанностей на участке между ней и В., ее взрослым сыном, заканчивается следующим диалогом:

А.К.: А строения проектировал кто?

Т.А.: Да он же!

А.К.: Он же?

Т.А.: Да какое там «проектировал»! Он, ну... что в голове родится...

А.К.: Угу.

Т.А.: И все.

А.К.: И домик он тогда... ага.

Т.А.: Поэтому всё так... тяп-ляп. Так потом, обустроивалось (3_ТА).

В этом разговоре у меня нет сомнений, что садовый домик Т.А. именно «проектировали». Но Т.А. отвергает это слово. Неужели она так низко оценивает первые строительные опыты своего сына, что полагает, будто они недостойны называться серьезным словом «проектирование»? Когда В. начинал строить домик в начале 1990-х гг., ему не было и 20 лет. Ни о каком профессионализме строителя или проектировщика у городского подростка, ещё не окончившего институт, не могло быть и речи. Зато на момент интервью, в 2007 г., он уже возглавил проектную фирму (о чем Т.А. не без гордости сообщает). Примерно за 15 минут до рассматриваемой секвенции, в ответ на мою робкую попытку восхититься строительным энтузиазмом юного В., Т.А. с негодованием вспоминает, как в начале 1990-х бедность, невозможность сразу купить все нужные материалы, тормозила и ограничивала это строительство:

А.К.: А это, а строили как, сами? Домик.

Т.А.: Да, да, сами строили. В. всё, всё сделал сам.

А.К.: О, ничего себе!

Т.А.: Да, что меня вот тоже... – да, конечно, из *такого хлама!*.. конечно. Вот куплю несколько – вот, полкуба – ну на сколько денег хватит –

А.К.: Угу.

Т.А.: полкуба досок. Вот их прибьем. Потом купим рубероид – сверху рубероидом засте[лили]- заложили – вот уже **не дует** (3_ТА).

Вот что такое «тяп-ляп». Поэтому и невозможно было проектировать: все зависело от того, на что хватит денег и что именно удастся достать – полкубометра досок? Рулон рубероида? Асбоцементные трубы с городской стройки? Гордость за сына-строителя у Т.А. идет рука об руку с горечью из-за того, в каких тяжелых условиях ему приходилось проявлять свое трудолюбие. Он не мог «проектировать» домик, т.е. выбирать планировку, дизайн и материалы, потому что вынужден был «сляпывать» его из того, что посылала судьба. Трудности, с которыми столкнулись садоводы в перестройку, в рассказе Т.А. определили спонтанный характер строительства и невозможность проектировать на раннем этапе.

Кроме того, «проектировал» - это активное действие самостоятельного субъекта. Отвергая его, Т.А. взамен предлагает для описания действий сына только пассивные формы: «что в голове родится», «тяп-ляп», «обустроивалось» – все это происходит помимо воли самого В. Такой выбор языковых средств, позиционирующий садоводов как пассивных жертв, характерен для конспирологического дискурсивного гибрида о садовых участках (см. Глава 3), который Т.А. предпочитает для интерпретации садоводческого движения перестроечного времени (но не для конструирования собственной садоводческой идентичности).

4.3.2.2. «Жизнь научила»: как строит домашний умелец

Ю.А. не отвергает предложенное мной в вопросе слово «строить» для описания своих действий, но модифицирует его значение:

А.К.: А вы любите строить?

Ю.А.: Да... *(задумчиво)* Я... люблю строить.

А.К.: *(смешок)*

Ю.А.: Ну, вот, потом, когда ребята проснутся, я покажу вам, где я... кровать двухэтажную построил (2_ЮА).

Мой смешок – это реакция на эхообразный повтор части моего вопроса. Это излюбленный речевой прием Ю.А., индивидуальная особенность его в целом иронического стиля, которая, по моим наблюдениям, обычно не несет никаких дополнительных значений. Когда я брала это интервью, я ещё не успела это заметить. Но нет ли здесь и в самом деле иронии, очередного «внутреннего диалога»? Может быть, помещая вместе под шапкой строительства и сооружение садового домика, и любительское изготовление мебели, Ю.А. принижает свои строительные умения, ставит их на один уровень с домашней кустарщиной?

Если посмотреть на наш с ним разговор в целом, то можно увидеть, что принижение маловероятно. Перед этим эпизодом Ю.А. рассказывает, как на его участке появились садовый домик и туалет, и без каких-либо иронических намеков и оговорок говорит о себе как о строителе. После – с неподдельной гордостью перечисляет предметы мебели, которые смастерил сам в период дефицита и только недавно выбросил. В домике тоже своими руками сделаны откидные столы. Остается признать, что здесь при помощи иронического отклика-эха на мой вопрос Ю.А. осуществил не принижение своего строительства, а что-то другое.

«Кровать двухэтажную построил» звучит как оксюморон. Кровати не строят, их делают, изготавливают, мастерят или сколачивают. Строят – дома. Ю.А. использует парадоксальное сочетание, чтобы ввести другие правила означивания, которые позволят нормализовать парадокс. Он указывает на специфику своих строительных навыков: они растут из мастерства домашнего умельца, которого всему «научила жизнь»:

А.К.: А учились где-то? eh, ну...

Ю.А.: Чему?

А.К.: Ну, мастерить мебель.

Ю.А.: Жизнь научила

А.К.: Сами?

Ю.А.: потихонечку (2_ЮА).

Таким образом, мой собеседник не принижает свое строительство, а скорее возвышает свои домашние поделки до строительства или, точнее, ставит их в один ряд, – на возможную иерархию намекает лишь слабое эхо иронии в цитированной выше секвенции.

Таков альтернативный способ дискурсивного и практического освоения тяжелых условий жизни – увидеть себя не жертвой, а активным мастером, который превратит недостачу в новое умение. Действуя, по сути, в этой же логике, Ю.А. приспособливает предложенную моим вопросом субъектную позицию строителя к предпочитаемому им позднесоветскому дискурсу труда-творчества, в котором строительство дома и изготовление мебели органично сосуществуют в ряду потенциальных умений домашнего мастера на все руки. Из подручных средств он мастерит для себя позицию «строителя дома и мебели».

4.3.2.3. Из истории городского быта: «Для нас это не трудности»

В нескольких интервью протесты вызвал мой вопрос о сложностях, с которыми сталкивается горожанин на даче, где нет городских удобств. Мой собственный дачный опыт

подсказывал мне, что другие бытовые условия, необходимость приспособливаться к ним должны быть продуктивной темой для разговора об истории освоения участка. Я с детства проводила лето на садовом участке и помню, как меня тяготило отсутствие туалета и водопровода с горячей водой и как радовали признаки привычного городского комфорта (например, кровать и постельное белье вместо нар и груды старых шуб и спальных мешков), которые проникали на дачу по мере того, как строился домик. Я была уверена, что мои городские информанты не могли не задумываться об этом и должны иметь свой набор суждений и историй на эту тему. Более того, именно сравнение быта на даче и в городе и выявление адаптивных тактик и технологий я сделала главным фокусом своего исследовательского интереса в поле, в частности, в тот период, когда я говорила с А.В., летом 2008 г.

Формулируя очередной вопрос к А.В., я попыталась, следуя канону полуструктурированного интервью, использовать собственные категории информанта. Незадолго до этого момента он признался, что когда проектировал будущий домик, «плохо себе представлял вообще, что такое дача и как тут вот, как это вот быт обустроить в дачном месте». Я ухватила за категорию «быт в дачном месте» и за намеченный моим информантом разрыв между представлениями о нем и практикой:

А.К.: Вот вы сказали: "Как обустроить дачный быт", да? А вот... еей какие особенности вот у дачного быта? Вот что приходится обустраивать... здесь? Приходилось.

А.В. просит уточнить вопрос:

А.В.: Ну в каком смысле?

А.К.: Может, что было труднее всего для вас как для городского человека?

А.В.:...Да, что тут... *(пренебрежительно)*

А.К.: Как приспособливаться приходилось?

А.В.: *(коротко вздыхает)* Ну... сейчас вроде как вот ты приезжаешь, и тут особенно приспособлений каких-то – ну как-то все уже есть, да? А первое время... еей основная-то сложность была в том, что тут же ничего не было (5_АВ).

В ответ на уточненный вопрос А.В. первым делом пренебрежительно отмахивается. Предложенные мной категории «трудность» и «городской человек», и весь сюжет адаптации, приспособления оказались чужды его осмыслению своего дачного опыта. Он готов признать,

что нужно было приспособливаться только в первые годы, когда инфраструктура в садоводстве была ещё не налажена, и приходилось возить из города питьевую воду и продукты. И об этом у него есть, что рассказать. Целых 11 минут он красочно описывает, как и в чем возил воду из города, как бежал наперегонки с другими садоводами с электрички, чтобы успеть набрать воды из колодца на станции, как делил с соседями скважину, как договаривался с начальством на работе, чтобы успевать каждый день ездить на дачу и привозить продукты жене с дочкой. Но все это были «временные сложности», а сейчас есть скважина рядом с участком и магазины в садоводстве, так что приспособливаться больше не нужно. Я никак не могу в это поверить и совсем сужаю вопрос, подсказывая А.В., какие именно направления адаптации меня интересуют:

А.К.: Ну а вот это, что горячей воды как-то нет...

А.В.: Знаете, ну вот... вот... eeeh....(3) мы не очень избалованы (*коротко смеется*). У меня и дома горячей воды нет (*смешок*).

А.К.: Да? В квартире?

А.В.: (*смешок*) Да. Мы, конечно, по- уже несколько лет, как поставили водогрей свой (у нас ванна, да?). Ну, электрический водогрей. А так в доме у нас нет... Я ещё... т У меня... У нас в доме паровое отопление появилось, eh когда мне было, ну, наверное, лет двадцать. Мы печкой топили. Поэтому вот **этих** проблем у меня нету: печку стопить, да, это самое... Ну вот, опять же, те- eh когда жарко – душ вот этот, там хорошо в бочках прогревается вода,

А.К.: Ага.

А.В.: да? поэтому вот так, когда eeeh.... ну, когда... потеешь, когда жарко. Когда жарко - вода теплая.

А.К.: (*смешок*) Ага.

А.В.: Поэтому как-то... (5_АВ).

Подготовка ответа на мой новый вопрос потребовала времени: после короткого фальстарта, который потонул в дискурсивных маркерах, следует продолжительная хезитация и довольно долгая, не меньше трех секунд, пауза. На сей раз А.В. начинает с разметки морального порядка, а именно, вводит две противоположные точки зрения и четко локализует себя в этом противопоставлении, и все это – в одной фразе: «мы не очень избалованы». Позиция «неизбалованных», неприхотливых нормализует бытовой дискомфорт, относит его к разряду привычного, повседневной рутины. Формулировка А.В. предполагает наличие второй

перспективы, «избалованных», для которых отсутствие горячей воды – это трудность. Именно с этой точки зрения ретроспективно, в новой системе координат, созданной А.В., оказывается задан мой вопрос. Свою же перспективу мой собеседник поначалу конструирует как коллективную, когда использует местоимение множественного числа «мы». «Мы» включает А.В. и его семью, в том числе его родителей, которые растили его в квартире без центрального отопления и горячей воды.

В локальном моральном порядке, введенном А.В., его симпатии – на стороне неприхотливых. Сам выбор лексики: «мы не очень избалованы» - предполагает не только, что другие – избалованы, но и что горячая вода – это баловство, а не необходимость. Смешки, вероятно, указывают на «двойное дно», «внутренний диалог» в этом высказывании: А.В. вступает в диалог с «неженками», чью позицию не озвучивает, а ретроспективно делегирует мне. Триггером такого сложного иронического конструирования ответа мог стать модификатор «как-то» в моем вопросе, который тоже намекает на скрытое отношение спрашивающего к тому, что А.В. упорно пренебрегает такой важной для меня деталью, как отсутствие горячей воды на даче.

Далее, впрочем, А.В. вспоминает, как детей в те ранние годы участка приходилось возить в город в баню, потому что в городской квартире тогда ещё тоже не было ванны. И после небольшой паузы делает уступку и отчасти принимает предложенный мной словарь и реконструируемую за ним перспективу, но только чтобы после очередной длительной паузы делегировать ее супруге:

А.В.: Ну это – да. Это....ну, некоторые сложности, но это надо лучше бы было вам тогда.....(3) интервью взять у моей жены (*смеется*),

А.К.: (*смеется*)

А.В.: потому что мужчинам легче, (*смеется*) проще (*смешок*) с этим делом. А так – нет (5_АВ).

Новые подробности, которые припомнил А.В., заставили его пересмотреть основания заданного им морального порядка. Неприхотливость теперь связана не с наличием особого жизненного опыта, а с природными гендерными различиями: в этой перспективе мужчинам в принципе проще существовать без возможности помыться, чем женщинам. А позиция А.В. теперь стала его личной, а не коллективной. Продолжая, он не забывает специально это подчеркнуть:

А.В.: Тут главная сложность вот, – ну как, в моем опять же, да, восприятии, – это то, что

вот.....детей занять нечем, да? Им тоскливо немножко здесь (5_АВ).

Эта реплика возвращает нас к смыслу «обустройства дачного быта» для А.В. Эта категория возникла, когда он рассказывал, как подбирал дизайн дома, который бы отвечал образу жизни и занятиям на даче (подробнее этот эпизод описывается в Главе 3, в разделе 3.5.1). Именно в этой интерпретативной рамке, где быт означает образ жизни и занятия (а не сужается, как в моем понимании, до гигиенических практик), существует та настоящая, не временная сложность, которую А.В. согласен признать в своем дачном опыте: на садовом участке, предназначенном для сельскохозяйственного труда, а не для праздного отдыха, нечем занять детей. Сначала нечем было занять младшую дочку, сейчас – маленькую внучку. Для дочки А.В. привозил ее двоюродных сестер, для внучки привозит ноутбук с играми и спортивный инвентарь и ищет сверстников. Свой дачный опыт он не осмысляет как историю адаптации к бытовым сложностям. Эта рамка ему чужда и вызывает протест.

Ту же самую схему в другом дачном интервью на два голоса разыграли сестры, пожилые женщины-блокадницы: отказ от предложенного мной слова «трудности» для описания своей жизни на участке, аргументация особым биографическим опытом (старая ленинградская квартира с печным отоплением, Блокада, жизнь на Чукотке с мужем-военным, пионерский лагерь), делегирование «языка трудностей» более подходящему кандидату, в данном случае – их молодой соседке, нашей общей знакомой по имени А. Вот лишь маленький начальный отрывок из нашей большой беседы на эту тему, где, впрочем, уже намечены контуры наших конфликтующих интерпретативных рамок:

А.К.: А вот вы, когда сюда, начали здесь обустраиваться, жить... вот, с какими трудностями сталкивается городской человек вот здесь, на природе, вот...

(говорят наперебой)

Т.Л.: Ни с какой...

М.Л.: Нет, никаких у нас трудностей не было.

Т.Л.: Мы настолько при... это, приспособлены к быту...

М.Л.: Мы настолько привыкли... т...

Т.Л.: Все пережили...

М.Л.: Все пережили, и блокаду, и войну, поэтому какие у нас могут быть трудности!

Т.Л.: Поэтому какие могут быть трудности после этого!

А.К.: Угу.

Т.Л.: Никаких!

М.Л.: Я, например, варила мальчишкам курицу в мангале под дождем.

Т.Л.: Вот... Вы можете спросить, с какими трудностями А. столкнулась (8_МЛ_ТЛ).

А значит, перед нами не индивидуальная особенность мировосприятия, а способ осмыслять действительность, общий для некоторой группы людей, т.е. социально и культурно поддержанный.

Такой способ интерпретации дачного быта, а также само столкновение рамок интерпретации стали возможны на фоне истории российской и в частности петербургской и ленинградской урбанизации, а также технологического прогресса и стремительной трансформации быта в XX в. Я задавала свой вопрос из перспективы человека, который вырос в городской квартире с центральным отоплением, горячей водой и электричеством. В середине 1980-х, когда я родилась, центральное отопление и водоснабжение уже было скорее нормой для ленинградских многоквартирных домов. Но произошло это не так давно. Родители А.В. – выходцы из сельской местности, в 1950-е гг. устроились на работу в Ленинграде и получили служебное жилье в доме с печным отоплением на территории стадиона. Когда в середине 1960-х этот дом был снесен, семья получила комнату в коммунальной квартире без ванной⁶³. В домах дореволюционной и даже довоенной постройки ванная комната в квартире могла по разным причинам не проектироваться. Т.Л. в нашей беседе отметила, что жила в квартире без ванной до начала 1980-х гг. (8_МЛ_ТЛ).

Урбанизация в XX в. – это не только переселение людей, таких как родители А.В., в большие города, но и развитие собственно городской инфраструктуры. Так, «питерские до седьмого колена» сестры М.Л. и Т.Л. выросли в старой ленинградской квартире с печным отоплением, в детстве каждое лето всей семьей кололи дрова. Рожденные в начале 1930-х гг., они успели освоить практики повседневности без холодильника, газовой плиты и горячей воды в кране. «А мы настолько привыкшие к трудностям люди, что все, что тут... для нас это не трудности», - комментирует М.Л. свою дачную жизнь. То же можно сказать и о поколении их детей 1950-х гг. рождения. Моя мама, ровесница А.В., тоже, как и он, выросла в городской квартире с печью (правда, не в Ленинграде, а в маленьком провинциальном городке). Центральное отопление, горячая вода – все это появилось у нее на глазах, когда она уже училась в институте в конце 1960-х. Зато поколение их внуков, ленинградцев-петербуржцев 1970-х гг. рождения и позже, уже скорее не имеет опыта старого быта.

---

⁶³ В интервью А.В. говорит о своем бытовом опыте в самых общих словах. Только благодаря его мемуарам, которыми он со мной любезно поделился, удалось связать его рассказ с конкретными вехами ленинградской истории и типами городского жилья.

Так и получилось, что у разных поколений, сосуществующих в пределах одной семьи, могут быть разные бытовые привычки и разный бытовой репертуар. Старшие поколения с более широким спектром бытовых умений легко вспоминают навыки растапливания печи и мытья без горячей воды в кране. Младшим приходится осваивать их заново, и это делает для них дачный быт трудным, требующим адаптации.

Делегируя язык трудностей своей жене, А.В. воспользовался ресурсами российского традиционного гендерного дискурса, где неприхотливость (она же, прочитанная в более позитивном ключе, – выносливость) – черта мужчин, в то время как роль изнеженных любителей комфорта отводится женщинам. Но правда ещё и в том, что даже в поколении А.В. и его супруги не все получили опыт быта без удобств, и не все согласны к нему вернуться. Чтобы по доброй воле погрузиться в жизнь без современной городской инфраструктуры, получать от этого удовольствие и называть такое времяпровождение отдыхом, нужен не только особый жизненный опыт, но и особый настрой.

В рассмотренной секвенции разговора с А.В. не только обнажилась линия противоречия внутри его семьи. Мы с ним сами, прямо в разговоре, при помощи средств «внутреннего диалога» разыграли конфликтное противостояние по отношению к бытовым удобствам на даче, которое А.В. актуализирует то на границе своей семьи, то на гендерной границе, а у М.Л. и Т.Л. оно актуализируется на границе поколений. Кроме того, в столкновении наших интерпретативных рамок стало ясно, как А.В. структурирует свой садовый опыт, прояснилось место трудностей и адаптации в мире его опыта, стала ясна разница в нашем понимании категории дачного быта. Насыщая описание этого эпизода историческими и культурными пояснениями, удалось увидеть в нем сюжет из истории городского быта XX в.

4.3.3. Общее культурное знание в разговоре

Чтобы вырастить насыщенное описание, необязательно искать конфликты и столкновения. Можно, следуя за Г. Гарфинкелем и М. Мурманом, описывать то общее культурное знание, которое делает возможным бесконфликтное понимание между собеседниками. Это особенно продуктивно, когда, как в случае моих дачных бесед, участники разговора принадлежат одной культуре и обладают общим историческим опытом. Общее знание в разговоре может почти никак не проявлять себя и служить само собой разумеющимся фоном, а может, напротив, облекаться в слова и конструироваться совместными усилиями говорящих. Выше я уже приводила пример Л.А. и А.М., матери и дочери, которые вместе, дополняя друг друга, рассказывают мне о своей дачной жизни, и показывала, как мы с М.Г. вместе воссоздавали географию нашего садоводства. А в этом разговоре пространство общего

опыта создает совсем маленькая, точечная реплика:

Т.А.: Это, еей вот здесь строили еей дом – на стройке лежали еей эти, асбоцементные трубы. В продаже их не было!

А.К.: Хорошая вещь.

Т.А.: Подходим

А.К.: Угу.

Т.А.: к этому, сторожу:

А.К.: *(смешок)*

Т.А.: «Сколько?» – «А сколько надо?» Я говорю: «Ну, четыре» *(нерешительным тоном, словно не веря своему счастью)*. А он: «800 рублей» – «Ой!» *(на вдохе)* – счастлива!..

Бымс, бымс – прибежали, быстренько схватили... «Только, говорит, унесите сразу» *(смеется)* (З_ТА).

Т.А. рассказывает, как в начале 1990-х в условиях дефицита и безденежья (см. Глава 2) по разнообразным неформальным каналам добывала строительные материалы для домика – например, получала на стройке, заплатив сторожу. Моя реплика «Хорошая вещь» сигнализирует о том, что я понимаю, какой ценностью для начинающего садовода обладает асбоцементная труба. Действительно, у меня есть сходный опыт: я помню, как моя мама в тот же период начала 1990-х радовалась своим удачам городского собирателя. Мое участие в диалоге с Т.А. не только дает обратную связь моей собеседнице, но и придает обсуждаемому опыту коллективный характер. Для слушателей интервью и читателей транскрипта, которые, в отличие от меня, незнакомы с культурой любительского садоводства горожан перестроечного времени, моя реплика подтверждает ценность находки рассказчицы внутри этого культурного мира.

Когда пространство общего опыта строится при помощи значимых умолчаний и намеков, разделенное фоновое знание оседает между собеседниками и недоступно ни читателю транскрипта, ни слушателю аудиозаписи. Ю.А. – мастер сложных диалогических приемов коммуникации. Он постоянно разными способами привлекает ресурсы собеседника для конструирования понимания без слов. Но в нашем разговоре я не всегда соглашалась участвовать и поддерживать многозначительное молчание или усмехаться ироническим намекам. Позднее, анализируя расшифровку, я заметила, что мое несогласие было стратегическим, подчинялось логике моего исследовательского проекта. В первом разделе этой главы я показала, как отказывалась признавать очевидным и само собой разумеющимся все, что

связано с садовым участком Ю.А. и его садоводством, и задавала вопросы к мелким деталям, пусть даже это вызывало у него сомнения в моей компетентности. Зато я охотно поддерживала многозначительные паузы и намеки, когда речь шла о перестроечных временах, и даже сама пользовалась этими приемами, как здесь, когда Ю.А. рассказывает, как купил свой сборно-щитовой домик:

А.К.: Это в каком году примерно было?

Ю.А.: Это было все в (19)90-м году.

А.К.: А. Ещ- Ещё успели (*смешок*).

Ю.А.: Вот. Да! как раз. Он стоил всего лишь каких-то 17 тысяч, в этих...

А.К.: Ого!

Ю.А.: А... 1700, наверное. Тогда ещё. 1700. Вот. Это по тем временам были не очень большие деньги. Вот. Ну, слава Богу, что хоть мы успели потратить все деньги, которые были на сберкнижке, *потому что (смешок) иначе бы они просто сгорели! (смешок)* (2_ЮА).

За моей короткой репликой стоит мое знание, что в результате огромной инфляции после отпуска цен 1992 г. доходы и сбережения людей обесценились («сгорели»), и совершить такую крупную покупку, как сборный домик, для большинства россиян стало невозможно. Оговорка Ю.А. намекает на порядок обесценивания денег с либерализацией цен: 1700 рублей превратились в 17 000, и это был ещё не предел прибавления нулей в начале 1990-х гг. Мне все это известно отчасти по личным воспоминаниям, отчасти – из рассказов старших и литературы и СМИ. И я попадаю в точку: оказалось, что Ю.А. действительно как раз успел вложить в домик деньги, отложенные на счете.

Мой неявный намек поддержал локальные правила молчания, свойственные Ю.А.: сам он в нашей беседе о тяготах перестройки и 1990-х гг. предпочитает говорить именно намеками и многозначительными паузами. «Смутный период», «междоусобица», «беспредел», «чувствовалось дыхание перестройки» – говорит Ю.А., не поясняя, что именно произошло. Почему вдруг стало сложно ездить к родственникам в Евпаторию и опасно ночевать в машине за городом? Почему он начал развозить товар по ларькам ещё до того, как закрыли институт, где он преподавал, и потом работал, где только мог? Понимание между нами возможно, только если я – достаточно компетентный собеседник, свидетель той же эпохи и носитель той же культуры.

Судя по интонации ответных реплик, моя отсылка к общему знанию вызвала у Ю.А.

сильный эмоциональный отклик. Намек на разделенное фоновое знание принес нам обоим своего рода удовольствие и от сопричастности, и от игры. Легким касанием, буквально одним словом, мы притронулись к кризисному опыту, так или иначе общему для нас обоих, и разделили это переживание между собой. Начни я тоже вдаваться в детали, говорить об инфляции и приводить известные мне примеры, и объединяющее ощущение сопричастности и взаимопонимания, резонанса, было бы разрушено, ведь на деле наш опыт оказался бы разным. Чтобы понять, о чем мы говорим, будущему слушателю этого интервью или читателю транскрипта нужно знать об инфляции 1992 г. и ее последствиях. Но и не обладая таким знанием, он сможет увидеть в нашем взаимодействии диалог двух людей, которые, несмотря на большую разницу в возрасте, были свидетелями одной эпохи и в этот краткий миг пережили особое, наддискурсивное, понимание.

Выводы

Благодаря проницаемости границ жанра интервью, мои исследовательские интервью с садоводами можно рассматривать как гибридные интертекстуальные поверхности, насыщенные явными или скрытыми цитатами из повседневных дачных разговоров. Однако этнография интервью отнюдь не сводится к выявлению и изучению окошек в дачную речевую повседневность где-то за пределами разговора. Прямо во время интервью можно наблюдать, как разворачиваются речевые практики, характерные для дач.

Понятое как полифоническое речевое событие, где встречаются и взаимодействуют равноправные субъекты, интервью работает как своего рода лаборатория, где собеседники выдвигают, пробуют, оттачивают свои взгляды, позиции, коммуникативные проекты и стратегии. Это значит, что представления участников о самих себе, своем прошлом, своих собеседниках и о мире в целом в течение разговора не остаются стабильными. Можно наблюдать, как собеседники нащупывают границы познаний друг друга, динамически сонастраивая позиции, корректируют или отстаивают определенные коммуникативные проекты и категории описания мира, демонстрируя таким образом свои приоритеты и сверяя словари описания. Кроме того, в лаборатории разговора собеседники манипулируют композиционными приемами для передачи сложных многомерных значений: расщепляют, делегируют или совмещают точки зрения, чтобы инсценировать конфликт, но не принять ни одну из сторон и оставить простор для интерпретаций, или транслировать одновременно разные послания разным присутствующим аудиториям; экспериментируют с каналами восприятия в поисках средств актуализировать в коммуникации свой сенсорный опыт дома и сада. Это отнюдь не

исчерпывающий список приемов, которые используются для совершения действий при помощи слов в интервью, но лишь несколько примеров, призванных продемонстрировать возможности наблюдения речевого поведения в интервью. Сами по себе эти речевые приемы универсальны, по крайней мере, для русской разговорной практики. Специфичными для дачных речевых жанров являются коммуникативные задачи, которые собеседники решают с помощью указанных приемов, и репертуар дискурсов, которые выбирают собеседники, обусловленный историко-культурным контекстом любительского садоводства в России, а также локальным контекстом беседы.

Благодаря современным технологиям звукозаписи, в интервью возможно два вида наблюдения:

- «внутреннее» – включенное наблюдение в качестве собеседника внутри коммуникативной ситуации;

- «внешнее» – наблюдение за коммуникацией со стороны в качестве слушателя аудиозаписи или читателя текста расшифровки интервью.

То, что участник внутри разговора может видеть как серию непониманий или коммуникативных неудач, при взгляде из внешней позиции, напротив, оказывается удачным раскладом обстоятельств, когда в попытках достичь понимания участники обнажают свои коммуникативные проекты, различия словарей и интерпретативных рамок, или выводят на поверхность «второе дно» иронического высказывания и т.д. В то же время, подчас только по реакции собеседника, сохранившейся на записи, аналитик извне может реконструировать локальные правила взаимодействия и понять, что разговор разворачивается в шутовском, ироническом или, напротив, серьезном ключе.

Заключение

Российская дачная культура – это случай современного урбанизированного и мультилокального поля, где метод интервью преобладает над этнографическим включенным наблюдением. Это исследование выросло из долгих попыток осмысления собранных автором интервью с петербургскими садоводами-любителями. Я была уверена, что если использовать записанные беседы только как источники содержательной информации, – о том, как люди добывали строительные материалы в перестройку, когда перестали сажать картошку, что сейчас поделявают на своих участках и как к этому относятся их дети, – то потенциал моих записей останется нераскрыт. Об истории советского любительского садоводства горожан можно узнать из архивных и опубликованных источников. О том, как выглядит жизнь на садовом участке, я, как и многие российские горожане, немало знаю из личного опыта. Но почему люди, владельцы садовых участков, в этих наших беседах говорят мне и друг другу то, что говорят? Можно ли, изучая речевые практики дачников, разгадать культурный смысл дачи на садовом участке в целом? Нужно было найти способ наблюдать во время интервью не только жилище информанта и его поведение в естественной для него обстановке или собственные ощущения от места разговора, но и практики, которые формируют изучаемый культурный домен, в моем случае – российскую дачу или, точнее, любительское садоводство горожан. К счастью, собранные мной интервью это позволяли. Люди обычно не дают интервью о своих дачах, и у дачного интервью нет собственных жанровых конвенций, поэтому все мои интервью о даче интертекстуальны, насыщены цитатами из существующих дачных коммуникативных практик – *дачных разговоров*. Во время интервью можно услышать и садоводов, озабоченных состоянием своих кустов клубники или яблонь, и садоводческих управленцев, обменивающихся опытом, и соседей, оценивающих достижения друг друга в садоводстве и строительстве, и, наконец, любителей природы, воспевающих свежий воздух и тихие вечера. Более того, я сама выросла на садовом участке и наблюдала его освоение в конце 1980-х гг., и некоторые мои информанты – также мои соседи или друзья семьи или родители моих друзей. Тем легче наши интервью соскальзывали в разные речевые жанры дачных разговоров. И я задалась целью на основе моих материалов исследовать своеобразие современных дачных разговоров как коммуникативных и культурных практик, чтобы проследить связь между конкретным обменом репликами и общекультурными явлениями и процессами.

Для этого сначала нужно было пересмотреть исследовательское интервью, увидеть в нем

не статический текст, а динамическое речевое событие – разговор. Понятое таким образом интервью – это не монолог информанта на фоне поддерживающего слушания интервьюера, а диалог (полилог) двух (или более) равноправных субъектов. Это динамический процесс взаимодействия, в ходе которого идет становление взглядов, позиций, представлений участников. При таком полифоническом подходе к интервью, интервьюер – не досадная помеха, а полноправный участник. На практике это означает усложнение расшифровок: нужно внимательно расшифровывать все реплики интервьюера, включая приемы активного слушания и эмоциональные реакции на слова информанта. Зато именно такой подход позволил, например, различить спор разных поколений садоводов в моем интервью с А.В.

Далее нужно было подобрать и адаптировать методы для анализа речевого взаимодействия в интервью. Для этого я обратилась к этнографии речи, конверсационному анализу и прагматике дискурса – областям исследований, которые занимаются анализом устной коммуникации. Д. Хаймс и его последователи уже не одно десятилетие разрабатывают аналитический язык для описания речевых действий и коммуникативных ситуаций, Ч. Бриггс (1986) применил эти термины к исследовательскому интервью. Конверсационный анализ дал мне некоторые общие принципы подхода к устной коммуникации, прежде всего, секвенциальный порядок организации аналитической работы: выводы о смысле высказывания делаются на основании последующего высказывания – реакции собеседника или самого говорящего на свои слова. Полезны оказались разработки в области анализа иронических высказываний, выполненные в этом русле (работы Х. Котофф), хотя язык описания иронии и других явлений внутреннего диалогизма или множественных точек зрения я заимствовала у литературоведов и семиотиков литературы – М.М. Бахтина (1972) и Б.А. Успенского (1970). Теория позиционирования философа, исследователя прагматики дискурса Р. Харре (Harré, van Langenhove, 1999) помогла спроецировать теорию диалогического романа Бахтина на коммуникативное взаимодействие реальных людей.

Чтобы разглядеть в дачных интервью действие общекультурных процессов, правил и конвенций, связанных с дачей, нужно было обратиться к другим источникам. Я использовала материалы архивных документов, законодательных актов, научной, публицистической и художественной литературы и СМИ, сопоставляя их с интервью, чтобы реконструировать историю садоводческих товариществ – особой позднесоветской формы организации загородного досуга горожан. Период «садоводческого бума» конца 1970-х – начала 1990-х гг., когда получали участки мои информанты, – это особое время в истории любительского садоводства, связанное не только с экономическими тяготами, но и с распространением мечты о личном хозяйстве. В современных дачных разговорах слышны отголоски и этого

перестроечного дискурса автономии, и крестьянского дискурса о хозяине-трудяге, но также и более ранних для садоводческой истории дискурсов – гигиенистского, который уходит корнями еще в дореволюционную дачную культуру, и позднесоветского дискурса о труде-творчестве. Все эти объяснительные модели мобилизуют собеседники в моих интервью, подчас используя их гибридные формы, чтобы пересмотреть прежние идеи. В частности, пересмотру подвергаются мотивации дачного труда: и удовольствие от творческого труда, и крестьянская любовь к труду на земле, и стремление завести собственное хозяйство реинтерпретируются то как приманка государства для наивных граждан, то как коммунистические пережитки. В логике дискурса автономии пересматривается крестьянская субъектная позиция хозяина: теперь это человек, свободный распоряжаться своим временем. Н. Ферклаф видел в появлении гибридных дискурсов признаки идущих социальных изменений (Jorgensen, Phillips, 2002). Можно, таким образом, говорить об идущих в современном российском обществе поисках новых смыслов для любительского садоводства горожан в целом и труда на участке в частности. Дачные разговоры становятся важной площадкой для таких поисков, где встречаются разные дискурсы, пробуются и оттачиваются новые объяснительные модели.

Применение перечисленных выше методов анализа к эмпирическим примерам из корпуса интервью с дачниками показало, что современные русские дачные разговоры обладают специфическим формальным, содержательным и коммуникативным устройством, которое можно выявить эмпирически, если обратить внимание на используемые собеседниками репертуары тем, позиций, объяснительных моделей, риторик, способов взаимодействия. Сами по себе речевые приемы: корректировка позиций и коммуникативных проектов, внутренние диалоги, обращение к другим сенсорным каналам и проч. – универсальны для человеческого разговора. Специфичны для дачных разговоров конфигурации приемов, определяемые спецификой коммуникативных задач, которые с их помощью решают собеседники, и репертуара дискурсов, из которого они черпают.

Так, идеи участников о самих себе, своих собеседниках, самой ситуации встречи, о прожитом опыте и мире в целом не остаются неизменными в течение беседы. В разговоре выдвигаются, оттачиваются, модифицируются позиции, коммуникативные проекты, знание о мире собеседников. Постоянно корректируется понимание ситуации и, соответственно, распределение прав на говорение и знание. Мои беседы с дачниками дрейфуют между жанровыми конвенциями исследовательского интервью, разговора двоих садоводов-любителей, дружеской болтовни за праздничным столом, сессии воспоминаний земляков и т.д. От конфигурации позиций зависит, кто, о чем, как и насколько подробно будет говорить. Эпизоды настройки позиций подчас организованы не по правилам интервью (когда информант задает

вопросы исследователю или исследователь рассказывает истории информанту) и нередко именно они вводят в интервью фрагменты других речевых жанров, но они необходимы, чтобы интервью стало возможно.

Наблюдение за речевыми действиями собеседников позволило увидеть, как в дачных разговорах утверждаются важные для участников смыслы и идентичности, продолжают характерные конфликты и процессы осмысления и адаптации к меняющимся условиям. Так, садоводы, и прежде всего, те, кто осваивал свои участки в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (большинство моих информантов) последовательно создают образ себя как сильных независимых хозяев на своих участках. Это люди, которые брали участки в период идеологической реабилитации образа хозяина на своей земле и, более того, с честью выдержали жесткую игру на выживание – освоение садовых участков в это сложное время. Когда в интервью возникают образы тех, кто не справился, – это безвестные безымянные соседи, от которых остались в лучшем случае полуразвалившиеся остовы недостроенных домов. В современных рассказах тех, кто выстоял, садовый участок осмысляется как полигон для разворачивания проектов личной независимости (у одиноких садоводов) или семейной гармонии (у супружеских пар). Дача, таким образом, остается локусом личной автономии и субъективации для старшего поколения садоводов. Но иначе дело обстоит с их детьми.

В интервью я наблюдала, как разворачиваются характерные для семей садоводов конфликты отцов и детей. Мои собеседницы, мать и ее взрослая дочь в нашей беседе затушевывали конфликтное взаимодействие (вероятно, из-за моего присутствия): в их полифонических репликах совместились диалог матери и дочери о том, сколько внимания следует уделять даче, и ответы на вопрос исследователя о смене поколений в их садоводстве в целом. В другом случае я сама спровоцировала локальный поколенческий конфликт, когда, неосторожно сформулировала вопрос из перспективы собственного дачного опыта и тут же была помещена собеседником в позицию представителя младшего поколения дачников, «избалованного» комфортными бытовыми условиями. В результате оказалось, что интерпретация дачного опыта как истории адаптации горожанина к бытовым сложностям, которая казалась очевидной из моей перспективы, совершенно не релевантна для моих собеседников – петербуржцев 1930-х – 1950-х гг. рождения. О конфликте «отцов» и «детей» по поводу дачи, так или иначе, в России слышали все: пожилые родители считают необходимым побольше времени проводить на участке и обрабатывать землю и обижаются, что взрослые дети отказываются им помогать и предпочитают остаться в городе или съездить за границу. Слышать в интервью жалобы родителей и детей друг на друга или общие рассуждения о смене поколений – это работать с описанием чужого опыта. В то время как наблюдать этот конфликт

непосредственно в действии – это быть свидетелем и участником, переживать опыт конфликта садоводческих поколений, фактически, реализовать принцип включенного наблюдения прямо во время интервью.

Интервью, посвященные историям освоения участков 1980-х и 1990-х гг., брались в середине 2000-х, когда и позднесоветский период, и переходное десятилетие 1990-х уже ушли в историю и рассматривались с дистанции и под влиянием текущей эпохи «путинской стабильности». Активный процесс осмысления прошлого, позднесоветских реалий, перестройки и постсоветских экономических перемен, можно наблюдать прямо в этих разговорах. Так, с помощью расщепления точек зрения Ю.А. исполнил конфликт позднесоветского дискурса о труде-творчестве и современных представлений о качестве и профессионализме: он смог одновременно и похвалиться своей идеей обшить домик деталями мебели, и показать, что понимает ее анахронистический характер для начала 2000-х гг. В этом же интервью Ю.А. сравнивает процедуру получения участка в советское время, которую считает очень простой, и сложный и дорогой процесс его приватизации – перевода в единицу капиталистического земельного рынка, но при этом оглядывается на мою реакцию, делая выразительную паузу. Эти наши диалоги – эпизоды идущей адаптации пожилого советского инженера к меняющемуся миру.

В проведенном исследовании выявилась специфика наблюдения в интервью, связанная с технологией звукозаписи. Когда исследователь анализирует те интервью, которые собрал сам, ему доступны две разные позиции наблюдателя: внутренняя – участника беседы и «спонтанного аналитика» и внешняя – исследователя, который слушает аудиозапись или читает ее расшифровку. В первом случае это включенное наблюдение, когда действия наблюдаемых влияют на действия наблюдателя и наоборот, во втором – внешнее, не включенное наблюдение. «Включенный» наблюдатель обладает особым пониманием происходящего в ситуации беседы, поскольку имеет возможность ориентироваться на невербальные составляющие речевого поведения. Метод конверсационного анализа позволяет отчасти реконструировать это «внутреннее» понимание. В то же время, «внутренний» наблюдатель не всегда понимает своих собеседников и тогда совершает неадекватные, с их точки зрения, речевые действия. Для «внешнего» наблюдателя такие случаи чрезвычайно информативны, поскольку побуждают участников разворачивать свои позиции, проговаривать умолчания и очевидности.

Чтобы перейти в описании от речевых взаимодействий к культурным процессам – конфликтам поколений или переживанию социально-экономических перемен – нужно, следуя этнографической методологии К. Гирца, М. Мурмана и Г. Гарфинкеля, насытить его деталями историко-культурных контекстов, вывести на поверхность общие культурные знания, которые

помогают собеседникам понимать друг друга. Так, добавив к традиционной методологической линейке социальной антропологии сочетание оптики и методов литературоведения, этнографии речи, конверсационного анализа и прагматики дискурса, стала возможна этнография интервью с дачниками – его насыщенное описание как события, участники которого во взаимодействии друг с другом мобилизуют устойчивые культурные формы, чтобы заново осмыслить прошлый опыт и актуальную действительность.

Получившееся диссертационное исследование оказалось двунаправленным: оно делает вклад одновременно и в изучение устного речевого взаимодействия, и в изучение российских дач, и две эти линии разворачиваются в тексте параллельно, лишь иногда пересекаясь, пока не переплетаются в четвертой главе. Такая двойная фокусировка представляется необходимой, чтобы выполнить поставленные задачи и не только показать связи конкретных речевых практик и культурно-исторического контекста, но и обосновать возможность микроэтнографии интервью. В дальнейшем возможно смещение исследовательского фокуса с метода работы на эмпирические вопросы, которые позволяет изучать собранный мной материал. Это и роль любительского садоводства в субъективации советского горожанина и ее постсоветские трансформации, и смена поколений в садоводствах, основанных в советское время, и современная память о перестроечной эпохе и 1990-х гг., и сравнение женских и мужских тактик освоения садового участка, и судьба советской культуры труда в постсоветскую эпоху. Более того, сформулированный в этой работе подход к материалу интервью позволяет задавать вопросы особого типа – вопросы к речевым практикам и их связи с культурными конвенциями, например, об отношениях между конфигурациями позиций, речевыми жанрами и темой разговора или о дискурсивном конструировании разных дачных занятий (строительства и работы в саду) или эмоций, связанных с дачей, в разговоре с разными собеседниками. Если обратить внимание на то, как о своих участках рассказывают мужчины и женщины, семейные пары и одинокие садоводы, можно увидеть разнообразие дискурсивных конструкций гендера и родства, характерных для времени и поколения. Подход, внимательный к речевым действиям, ситуациям разговора и их связям с общекультурным контекстом, открывает возможности более тонкой, нюансированной, чувствительной к речи собеседников аналитической работы с интервью.

Список сокращений

КА – разговорный анализ

КДА – критический дискурс-анализ

СНТ – садоводческое некоммерческое товарищество

СТ – садоводческое товарищество

Список использованной литературы

1. Аверкиева К.В., Антонов Е.В., Кириллов П.Л. и др. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
2. Алымов С. Активизация «человеческого фактора»: «застойные» корни неолиберальной субъективности? // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 54–92.
3. Андрейчиков Н.П. Свободное время и развитие личности. Иваново: Кн. изд-во, 1962. 43 с. (Зримые черты коммунизма).
4. Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45-68.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х гг. М.: Русские словари, 1997. С. 159-206.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
7. Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. 1997. № 4. С. 53–88.
8. Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. Санкт-Петербург: Издательский центр «Гуманитарная академия», Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. 336 с.
9. Внеурочное время трудящихся / ред. Пруденский Г.А. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения АН СССР, 1961. 256 с.
10. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. Санкт-Петербург: Питер, 2007. 334 с.
11. Гордон Л.А., Римашевская Н.М. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. (Таганрогские исследования). М.: Мысль, 1972. 126 с.
12. Гофман И. Лекция // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 2. С. 4–26.
13. Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Издательство Московского университета, 1966. 105 с.
14. Грушин Б. Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967. 175 с.
15. Гупта А., Фергюсон Дж. Дисциплина и практика: «поле» как место, метод и локальность в антропологии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 3-44.
16. Жихаревич Б.С. Агрорекреационный подкомплекс АПК крупного города: Проблемы коллективного садоводства. Л.: Б. и., 1986. 50 с. (Препринт научных докладов / АН СССР, Ленинградский научный центр, Ин-т социально-экономических проблем).

17. Касаткина А.К. Дачная жизнь и «политическая война». К постановке проблемы власти в современных садоводческих товариществах некоммерческих товариществах // Антропологический форум. 2012. № 17 online. С. 129–153.
18. Касаткина А.К. Как садовый участок превратился в дачу // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: матер. науч. конф. студентов и аспирантов (15–16 апреля 2010 г., Санкт-Петербург). Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 57–62.
19. Касаткина А.К. Садоводческие товарищества в поисках нового смысла: анализ дискурса общих собраний СНТ // «Синдром публичной немоты»: история и современные практики публичных дебатов в России / ред. Н.В. Вахтин, Б.М. Фирсов. М.: Новое литературное обозрение, 2017а. С. 253–274.
20. Касаткина А.К. Садовый домик и его строитель в разговорах с садоводами начала XXI в. // *Experto crede Alberto*: сборник статей к 70-летию Альберта Кашфулловича Байбурина. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017b. С. 195–215.
21. Касаткина А.К. Частная собственность и коллективное товарищество: режимы собственности и социальные отношения в садоводческих некоммерческих товариществах Ленинградской области 2000-х гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 1. С. 163–178.
22. Квале С. Исследовательское интервью / ред. Леонтьев Д.А. М.: Смысл, 2003. 301 с.
23. Кирчик О.И. Аграрный вопрос в России в конце XX века: конструирование образа хозяина в публичном дискурсе // Социологические этюды / ред. М.К. Горшков. М.: Вариант, Институт социологии РАН, 2006. С. 183–202.
24. Конечный А.М. Петербургские дачи // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 444–452.
25. Корбут А. Говорите по очереди: нетехническое введение в разговорный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Vol. 14. № 1. Р. 120–141.
26. Кормина Ж.В. Дрожжи-убийцы: гастрономическая конспирология и культура недоверия в современной России // Антропологический форум. 2015. № 27. С. 142–175.
27. Ловелл С. Дачники. История летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л.Г. Семенова. Санкт-Петербург: Академический проект, 2008. 347 с.
28. Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные формы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.

29. Михеева З.А. Субурбанизация как инструмент решения жилищной проблемы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. СПб., 2012. 16 с.
30. Орлова Г.А. Апология странной вещи: «маленькие хитрости» советского человека // Неприкосновенный запас. 2004. № 2. Журнальный зал [электронный ресурс]. <http://magazines.russ.ru/nz/2004/34/orl10.html> (23.03.2019).
31. Попова К. Исследования визуального в этнометодологии // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 212–232.
32. Преображенский В.С. Веденин Ю.А. Ступина Н.М. и др. Проблемы территориальной организации рекреационной деятельности в Московской области // Известия АН СССР. Серия географическая. 1982. № 6. С. 87-99.
33. Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся // Институт международного рабочего движения. Информационные сообщения и доклады. 1968. № 8.
34. Разуvalова А.И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х гг. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 612 с.
35. Рис Н. Русские разговоры: культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 366 с.
36. Родоман Б. Великое приземление // Отечественные записки. 2002. № 6. [Электронный ресурс]. <http://www.strana-oz.ru/2002/6/velikoe-prizemlenie> (27.03.2019).
37. Сакс Х., Щеглофф Э.А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202.
38. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: учебное пособие для студентов вузов / Институт социологии РАН. М.: Добросвет, 1998. 289 с.
39. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов / ред. Городецкий А.Ю. М.: Прогресс, 1986. С. 170-194.
40. Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005. 576 с.
41. Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Л.: Лениздат, 1977. 207 с.
42. Успенский Б.А. Поэтика композиции. Структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 256 с.
43. Фуко М. Археология знания. Санкт-Петербург: Гуманитарная академия. 416 с.

44. Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Воля к истине: По ту сторону власти и сексуальности. Работы разных лет / сост. и пер. Табачникова С.В. М.: Магистериум; Касталь, 1996. С. 47-95.
45. Фэрклоу Н. Политический дискурс в прессе: аналитическая схема // Социоллингвистика и социология языка. Хрестоматия. Т. 2. / отв. ред. Вахтин Н.Б. Санкт-Петербург: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 507-526.
46. Хамфри К. Виллы «новых русских». Очерк постсоветских моделей потребления и культурной идентичности // Постсоветские трансформации в азиатской части России. Антропологические очерки / Хамфри К. М.: Наталис, 2010. С. 202-233.
47. Чеховских И.А. Городские семейные стратегии в неформальной экономике: труд на даче: дис. ...канд. эк. наук: 22.00.03. Санкт-Петербург, 2000. 125 с.
48. Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН, 1999. 115 p.
49. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сборник статей / ред. Басин Е.Я., Поляков М.Я. М.: Прогресс, 1975.
50. Atkinson P., Silverman D. Kundera's Immortality: The Interview Society and the Invention of the Self // Qualitative Inquiry. 1997. Vol. 3. P. 304–325.
51. Austin J.L. How to Do Things with Words. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 166 p.
52. Bakhtin M.M. The Dialogic Imagination: Four Essays. Austin: University of Texas, 1981. 443 p.
53. Besnier N. Gossip and the Everyday Production of Politics. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2009. 245 p.
54. Bourdieu P. Understanding // Theory, Culture and Society. 1996. Vol. 13. № 2. P. 17–37.
55. Briggs C.L. Dennis Tedlock (1939-2016): Obituary // American Anthropologist. 2018. Vol. 120. № 4. P. 876–878.
56. Briggs C.L. Learning How to Ask. A Sociolinguistic Appraisal of the Role of the Interview in Social Science Research. New York: Cambridge University Press, 1986. 155 p.
57. Bruisch K. The Soviet Village Revisited. Household Farming and the Changing Image of Socialism in the Late Soviet Period // Cahiers du monde russe. 2016. Vol. 57, № 1. P. 81–100.
58. Burawoy M., Krotov P., Lytkina T. Involution and Destitution in Capitalist Russia // Ethnography. 2000. Vol. 1, № 1. P. 43–65.
59. Caldwell M. Dacha Idylls. Living Organically in Russia's Countryside. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2011. 200 p.

60. Clarke S., Varshavskaya L., Alashev S. et al. The Myth of the Urban Peasant // *Work, Employment and Society*. 2000. Vol. 14. № 3. P. 481–499.
61. Clemente I. Conversation Analysis and Anthropology // *The Handbook of Conversation Analysis* / eds. Sidnell J., Stivers T. Oxford: Blackwell Publishers, 2013. P. 674–687.
62. Clifford J. On Ethnographic Authority // *Representations*. 1983. № 2. P. 118–146.
63. Clift R. Irony in Conversation // *Language in Society*. 1999. Vol. 28. № 4. P. 523–553.
64. Crapanzano V. On Dialogue // *The Interpretation of Dialogue* / ed. Maranhão T. Chicago and London: University of Chicago Press, 1990. P. 269-291.
65. Crapanzano V. *Tuhami, Portrait of a Moroccan*. Chicago: Chicago University Press, 1980. 187 p.
66. Davies B., Harré R. Positioning and Personhood // *Positioning Theory: Moral Contexts of Intentional Action* / eds. Harré R., van Langenhove L. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 32-52.
67. De Fina A., Georgakopoulou A. Analysing Narratives as Practices // *Qualitative Research*. 2008. Vol. 8. № 3. P. 379–387.
68. De Fina A., Perrino S. Introduction: Interviews vs. ‘Natural’ Contexts: A False Dilemma // *Language in Society*. 2011. Vol. 40. № 1. P. 1–11.
69. Duranti A. *Linguistic Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 398 p.
70. Dwyer K. *Moroccan Dialogues: Anthropology in Question*. Baltimore; London: Johns Hopkins University Press, 1982. 297 p.
71. Dwyer K. On the Dialogic of Fieldwork // *Dialectical Anthropology*. 1977. Vol. 2. P. 143–151.
72. Fabian J. *Language, History and Anthropology // Philosophy of the Social Sciences*. 1971. Vol. 1. P. 19–47.
73. Forsey G.M. *Ethnography as Participant Listening // Ethnography*. 2010. Vol. 11. № 4. P. 558–572.
74. Galtz N.R. *Space and the Everyday: An Historical Sociology of the Moscow Dacha*: PhD diss. The University of Michigan, 2000. 400 p.
75. Galtz N.R. *The Strength of Small Freedoms: A Response to Ionin, by Way of Stories Told at the Dacha // On Living Through Soviet Russia* / eds. Bertaux D., Rotkirch A., Thompson P. London; New York: Routledge, 2004. P. 174–190.
76. Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
77. Georgakopoulou A. *Small Stories, Interaction, and Identities*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2007. 185 p.

78. Georgakopoulou A. The Other Side of the Story: Towards a Narrative Analysis of Narratives-In-Interaction // *Discourse Studies*. 2006. Vol. 8. № 2. P. 235–257.
79. Goffman E. *Footing // Forms of Talk* / Goffman E. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981. P. 124-159.
80. Golubev A., Smolyak O. Making Selves Through Making Things. Soviet Do-it-Yourself Culture and Practices of Late Soviet Subjectivation // *Cahiers du monde russe*. 2013. Vol. 54, № 3–4. P. 517–541.
81. Goodwin C. Notes on Story Structure and the Organization of Participation // *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* / eds. Atkinson J.M., Heritage J. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 225–246.
82. Goodwin C., Goodwin M.H. Concurrent Operations on Talk. Notes on the Interactive Organization of Assessments // *IPRA Papers in Pragmatics*. 1987. Vol. 1. № 1. P. 1–54.
83. Goodwin C., Heritage J. Conversation Analysis // *Annual Review of Anthropology*. 1990. Vol. 19. P. 283–307.
84. Goodwin M.H. *He-Said-She-Said: Talk as Social Organization among Black Children*. Indianapolis: Indiana University Press, 1990. 371 p.
85. Hannonen O. Peace and Quiet Beyond the Border: the Trans-Border Mobility of Russian Second-Home Owners in Finland. PhD diss. University of Eastern Finland, 2016. 176 p.
86. Harré R. Positioning Theory // *Self-Care and Dependent-Care Nursing*. 2008. Vol. 16, № 1. P. 28–32.
87. Harré R., van Langenhove L. Introducing Positioning Theory // *Positioning Theory: Moral Contexts of Intentional Action* / eds. Harré R., van Langenhove L. Oxford: Blackwell Publishers, 1999. P. 14-31.
88. Haviland J.B. “That Was the Last Time I Seen Them, and No More”: Voices Through Time in Australian Aboriginal Autobiography // *American Ethnologist*. 1991. Vol. 18. № 2. P. 331–361.
89. Hockey J. Interviews as Ethnography? Disembodied Social Interaction in Britain // *British Subjects: An Anthropology of Britain* / ed. Rapport N. Oxford: Berg, 2002. P. 209–222.
90. Hymes D. Introduction: Toward Ethnographies of Communication // *American Anthropologist*. 1964. Vol. 66. № 6. P. 1–34.
91. Hymes D. Models of the Interaction of Language and Social Life // *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication* / eds. Gumperz J.J., Hymes D. New York: Holts Rinehart & Winston, 1972a. P. 35-71.

92. Hymes D. On Communicative Competence // *Sociolinguistics: Selected Readings* / eds. Pride J.B.; Holmes J. Harmondsworth: Penguin, 1972b. P. 269–293.
93. Hymes D. The Ethnography of Speaking // *Anthropology and Human Behavior* / eds. Gladwin T., Sturtevant W.C. Washington, DC: Anthropological Society of Washington, 1962. P. 13–53.
94. Jacobson R. Closing Statement: Linguistics and Poetics // *Style in Language* / ed. Sebeok T. Cambridge: MIT Press, 1960. P. 350–377.
95. Jefferson G. Glossary of Transcript Symbols with an Introduction // *Conversation Analysis: Studies from the First Generation* / ed. Lerner G.H. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 13–31.
96. Jefferson G. Sequential Aspects of Storytelling in Conversation // *Studies in the Organization of Conversational Interaction* / ed. Schenkein J. New York, NY: Academic Press, 1978. P. 219–248.
97. Jones R.A. Towards Dialogic Epistemology: the Problem of the Text // *Qualitative Research*. 2016. Vol. 17. № 4. P. 457–472.
98. Jorgensen M., Phillips L.J. *Discourse Analysis as Theory and Method*. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2002. 229 p.
99. Kasatkina A. Allotment Associations in Search of a New Meaning // “Matters of (Dis)order”: Public Debate in Russia / eds. Vakhtin N., Firsov B. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016. P. 206–223.
100. Kotthoff H. Irony, Quotation and Other Forms of Staged Intertextuality: Double or Contrastive Perspectivation in Conversation. Konstanz, 1998. 25 p.
101. Kotthoff H. Responding to Irony in Different Contexts: On Cognition in Conversation // *Journal of Pragmatics*. 2003. Vol. 35. P. 1387–1411.
102. Koven M. Comparing Stories Told in Sociolinguistic Interviews and Spontaneous Conversation // *Language in Society*. 2011. Vol. 40. № 1. P. 75–89.
103. Koven M. Interviewing: Practice, Ideology, Genre, and Intertextuality // *Annual Review of Anthropology*. 2014. Vol. 43. P. 499–520.
104. Kvale S. *InterViews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage, 1996. 326 p.
105. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax // *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. P. 354–396.

106. Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Essays on the Verbal and Visual Arts / ed. Helm J. Seattle; London: American Ethnological Society, 1967. P. 12–44.
107. Langellier K.M. Personal Narratives : Perspectives on Theory and Research // Text and Performance Quarterly. 1989. Vol. 9. № 4. P. 243–276.
108. Lovell S. Soviet Exurbia: Dachas in Postwar Russia // Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc / eds. D. Crowley, S. Reid. Berg, 2002. P. 105-121.
109. Lovell S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710-2000. Ithaka: Cornell University Press, 2003. 260 p.
110. Marcus G. Ethnography in/of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography // Annual Review of Anthropology. 1995. Vol. 24. P. 95-117.
111. Moerman M. Talking Culture: Ethnography and Conversation Analysis. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988. 234 p.
112. Ochs E. Narrative Lessons // A Companion to Linguistic Anthropology / ed. Duranti A. Oxford: Blackwell Publishers, 2004. P. 269-289.
113. Ochs, E., Capps, L. Living Narrative: Creating Lives in Everyday Storytelling. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2001. 352 p.
114. Perrino S. Chronotopes of Story and Storytelling Event in Interviews // Language in Society. 2011. Vol. 40. № 1. P. 91–103.
115. Pink S. Doing Sensory Ethnography. London: Sage, 2009. 168 p.
116. Post-Socialist Peasant? Rural and Urban Constructions of Identity in Eastern Europe, East Asia and the Former Soviet Union / ed. Leonard P., Kaneff D. Palgrave, 2002. 225 p.
117. Rapley T. The Art(fulness) of Open-Ended Interviewing: Some Considerations on Analysing Interviews // Qualitative Research. 2001. Vol. 1, № 3. P. 303–323.
118. Ries N. Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika. Ithaka: Cornell University Press, 1997. 220 p.
119. Rosaldo R. Ilongot Hunting as Story and Experience // The Anthropology of Experience / eds. Bruner E.M., Turner V.W. Urbana; Chicago: University of Illinois Press, 1986. P. 97-138
120. Rose R., Tikhomirov Y. Who Grows Food in Russia and Eastern Europe? // Post-Soviet Geography. 1993. Vol. 34. № 2. P. 111–126.
121. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. 1974. Vol. 50. № 4. P. 696–735.

122. Seeth H. T., Chachnov S., Surinov A. et al. Russian Poverty: Muddling Through Economic Transition with Garden Plots // *World Development*. 1998. Vol. 26. № 9. P. 1611–1623.
123. Sherzer J. A Discourse-Centered Approach to Language and Culture // *American Anthropologist*. 1987. Vol. 89. № 2. P. 295–309.
124. Sidnell J. *Conversation Analysis: An Introduction*. Oxford: Wiley Blackwell, 2010. 283 p.
125. Sidnell J. *Talk and Practical Epistemology. The Social Life of Knowledge in a Caribbean Community*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. 251 p.
126. Tannen D. *Conversational Style. Analyzing Talk among Friends*. New York: Ablex Publishing, 1984. 188 p.
127. Tedlock D. Questions concerning Dialogical Anthropology // *Journal of Anthropological Research*. 1987. Vol. 43. № 4. P. 325–337.
128. Tedlock D. The Analogical Tradition and the Emergence of a Dialogical Anthropology // *Journal of Anthropological Research*. 1979. Vol. 35. № 4. P. 387–400.
129. Tedlock D. *The Spoken Word and the Work of Interpretation*. University of Pennsylvania Press, 1983. 376 p.
130. *The Interview. An Ethnographic Approach* / ed. Skinner J. London; New York: Berg, 2012. 271 p.
131. Tilley C. The Sensory Dimensions of Gardening // *The Senses and Society*. 2006. Vol. 1, № 3. P. 311–330.
132. Tyler S. Post-Modern Ethnography: From Document of the Occult to Occult Document // *Writing Culture: the Poetics and Politics of Ethnography* / eds. Clifford J., Marcus G. Berkeley CA: University of California Press, 1986. P. 122-140.
133. Urban G. *A Discourse Centered Approach to Culture. Native South American Myths and Rituals*. Austin: University of Texas Press, 1991. 215 p.
134. Urban G. Ceremonial Dialogues in South America // *American Anthropologist*. 1986. Vol. 88. № 2. P. 371–386.
135. Vasilyeva Z. *From Skills to Selves. Recycling «Soviet DIY» in Post-Soviet Russia*: PhD diss. Institut d'ethnologie, Université de Neuchâtel, 2019. 308 p.
136. Wetherell M. Positioning and Interpretative Repertoires: Conversation Analysis and Post-Structuralism in Dialogue // *Discourse and Society*. 1998. Vol. 9. № 3. P. 387–412.

137. Writing Culture: the Poetics and Politics of Ethnography / eds. Clifford J., Marcus G. Berkeley CA: University of California Press, 1986. 305 p.
138. Young K. Taleworlds and Storyrealms. The Phenomenology of Narrative. Dordrecht; Boston; Lancaster: Martinus Nijhoff, 1987. 268 p.
139. Zavisca J. Contesting Capitalism at the Post-Soviet Dacha: The Meaning of Food Cultivation for Urban Russians // Slavic Review. 2003. Vol. 62. № 4. P. 786–810.

Список использованных источников

Архивные материалы

Центральный городской архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб):

- Ф. 7384 (Ленинградский городской исполнительный комитет)
- Ф. 9972 (Главзапстрой)

Опубликованные источники

1. Барто А. Дачный адрес // Твои стихи. М.: Детгиз, 1960. С. 74-76.
2. Дачная мерзость. Интервью с Б. Родоманом // Огонек. 22.09.2002. № 37. С. 17.
3. Два дня на даче. Как со всем справиться и не надорваться / сост. Кузнецова Т.Н. Нижний Новгород: Газетный мир, 2010. 158 с.
4. Зикунов В.К. Родинские колодцы: Рассказы. Красноярск: Кн. изд-во, 1990. 187 с.
5. Исаева И.С. Мой любимый сад. М.: Мир книг, 2005. 351 с.
6. Кизима Г.А. Пособие для разумно ленивых садоводов. Санкт-Петербург: Невский проспект Вектор, 2007. 126 с.
7. Коллективное садоводство и огородничество. Справочное пособие для профсоюзного актива. М., 1987. 175 с.
8. Коллективное садоводство и огородничество: Сборник нормативных актов / сост. О.Н. Афанасьев. М.: Юридическая литература, 1991. 416 с.
9. Коллективное садоводство и огородничество: Консультации и официальные материалы. М.: Профиздат, 1980. 64 с. (Библиотечка профсоюзного активиста; 26).
10. Коллективное садоводство и огородничество: Справочное пособие для профсоюзного актива / сост. А.К. Долгов, А.И. Коновалов. М.: Профиздат, 1987. 175 с.
11. Мелоян А. А. Практикум по организации и управлению садоводческими объединениями для председателей и членов правлений. Санкт-Петербург, 2005.
12. Министерство строительства СССР Главзапстрой. Справочник адресов и телефонов. Ленинград, 1980.
13. О продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации. Материалы майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС. М.: Правда, 1982. 96 с.
14. Павловский О.П. Срочно продается дача. Повести. Калининград: Кн. изд-во, 1989. 301 с.
15. Пискарев П., Урлауб Л. Дачный быт Петербурга в начале XX в. / подгот. Конечный А.М. // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 452-474.

16. Пономарев Н.Б. Урожайность. Мастерство или волшебство? Справочник огородника-садовода. Санкт-Петербург: Фолио-плюс, 2001. 304 с.
17. Приусадебное хозяйство, коллективное садоводство и огородничество / сост. Толстов А.И. Л.: Лениздат, 1991. 445 с.
18. Сергеев В.И. Азбука садовода (в вопросах и ответах). М.: Колос, 1968. 367 с.
19. Справочная книга садовода и огородника. Новосибирск 1997. 556 с.
20. Таранов В.В., Таранова Е.А. Садово-огородный участок. Справочное пособие. М.: Агропромиздат, 1986. 256 с.
21. Туманов А.В. Азбука дачника. М.: Дрофа-плюс, 2006. 348 с.
22. Черноусов А. Второй дом: Повести. Новосибирск: Западносибирское книжное издательство, 1984. 343 с.

Газеты

1. Андреев Н. «Златые» горы // Вперед. 30.06.1970. № 77. С. 4.
2. Аракелян Е., Колядина Е., Филиппова Т. Если бизнес неудачен, пусть тебя прокормит дача // Комсомольская правда. 27.03.1999. С. 7.
3. Беловранин А. Садоводы в серой зоне // Новая газета. 26.06.2017. [Электронный ресурс]. <http://novayagazeta.spb.ru/articles/11103/> (Дата доступа: 24.03.2019).
4. Васильев Б. Пусть будет город-сад (читатели предлагают) // Вперед. 1.11.1969. № 131.
5. Власов А. Не забывая о настоящем, помечтаем о будущем // Вперед. № 70(610). 13.06.1962. с. 3.
6. Жистов В. Садовый участок: проблемы и реальность // Вперед. 18.03.1978. № 34.
7. Жучков Н. Защита садов от вымерзания (рубрика «Советы садоводам») // Вперед. 19.12.1957. № 14. С. 2.
8. Калинин К. Дары сада // Вперед. 10.11.1975. № 122. С. 3.
9. Калинин К. Зима в поселке «Мирный» // Вперед. 22.12.1957. № 15. С. 2
10. Калинин К. Летним днем // Вперед. 22.08.1962. № 100.
11. Калинин К. Яблоки-птицы // Вперед. 31.10.1970. № 130. С. 4.
12. Красильников. Не повторять ошибок // Вперед. 07.02.1967. № 17.
13. Лимонов хочет разбить диван Обломова // Смена. 5.12.1996. С. 3.
14. Панина Н. О тех, кто любит природу // Вперед. 27.07.1960. с. 4.
15. Поляков Н., В. Реутов. Дубна – город науки (Новые города страны) // Вперед. 13.11.1958. № 92. С. 2.

16. Прописка на даче: за и против // Гарант.ру. Информационно-правовой портал. 19.11.2013. [Электронный ресурс]. <http://www.garant.ru/article/506281/> (Дата доступа: 24.03.2019).
17. Радость познания природы. Интервью председателя профкома ИЭМ А.П. Гошко // Вперед. 31.07.1982. № 91. С. 2.
18. Резервы и возможности города – решению продовольственной проблемы (пленум Городского комитета КПСС) // Вперед. 24.12.1981. № 143 (3349). С. 2.
19. Ромашин А. Конкретными результатами // Вперед. 02.04.1983. № 40. С. 2.
20. Сергеев А. В придачу к надолбе – труба // Вперед. 3.07.1973. № 79.

Журналы

1. Исаченко Л. Пока творю — живу активно // Приусадебное хозяйство. 1981. № 5. С. 2-4.
2. Орлов В. Ваши механические помощники // Приусадебное хозяйство. 1981. № 5. С. 71-74.

Нормативно-правовые документы

1. Закон РСФСР № 374-1 от 23.11.1990 «О земельной реформе» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=8FD17ACB4B03593FEDC40DE75B647F04&mode=splus&base=ESU&n=4144&rnd=0.20144297201494288#14v8adwm2wy> (Дата доступа: 23.03.2019).
2. Закон СССР № 8998-ХІ от 26.05.1988 «О кооперации в СССР» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=69B4021E18DAA5AB899478C89F4FCBBF&mode=splus&base=LAW&n=1361&rnd=0.20144297201494288#2prjubrzuzc> (Дата доступа: 23.02.2019).
3. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 14 апреля 2008 г. № 7-П, г. Москва «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона» // Российская газета. 26.04.2008. Вып. 4649. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2008/04/26/ks-dok.html> (Дата доступа: 24.03.2019).
4. Постановление СМ РСФСР № 112 от 31.03.1988 «Об утверждении Типового устава садоводческого товарищества» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5704#07818334301885119> (Дата доступа: 23.03.2019).

5. Постановление СМ РСФСР № 126 от 19.04.1989 «О признании утратившими силу решений правительства РСФСР по вопросам кооперации» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=22306B94DCBD81BDBF27D435A5575246&mode=splus&base=ESU&n=3627&rnd=0.20144297201494288#8wgtjnu9b4> (Дата доступа: 23.03.2019).
6. Постановление СМ РСФСР № 141 от 13.03.1981 «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан РСФСР» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=7BF44EF3C2DF08B648BC6C486CD37F07&mode=splus&base=ESU&n=2382&rnd=0.20144297201494288#90ic5he8dl> (Дата доступа: 23.03.2019).
7. Постановление СМ РСФСР № 1522 от 16.12.1955 «О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства рабочих и служащих» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=F0B695659F8867D0964B7E562683AEB1&mode=splus&base=ESU&n=8241&rnd=0.20144297201494288#hkhdai36> (Дата доступа: 23.03.2019).
8. Постановление СМ РСФСР № 40 от 29.01.1985 «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=E87F5CEBDF2E6319201C5ED9EC09EC41&mode=splus&base=ESU&n=2427&rnd=0.20144297201494288#1pe1s1j0hkj> (Дата доступа: 23.03.2019).
9. Постановление СМ РСФСР № 517 от 11.11.1985 «Об утверждении Типового устава садоводческого товарищества» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=206C27758E042371B680AB58DC159E03&mode=splus&base=ESU&n=7736&rnd=0.20144297201494288#29ygyq80fl> (Дата доступа: 23.03.2019).
10. Постановление СМ РСФСР № 623 от 12.12.1977 «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=>

[d=A6D8CF82D4B3056B3D343BA3E529BB32&mode=splus&base=ESU&n=2375&rnd=0.20144297201494288#mvxkdgg2vf](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=A6D8CF82D4B3056B3D343BA3E529BB32&mode=splus&base=ESU&n=2375&rnd=0.20144297201494288#mvxkdgg2vf) (Дата доступа: 23.03.2019).

11. Постановление СМ РСФСР и ВЦ СПС № 526 от 02.08.1968 «Об устранении недостатков в работе садоводческих товариществ рабочих и служащих в РСФСР» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=9BEC8659F011C62FDB8565A0B2E9BE52&mode=splus&base=ESU&n=32191&rnd=0.20144297201494288#2nmrazls0o6> (Дата доступа: 26.03.2019).
12. Постановление СМ РСФСР и ВЦ СПС № 261 от 18.03.1966 «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=B428CE6FEEACB242EF4C8F97681FD95B&mode=splus&base=ESU&n=10160&rnd=0.20144297201494288#7wob0jaj7t8> (Дата доступа: 23.03.2019).
13. Постановление СМ СССР «О коллективном и индивидуальном огородничестве и садоводстве рабочих и служащих» № 807 от 24.02.1949 г. // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=8C09FA4D7941CAD6AAF8531457150067&mode=splus&base=ESU&n=6852&rnd=0.20144297201494288#u7lygt37o> (Дата доступа: 23.03.2019).
14. Постановление СМ СССР № 1286 от 29.12.1984 «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=DF56DD9B2C1A0E5AE815924DA50B4587&mode=splus&base=ESU&n=1208&rnd=0.20144297201494288#59kjtuku64> (Дата доступа: 23.03.2019).
15. Постановление СМ СССР № 843 от 14.09.1977 «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=5618E84F9CF9D226604C6E6526ED4934&mode=splus&base=ESU&n=1324&rnd=0.20144297201494288#ctbs0f3r068> (Дата доступа: 23.03.2019).
16. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 1079 от 19.09.1987 «О дополнительных мерах по развитию личных подсобных хозяйств граждан, коллективного садоводства и

огородничества» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=68A13DADC FEB9D244FE59BBB957D58A7&mode=splus&base=ESU&n=1210&rnd=0.20144297201494288#1nd5ty0gajj> (Дата доступа: 23.03.2019).

17. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1981 года № 235 «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=46969A2D79DDD198085F76B8C6090778&mode=splus&base=LAW&n=94032&rnd=0.20144297201494288#amqz98dg88g> (Дата доступа: 26.03.2019).
18. Приказ Министерства ЖКХ РСФСР № 308 и Министерства сельского хозяйства РСФСР № 399 от 3.07.1978 «О внесении изменений в Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=945C4561773D593297FD5BD3A04226A5&mode=splus&base=ESU&n=43485&rnd=0.20144297201494288#8wswxu2ex> (Дата доступа: 26.03.2019).
19. Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих. М.: Б. и., 1956. 20 с.
20. Типовой устав садоводческого товарищества рабочих и служащих. М.: Б. и., 1967. 20 с.
21. Федеральный закон № 217-ФЗ от 29.07.2017 «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=A7E46E1F4713A9B1FFC0DDF6061F6068&req=doc&base=LAW&n=304241&dst=100603&fld=134&stat=refcode%3D16876%3Bdstident%3D100603%3Bindex%3D0#12f6e9hwhxi> (Дата доступа: 24.03.2019).
22. Федеральный закон № 66-ФЗ от 11.03.1998 «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» // Сеть правовой информации «КонсультантПлюс» [электронный ресурс].
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=198171653706515531822808096&cacheid=5F7A145372D89207D255A4375A84A5E3&mode=splus&base=LAW&n=200931&rnd=0.20144297201494288#95ckfazjku4> (Дата доступа: 24.03.2019).

Фильмы и телепередачи

1. 33 квадратных метра. Телесериал. О.С.П.-студия, 1997-2004.
2. Городок. Городка нашего пригородок. Телепередача. Режиссеры И. Олейников, Ю. Стоянов. Киностудия «Позитив ТВ», 1995.
3. Дача. Кинофильм. Режиссер К. Воинов. Киностудия «Мосфильм», 1973. 89 мин.
4. Жесть. Кинофильм. Режиссер Д. Нейманд. Централ Партнершип, 2006. 110 мин.
5. Москва слезам не верит. Кинофильм. Режиссер В. Меньшов. Киностудия «Мосфильм», 1979. 148 мин.

Интернет-источники

1. Зиновьев В. 6 соток простора на Мшинском болоте. Видеоклип. [Электронный ресурс] <https://www.youtube.com/watch?v=whk9LYmKzOI> (Дата доступа: 27.03.2019).
2. Старая дача, которая доживает свой век. Фотографический альбом. Живой журнал. [Электронный ресурс]. <https://staraya-dacha.livejournal.com/> (Дата доступа: 27.03.2019).
3. Фильм «Жесть» на сайте «Кинопоиск». [Электронный ресурс] <https://www.kinopoisk.ru/film/zhest-2006-161140/> (дата доступа: 12.11.2017).

Полевые материалы автора

ПД – Полевой дневник автора, 2007-2012 гг.

Список иллюстраций

Рисунок 1. Компоненты ситуации интервью (Briggs, 1986, 41).

Рисунок 2. Памятник дачникам в Бердянске. Скульптор Н. Мироненко. Фотография с Интернет-портала «Отдых.pro» (<https://www.otdih.pro/ru/pages/8538-памуатник-dachnikam-berdyansk/>)).

Рисунок 3. В домике А.В. Фото А.К. Касаткиной, 2008 г.

Рисунок 4. В яблоневом саду Р.Ф. Фото А.К. Касаткиной, 2008 г.

Приложение 1. Список интервью

Все интервью записаны и расшифрованы А.К. Касаткиной, если не отмечено иное.

Все участки расположены в Ленинградской области. Серым выделен базовый корпус интервью.

Шифр интервью ⁶⁴	Сведения об информанте: год рождения, пол, специальность, местоположение участка, с какого года участок	Сведения об интервью: время и место, путеводитель, продолжительность беседы
1_МГ	1930, м., инженер, Лужский р-н, 1982	10.11.2007, квартира М.Г., П1, 2:40
2_ЮА	1938, м., инженер, Волховский р-н, 1989	2.12.2007, квартира Ю.А., П1, 1:27
3_ТА	1944, ж., инженер, Приозерский р-н, 1990	9.12.2007, квартира Т.А., П1, 2:26
4_ЛА_АМ	1953, ж., экономист (Л.А.) - мать 1977, ж., врач (А.М.) – дочь Всевожский р-н, 1988	4.01.2008, квартира Л.А., П1, 1:29
5_АВ	1950, м., инженер, Тихвинский р-н, 1985	9.08.2008, участок А.В., П2, 3:16
6_РФ	1932, ж., –, Лужский р-н, 1986	12.08.2008, участок Р.Ф., П2, 2:19. Расшифровка М. Гумерова.
7_РИ	1933, ж., архитектор, Выборгский р-н, 1988	23.06.2008, квартира Р.И., П1, 1:41
8_МЛ_ТЛ	1931, ж., учитель (М.Л.) 1937, ж., инженер, преподаватель (Т.Л.) (сестры) Выборгский р-н, 1988	07.08.2008, участок М.Л. и Т.Л., П2, 2:55
9_ЛВ	1940, ж., инженер, Выборгский р-н, 1988	08.08.2008, участок Л.В, П2, 3:00. Расшифровка А. Дугушина.
10_ЛС	1938, ж., инженер, Приозерский р-н, 1991 (супруга В.Н. (11))	16.12.2007, квартира Л.С. и В.Н., П1, 1:23
11_ВН	1937, м., инженер, Приозерский р-н, 1991 (супруг Л.С. (10))	16.12.2007, квартира Л.С. и В.Н., П1, 1:28
12_АА	1957, м., без в/о, Волховский р-н, 1982	29.09.2008, квартира А.А., П2, 2:00. Расшифровка Д. Данилевича, Н. Карбасов
13_БН	1959, м., инженер, Приозерский р-н,	19.12.2007, квартира Б.Н., П1,

⁶⁴ № и инициалы информанта.

	1992	1:39
14_ВИ	1937, м., инженер, Волховский р-н, 1984	10.05.2008, квартира В.И., П1, 1:22
15_АН	ок. 1940, ж., инженер, Приозерский р-н, 1990	14.12.2007, квартира А.Н., П1, 1:11
16_СМ	1947, м., инженер, Лужский р-н, 1982	21.08.2011, участок С.М., ПЗ, 3:56
17_ГМ	1952, ж., водитель, Волховский р-н, 1981	24.08.2011, участок Г.М., ПЗ, 2:52
18_БС_СЕ	1937, м., инженер (Б.С.) 1937, ж., электрик (С.Е.) (супруги) Гатчинский р-н, 1983	31.08.2011, участок Б.С. и С.Е., ПЗ, 3:01 Расшифровка К. Мамай.
19_АС	Ок. 1940, ж., экономист, Лужский р-н, 1991	20.07.2007, участок А.С., П1, 2:48
20_ИА	1939, ж., товаровед, Лужский р-н, 1982	15.08.2009, участок И.А., ПЗ, 1:13. Расшифровка М. Гумерова.

Экспертные интервью:

21_ТН – сотрудница Земельной палаты одного из районов Ленинградской области. 2011 г. 38:00.

22_ВИ – председательница садового товарищества в Лужском р-не Ленинградской области. 2010г. 1:17.

23_ГИ – председатель садового товарищества в Лужском р-не Ленинградской области. 2011г. 1:33.

24_ВВ – председатель садового товарищества в Лужском р-не Ленинградской области, 2012г. 2:10.

Приложение 2. Путеводители

Путеводитель 1, 2007-2008 (П1)

Тема: История садового участка в жизни семьи, его приобретение и дальнейшее использование, изменение стратегий использования участка во времени.

Поскольку среди моих информантов как опытные садоводы, так и люди, ставшие ими совсем недавно (купив или унаследовав участок), я решила разделить их на 5 групп (названия условны), вопросы для которых будут различаться:

1. «новичок» - человек, который купил или унаследовал участок после перестройки и никак не столкнулся с профкомовской системой распределения участков.
2. «старожил-знаток» - человек, который получил или купил участок до перестройки или после, и к тому же хорошо знает все тонкости распределения участков и управления садоводством и его взаимоотношений с предприятием (член профкома, активист)
3. «старожил» - человек, который получил или купил участок до перестройки или после, так или иначе соприкоснулся с профкомовской системой, но знает об этом немного
4. член семьи садовода, который не вникает в садоводческие дела, но тоже имеет к участку некоторое отношение
5. маргинальные случаи. Необычные случаи. Например, люди пользовались или пользуются участком своих друзей или по какой-то причине давно оставили свой участок. Для каждого из них составляется особый вопросник.

I Вопросы для разных групп информантов об истории садоводства и участка

Вопросы для «новичка» (категория 1).

1. Выбор и приобретение участка. Расскажите, пожалуйста, как и когда Вы купили этот участок. Почему Вы решили купить дачу и почему именно участок в садоводстве? Как Вы искали участок для покупки? Смотрели ли Вы участок перед тем, как купить? Был ли

у Вас выбор? Почему выбрали именно этот? На что обращали внимание? Как проходила покупка? Какие документы пришлось оформлять? Как проходило вступление в садоводство? [К вопросу о причинах, по которым был куплен участок, и намерениях покупателей. Отношение к формальной специфике СТ – к вопросу о том, осознается ли эта специфика, имеет ли она значение при покупке участка. Ответ на вопрос, как оформляется получение садового участка в постсоветскую эпоху.]

2. Знаете ли Вы что-то о том, каким организациям принадлежало это садоводство, и как раньше распределялись участки? [Степень осведомленности «новичка», вовлеченности его в жизнь садоводства может показать, насколько отделены «новички» от «старожилов» и является это фактором, влияющим на использование участка. Возможна дополнительная информация о функционировании профсоюзного механизма распределения благ.]

Вопросы для «старожила» (категории 2, 3):

1. Получение участка. Расскажите, как Вам достался участок. Почему Вы решили обзавестись участком? Как Вы узнали о том, что можно взять или купить участок? Кому тогда давали участки? Какую роль в распределении участков играл профком? Дали ли Вам участок, если нет, то почему? Можно ли было тогда купить или продать участок? Смотрели ли Вы участок предварительно? Был ли у Вас выбор? Почему выбрали именно этот? На что обращали внимание? Что Вам нужно было сделать, чтобы получить или купить участок? Какие документы пришлось оформлять? Как проходило вступление в садоводство? Случалось ли, что отбирали участок? За что? Каких размеров были участки? Могла ли одна семья тогда иметь несколько участков? [К вопросу о причинах, по которым был куплен участок, и намерениях покупателей. Способ получения участка как фактор, влияющий на дальнейшее отношение к участку. Значение садоводческой специфики для человека. Ответ на вопрос, как выглядела процедура получения участка в советское время]
2. Участок и карьера человека. В какой организации Вы работали, когда получили участок? Кем Вы работали на тот момент? Участвовали ли в общественной (профсоюзной) деятельности? Были ли среди Ваших соседей на даче Ваши сотрудники? На каких основаниях получили участок они? [К вопросу о значимости участка в биографии человека. Приглашение к сравнению с соседями. Дополнительная информация по вопросу о том, кому давались участки]

3. История основания садоводства. Знаете ли вы что-нибудь о том, как и когда появилось ваше садоводство? Каким организациям оно принадлежало или принадлежит? [С этого момента путеводитель разделяется: если человек знает о своем СТ много, сам причастен к его созданию, ему задаются вопросы ветви А, если нет, то ветви Б]

Ветвь А (для знатока, категория 2).

4. история основания садоводства. Как эти организации получили землю для него? Почему была отведена именно эта земля? Что раньше было на месте Вашего садоводства? Какие действия были предприняты, чтобы создать садоводство? Если садоводство принадлежало нескольким организациям, то как они согласовывали действия между собой и как распределяли участки? Какие работы были организованы в садоводстве в первую очередь? Кто их организовывал и выполнял? Кто и как делил землю на участки? В какой момент и каким образом было сформировано правление и другие управляющие органы садоводства? Как проходили выборы первого председателя? Пришлось ли нанимать кого-то со стороны? Какое ведомство занималось садоводствами и их благоустройством? Что такое «соцкульт»? Как создавался и утверждался проект будущего садоводства? Как он выглядел? Каким было задумано садоводство? Какие задачи оно должно было выполнять? Что из этого было реализовано, что нет, и почему? Приходилось ли Вам участвовать в управлении садоводством? Если нет, то хотелось бы Вам этого? [Формальные и неформальные аспекты организации садоводства. Вопрос о соцкульте связан с тем, что я уже слышала это слово в этом контексте от одного информанта и хотела бы послушать, что скажут другие люди. Возможно также, что это слово спровоцирует у человека какие-то дополнительные ассоциации. Вопрос о задачах садоводства предполагает личную оценку информантом ситуации. Ответ на последний вопрос может помочь ответить на вопрос об использовании участка, а именно, узнать, есть ли у человека потребность в общественной деятельности или, напротив, в отдыхе].

5. Участие организации в жизни садоводства. Как участвовала организация, где Вы работали, в жизни садоводства? Существовали ли какие-то виды помощи садоводам? Удалось ли вам воспользоваться какими-нибудь из них? Была ли эта помощь эффективна? [Информация о системе отношений, в которую были включены садоводства. Помощь в освоении участка – это внешнее поощрение его использования, причем вполне определенным образом, в зависимости от того, были ли это денежные ссуды, помощь стройматериалом, лекции агронома или бесплатный автобус.]

6. Перестройка в истории садоводства и участка. Как повлияла на садоводство перестройка? Изменилось ли что-то в системе управления садоводством? Игруют ли профкомы прежнюю роль? Если нет, что заменило их? Сохранилась ли Ваша организация, если да, то каковы сейчас её отношения с садоводством? Помогает ли она ему? Если организации больше нет, что произошло с садоводством, когда она исчезла? [Вопрос о влиянии перестройки на садоводство и его оценки информантом]

Ветвь Б (категория 3).

5. Участие организации в жизни садоводства. Как участвовала организация, где Вы работали, в жизни садоводства? Существовали ли какие-то виды помощи садоводам? Удалось ли Вам воспользоваться какими-нибудь из них? Была ли эта помощь эффективна? [см. выше, вопрос 5 в категории 2]
6. Перестройка в истории садоводства и участка. Как повлияла на садоводство перестройка? Сохранилась ли Ваша организация, если да, то каковы сейчас её отношения с садоводством? Помогает ли она ему? Если организации больше нет, что произошло с садоводством, когда она исчезла? Изменилось ли что-то в его жизни? [см. выше, вопрос 6 в категории 2]

[Далее вилка опять смыкается]

II Общие вопросы об истории участка и стратегиях его использования:

7. Исходные условия и начало освоения участка: В каком виде был участок, когда Вы получили его? Что Вы начали делать на нем в первую очередь? Что в первую очередь посадили? Что в первую очередь построили? Как все начиналось? Как часто удавалось ездить в первые годы? Кто из членов семьи ездил? Сталкивались ли Вы с необходимостью следовать установленным нормам в разработке участка или возведении построек? В каком состоянии была инфраструктура садоводства (дороги, газ, электричество, водоснабжение), когда Вы получили участок, как она изменилась за прошедшие годы? Кто занимался и занимается её развитием и поддержкой? Довольны ли вы её нынешним состоянием? [может помочь ответить на вопрос о том, чего хотел человек от участка и как это реализовывалось. Кроме того, обычно садоводы любят рассказывать именно о том «как все начиналось», т.е. это провокация нарратива, в котором могут быть упомянуты самые разные полезные темы, и который может помочь выявить отношение человека к своему участку. Исходные условия и нормы показывают,

какие препятствия должен был преодолеть человек, чтобы делать со своей землей то, что ему было нужно. Отсылка к настоящему времени призвана спровоцировать сравнение прошлого и настоящего.]

8. Намерения и их реализация: чем Вы намеревались заниматься на своем участке? Зачем Вы его брали? Сбылись ли Ваши желания? [Прямой вопрос об изначальных намерениях и их осуществлении. Приглашение к рефлексии.]
9. Место участка в жизни человека. Все ли годы Вам удавалось содержать участок в том порядке, в каком хотелось бы? Где Вам приходилось работать с тех пор, как у Вас появился участок? Всегда ли удавалось посещать участок так часто, как хотелось бы? [Проясняет требования, которые предъявляет человек к участку, образ идеального участка. Отвечает на вопрос о влиянии фактора рода занятий и графика работы на использование участка]
10. Место участка в жизни семьи. Расскажите о своей семье. Как часто её члены ездят на дачу? Менялось ли это со временем? Чем члены Вашей семьи обычно занимаются на даче? Кто главный садовод в семье? Считается ли в Вашей семье необходимым вывозить на дачу детей? Если да, то почему? Приучаете ли Вы (или кто-то другой в Вашей семье) детей работать на участке? Случалось ли, что у Вас на даче жили родственники (которые не живут с вами в городе) или знакомые? Есть ли у Вас домашние животные? Как часто Вы возите их на дачу? Вы предпочитаете, чтобы они жили на даче или в городе? Почему? Хотели бы вы постоянно жить на даче? Один или с семьей? [Отвечает на вопрос об использовании участка разными членами семьи, о значимости участка для решения семейных и жилищных проблем, о его значимости в отношениях с более дальними родственниками и знакомыми. О том, используется ли участок для «трудового воспитания» детей (как предписывают соответствующие советские законы).]
11. Значимость участка для семейного бюджета. Что преимущественно выращиваете на участке? Изменился ли набор выращиваемых культур за все то время, что у Вас есть участок? Как обычно поступаете с урожаем? Случается ли, что выращенного хватает на весь год? Покупаете ли Вы овощи и фрукты в дополнение к выращенным? Пробовали ли когда-либо держать на даче животных (кроликов, кур, коз)? Много ли вложений требует участок? Сейчас меньше или больше, чем раньше? [Вопрос о роли участка в формировании семейного бюджета. Приглашение к сравнению прошлого и настоящего.]
12. Участок как место отдыха. Случалось ли Вам или другим членам Вашей семьи отдыхать в других местах за все те годы, когда у вас уже был участок? Отдыхаете ли Вы на своем

участке? Если да, то как выглядит Ваш отдых? [Вопрос о значимости участка как места отдыха и факторе предпочтений человека и его семьи в отношении отдыха]

13. Участок (более широко - дача) как место для общения. Есть ли у Вас хорошие знакомые или друзья в садоводстве? Как часто и при каких обстоятельствах вы общаетесь? Вы познакомились с ними в садоводстве или в городе? Приглашаете ли Вы на дачу знакомых из города? Считаете ли Вы, что, раз уж друзья или знакомые к Вам приехали, они должны помогать Вам на участке? Если да, делитесь ли Вы с ними урожаем? Если да, то как высчитывается их доля? Устраиваете ли Вы праздники на даче, какие, кого приглашаете? [Вопрос о значимости участка как места общения, в т.ч. поддержания отношений с городским кругом знакомств, не только просто дружеских, но и взаимовыгодных.]

14. Использование участка в настоящее время. Насколько часто Вы сейчас бываете на участке? Чем Вы там занимаетесь? Изменилось ли что-то по сравнению с первыми годами? Больше или меньше Вы теперь занимаетесь садом? Для чего Вам сейчас дача? Изменилось ли что-то в его жизни? Отразилась ли как-то перестройка на Вашем участке, Вашей дачной жизни? [Отвечает на вопрос об использовании участка, приглашает к сравнению и оценке.]

15. Отношение к участку (даче). Что Вам больше всего нравится в вашей даче, а что хотелось бы изменить, чего не хватает? Радует ли Вас Ваша дача сейчас? Как могла бы выглядеть дача вашей мечты? Если бы у Вас была возможность, Вы приобрели бы дачу в другом месте или остались бы на прежнем? [Требования, предъявляемые к участку.]

16. Место участка в биографии человека. Приходилось ли вам бывать на дачах у друзей или родственников до того, как у вас появился свой участок? Как это было? Была ли у вас дача раньше, до появления этого участка, что с ней стало? Расскажите о ней. [К вопросу об истории участка в жизни семьи - предыстория участка в биографии человека.]

17. Как правильно использовать участок. Сравнение своего участка с другими. Если Вам приходилось бывать на дачах у других людей (у своих друзей или просто у соседей), Вам есть с чем сравнивать. Для чего ещё люди используют свои участки? Как Вы считаете, как нужно правильно использовать садовый участок? [Провокация сравнения с другими. Вопросы рассчитаны на получение оценочных суждений. Это провокация рассказа о самом правильном с т.з. информанта способе использования участка и назначении земли в жизни человека.]

18. Свободный вопрос. Возможно, Вы хотели бы рассказать о даче что-то, о чем я Вас не спросила?

III Вопросы для остальных членов семьи (категория 4):

1. Отношение к участку. Помните ли Вы, как у Вашей семьи появился участок? Как Вы отнеслись к этому? [Время начала участия человека в садоводческой жизни. Его отношение к этому.]
2. Намерения и их реализация. Были ли у Вас свои планы, как использовать участок? Сбылись ли Ваши желания [Прямой вопрос об изначальных намерениях и их осуществлении. Приглашение к рефлексии.]
3. Место участка в жизни человека. Как часто Вы бываете на даче? Менялось ли это со временем? От чего это зависит? Чем Вы обычно там занимаетесь? Для чего Вам участок? Есть ли у Вас дети? Если есть, то как часто Вы возите их на дачу? Считаете ли Вы, что дети должны приучаться работать в саду? Есть ли у Вас домашние животные? Как часто Вы возите их на дачу? Вы предпочитаете, чтобы они жили на даче или в городе? Почему? Хотели бы вы постоянно жить на даче? Один или с семьей? [Отвечает на вопрос о том, как этот человек использует участок, о значимости участка в его жизни]
4. Участок как место отдыха. Случалось ли Вам отдыхать в других местах за все те годы, когда у вас уже был участок? Отдыхаете ли Вы на своем участке? Если да, то как выглядит Ваш отдых? [Вопрос о значимости участка как места отдыха и предпочтениях человека в отношении отдыха]
5. Участок (более широко - дача) как место для общения. Есть ли у Вас хорошие знакомые или друзья в садоводстве? Как часто и при каких обстоятельствах вы общаетесь? Вы познакомились с ними в садоводстве или в городе? Приглашаете ли Вы на дачу знакомых из города? Считаете ли Вы, что, раз уж друзья или знакомые к Вам приехали, они должны помогать Вам на участке? Если да, делитесь ли Вы с ними урожаем? Если да, то как высчитывается их доля? Устраиваете ли Вы праздники на даче, какие, кого приглашаете? [Вопрос о значимости участка как места общения, в т.ч. поддержания отношений с городским кругом знакомств, не только просто дружеских, но и взаимовыгодных.]
6. Отношение к участку (даче). Что вам больше всего нравится в вашей даче, а что хотелось бы изменить, чего не достает? Как могла бы выглядеть дача вашей мечты? Если бы у Вас была возможность, Вы приобрели бы дачу в другом месте или остались бы на прежнем? [Требования, предъявляемые к участку.]
7. Свободный вопрос. Возможно, Вы хотели бы рассказать о даче что-то, о чем я Вас не спросила?

Путеводитель 2, 2008 (П2)

Тема: Освоение дачного пространства, дачное и городское жилище и образ жизни.

1. Выбор и приобретение участка. Расскажите, пожалуйста, как в Вашей жизни появился участок. Была ли у Вас или Вашей семьи дача когда-нибудь до этого? Почему Вы решили обзавестись участком? Чем планировали там заниматься? Кому тогда давали участки? Дали ли Вам участок, если нет, то почему? Как Вы узнали о том, что можно взять или купить участок? Смотрели ли Вы участок перед тем, как купить? Был ли у Вас выбор? Почему выбрали именно этот? На что обращали внимание? Расскажите, пожалуйста, о Вашей жизни на тот момент. Где и кем Вы тогда работали, где жили? (помогает вписать появление участка в биографический контекст, вопрос о том, чего человек хотел от участка, зачем горожанину оказался нужен кусок земли)
2. Освоение участка: Расскажите, пожалуйста, как Вы осваивали Ваш участок. Как все начиналось? Как выглядел участок, когда Вы увидели его в первый раз? Что Вы начали делать на нем в первую очередь? Что первым построили, что посадили? Расскажите, пожалуйста, о Вашем доме. Как он строился? Как проектировали дом, как доставали стройматериалы? Кто именно строил? Были ли какие-то нормы в разработке участка или возведении построек, которым надо было следовать? Если да, как Вы о них узнали? Почему Вы спланировали дом именно так? Что ещё находится на участке? Почему строения расположены именно так? Окружен ли участок забором? Много ли заборов теперь в садоводстве? А как было раньше? Что Вы выращивали на участке? Что делали с урожаем, как хранили? Случалось ли, что выращенного хватало на весь год? (вопрос о трудностях и их преодолении, о том, что считается необходимым на участке, какие фрагменты пространства участка важны (чем важнее, тем больше времени будет уделено в рассказе)).
3. Инфраструктура Было ли в садоводстве электричество, водопровод, газоснабжение, телефонная линия, когда Вы приобрели участок? Если нет, как Вы выходили из положения? Без чего приходилось труднее всего? Как ситуация обстоит сейчас? (инфраструктура – одно из важнейших преимуществ городского жилища, вопрос о том, ощущалось ли её отсутствие как трудность, как люди справляются с этим, к какому опыту обращаются)

4. Жизнь на участке. Как часто удается ездить на дачу? Есть ли у Вас автомобиль или велосипед? Чем Вы обычно занимаетесь на даче, что делаете, как отдыхаете? Где Вам приходится бывать за пределами участка? Ходите ли Вы на прогулки, в лес, купаться? Есть ли какие-то места вокруг, где Вам особенно нравится бывать, о которых Вы вспоминаете потом зимой? Что интересного есть в округе, куда можно сходить или съездить? Какие есть поселения? Бываете ли Вы там? Как вообще развлекаются на даче? Гуляют ли по вечерам? Где гуляют, с кем? (общественная жизнь на даче, развлечения, «дачный текст»)
5. Дача как место для общения. Расскажите, пожалуйста, о Ваших соседях по даче. Есть ли среди них Ваши сотрудники? Часто ли Вы общаетесь с соседями? Есть ли у Вас друзья в садоводстве? Они живут далеко от Вас? Общаетесь ли Вы с ними в городе? Приглашаете ли Вы на дачу друзей из города? В каких случаях? Отмечаете ли Вы праздники на даче? Если да, расскажите об этом. Часто ли Вы ходите в гости на даче? Считаете ли нужным предупредить о своем приходе заранее, лично или по телефону? Как Вы узнаете, дома ли человек, к которому Вы пришли? Есть ли у Вас какие-то знаки, которые Вы можете оставить для своих гостей? Как следует поступить, если Вы приходите в гости, а участок окружен забором? Можно ли войти в калитку и постучать в дверь дома? Где Вы принимаете гостей на участке? В каких случаях пришедшего человека приглашают на участок? В каких случаях пришедшего человека приглашают в дом? (Вопрос о соседях, возможно, вызовет нарратив, связанный с границами или сравнение своего участка и соседних; вопрос о друзьях и праздниках – тоже к вопросу о месте участка в жизни человека, а также к вопросу о членении дачного пространства. Приватность, устройство дачного поселения.)
6. Семья. Расскажите, пожалуйста, о своей семье. Кто из членов семьи ездит на дачу? Как распределяются обязанности в семье на даче? Кто главный садовод? Считается ли в Вашей семье необходимым вывозить на дачу детей? Если да, то почему? Есть ли у детей свои обязанности на даче? Где обычно играют дети? Есть у них свое место для игр на участке? (степень освоения округи, что выделяется вокруг участка, место дачи в жизни человека и его семьи)
7. Отношение к участку (даче). Что вам больше всего нравится в Вашей даче? Хотелось бы что-то изменить? Как выглядела бы дача вашей мечты? Где на даче больше всего нравится бывать (на участке и вокруг)? Хотели бы Вы постоянно жить на даче? Где больше нравится, на даче или в городе? Чем отличается жизнь на даче от жизни в городе? Какие трудности несет жизнь на даче? Как Вы справляетесь с ними? (вопросы

призваны спровоцировать сравнение дачи и города, оценку своего участка, возможно, ещё что-то о членении пространства).

8. Садоводство. Когда было создано Ваше садоводство? Какой организации оно принадлежало? Изменилось ли садоводство после перестройки? Знакомы ли Вы с председателем, членами правления? Случалось ли самим принимать участие в управлении? (время создания садоводства и организация могут влиять на особенности и участка, и садовода, это может быть полезно для классификации; отношения с правлением показывают статус человека, его «гражданскую» позицию – м.б. важно также с точки зрения компенсаторности)
9. Поверья. Как Вы научились работать с растениями? Как Вы узнаете, когда что следует сажать? Пользуетесь ли Вы каким-нибудь особым календарем? Есть ли у Вас свои приметы? Есть ли иконы в дачном доме, какие, почему именно эти? Отмечаете ли Вы на даче церковные праздники, какие? Слышали ли Вы что-нибудь про Троицу, Купалу, Ильин день? Что нужно делать в эти дни? Когда можно начинать купаться? После какого дня этого нельзя делать? Почему? Что нужно делать при новоселье? Расскажите, как Вы вселялись в только что построенный дом на даче. Есть ли у Вас домовый в городской квартире? А в дачном доме? Вы что-то делали, чтобы поселить его там?
10. Свободный вопрос. Может быть, Вы хотели бы что-то ещё рассказать о своей даче? Возможно, случались какие-то любопытные истории, связанные с дачей? Или есть что-то ещё важное, о чем я Вас не спросила?

Путеводитель 3, 2009-2011 (ПЗ)

Тема: Освоение дачного пространства, дачное жилище и образ жизни.

Расскажите о своей даче!

1. Выбор и приобретение участка. Расскажите, пожалуйста, как в Вашей жизни появился участок. Была ли у Вас или Вашей семьи дача когда-нибудь до этого? Почему Вы решили обзавестись участком? Чем планировали там заниматься? Кому тогда давали участки? Дали ли Вам участок, если нет, то почему? Как Вы узнали о том, что можно взять или купить участок? Смотрели ли Вы участок перед тем, как купить? Был ли у Вас выбор? Почему выбрали именно этот? На что обращали внимание? Расскажите, пожалуйста, о Вашей жизни на тот момент. Где и кем Вы тогда работали, где жили?
2. Освоение участка: Расскажите, пожалуйста, как Вы осваивали Ваш участок. Как все начиналось? Как выглядел участок, когда Вы увидели его в первый раз? Что Вы начали

делать на нем в первую очередь? Что первым построили, что посадили? *Расскажите, пожалуйста, о Вашем доме. Как он строился? Как доставали стройматериалы? Кто именно строил? Почему дом спланирован именно так? Были ли какие-то нормы в разработке участка или возведении построек, которым надо было следовать? Если да, как Вы о них узнали?* Как выглядел дом, когда вы вселились? Пришлось ли что-то переделывать? Почему? Хотели бы Вы построить дом как-то иначе? Как? Расскажите, как Вы вселялись в только что построенный дом на даче. Что нужно делать при новоселье? Есть ли у Вас домовый в городской квартире? А в дачном доме? Вы что-то делали, чтобы поселить его там? Есть ли иконы в дачном доме, какие, почему именно эти? Слышали ли Вы что-нибудь про Троицу, Купалу, Ильин день? Что нужно делать в эти дни? Делаете ли Вы или кто-либо в садоводстве что-то особенное в эти дни или в другие? Когда можно начинать купаться? После какого дня этого нельзя делать? Почему? Что ещё, кроме дома, находится на участке? Почему строения расположены именно так? Окружен ли участок забором? Много ли заборов теперь в садоводстве? А как было раньше? Что Вы выращиваете на участке? Что делаете с урожаем, как храните? Случалось ли, что выращенного хватало на весь год? Как Вы научились ухаживать за растениями? Как Вы узнаете, когда что следует сажать? Пользуетесь ли Вы каким-нибудь особым календарем? Есть ли у Вас свои приметы? Есть ли животные, которым лучше не причинять вред? Например, что делать, если в доме оказался паук? А если залетела птица?

3. Инфраструктура. Было ли в садоводстве электричество, водопровод, газоснабжение, телефонная линия, когда Вы приобрели участок? Если нет, как Вы выходили из положения? Без чего приходилось труднее всего? Как ситуация обстоит сейчас?
4. Жизнь на участке. Как часто удается ездить на дачу? Есть ли у Вас автомобиль или велосипед? Чем Вы обычно занимаетесь на даче, что делаете, как отдыхаете? Где Вам приходится бывать за пределами участка? Ходите ли Вы на прогулки, в лес, купаться? Есть ли какие-то места вокруг, где Вам особенно нравится бывать, например, о которых Вы вспоминаете потом зимой? Что интересного есть в округе, куда можно сходить или съездить? Нравится ли Вам этот район? Есть ли какие-то особые районы или улицы со своими названиями? Может, в Вашей семье есть какие-то названия для мест или домов вокруг? Какие ещё здесь есть садоводства? Какие вокруг есть поселения? Бываете ли Вы там, зачем? Как вообще развлекаются садоводы? Гуляют ли по вечерам? Где гуляют, с кем? Где люди общаются между собой? Есть ли такие места? Стоят ли лавочки у домов?

5. Дача как место для общения. Расскажите, пожалуйста, о Ваших соседях по даче. Есть ли среди них Ваши сотрудники? Часто ли Вы общаетесь с соседями? Есть ли у Вас друзья в садоводстве? Они живут далеко от Вас? Общаетесь ли Вы с ними в городе? Приглашаете ли Вы на дачу друзей из города? В каких случаях? Отмечаете ли Вы праздники на даче? Если да, расскажите об этом. Часто ли Вы ходите в гости на даче? Считаете ли нужным предупредить о своем приходе заранее, лично или по телефону? Как поступали раньше, когда не было мобильных? Как Вы узнаете, дома ли человек, к которому Вы пришли? Есть ли у Вас какие-то знаки, которые Вы можете оставить для своих гостей? Как следует поступить, если Вы приходите в гости, а участок окружен забором? Можно ли войти в калитку и постучать в дверь дома? Где Вы принимаете гостей на участке? В каких случаях пришедшего человека приглашают на участок? В каких случаях пришедшего человека приглашают в дом? Можно ли пройти через чужой участок, чтобы сократить путь? Принято ли у вас в садоводстве подвозить друг друга на машине? Могут ли подвезти малознакомого человека?
6. Семья. Расскажите, пожалуйста, о своей семье. Кто из членов семьи ездит на дачу? Как распределяются обязанности в семье на даче? Кто главный садовод? Считается ли в Вашей семье необходимым вывозить на дачу детей? Если да, то почему? Есть ли у детей свои обязанности на даче? Где обычно играют дети? Есть у них свое место для игр на участке?
7. Отношение к участку (даче). Что вам больше всего нравится в Вашей даче? Хотелось бы что-то изменить? Как выглядела бы дача вашей мечты? Где на даче больше всего нравится бывать? Хотели бы Вы постоянно жить на даче? Где больше нравится, на даче или в городе? Чем отличается жизнь на даче от жизни в городе? Какие трудности несет жизнь на даче? Что приходится преодолевать? Как Вы справляетесь с трудностями? Есть ли трудности, которые есть в городе, но отсутствуют на даче? Сравните Ваш дачный дом и городскую квартиру.
8. Садоводство. Когда было создано Ваше садоводство? Какой организации оно принадлежало? Изменилось ли садоводство после перестройки? Знакомы ли Вы с председателем, членами правления? Случалось ли самим принимать участие в управлении?
9. Свободный вопрос. Может быть, Вы хотели бы что-то ещё рассказать о своей даче? Возможно, случались какие-то любопытные истории, связанные с дачей? Или есть что-то ещё важное, о чем я Вас не спросила?

Приложение 3. Условные обозначения при расшифровке интервью

Информант и интервьюер обозначаются инициалами.

Речевое явление	нотационный знак
Хезитации	eh... um... ah ehm mm ⁶⁵
паралингвистические явления и экстралингвистические события	Курсив в скобках: (<i>игриво</i>) (<i>смеется</i>) (<i>на вздохе</i>) (<i>с иронией</i>) (<i>звонок телефона</i>) Границы паралингвистического события могут обозначаться звездочками: * <i>вот это да!</i> * (<i>*со смехом*</i>)
нажим, подчеркивание, ударение	полужирный шрифт
Паузы	а) формализованная передача паузы (4) - кол-во секунд в скобках б) «органическая» передача паузы: ..... (количество точек зависит от субъективного ощущения длительности)
перебивание/наложение реплик	Знак дизеса на границах наложения
Понижение громкости речи	Уменьшение размера шрифта
Восстановление опущенного фрагмента речи	Квадратные скобки

⁶⁵ Запись латинскими буквами призвана отделить хезитации от обрывков значимых слов (когда это возможно).

Приложение 4

«6 соток простора на Мшинском болоте...»⁶⁶

Огромный есть город на Мшинском болоте,
На карте его никогда не найдете,
Живет там огромная масса народа,
Свой быт улучшая в течении года.

Живут инженеры, живут работяги,
С нуля начинали - как в прошлом варяги,
Живут рядовые, ребята простые,
Живут и женатые и холостые.

Мы все здесь умеем и делаем сами,
И все здесь подняли своими горбами,
И ты не грусти, коль поехала крыша ...
На тещу родную, ты веселый парниша.

И пусть мелковата картошка на грядке,
Зато у нас с юмором в полном порядке,
Нужны удобрения растениям для роста ...,
Чем больше друзей, тем больше компоста.

---

⁶⁶ Сохранена орфография и пунктуация оригинала.

День отдыха здесь и половина второго -
Сравним с двухнедельным у скал в Комарово.

Здесь нету заводов и нет здесь заразы,
В канавах не водятся тут водолазы.

Старушка в трамвае всех гонит клюкою,
А здесь рюкзащице несет над собою -
Огромная сила есть в нашем народе,
Почаще бывайте семьей на природе.

Не нужен здесь видик, гримасы стриптиза,
Ведь дамы на Мшинской у нас без каприза,
Чуть солнце пригреет - они при Народе,
Раздевшись, и в позах стоят в огороде.

От Водки поймашь ты кайф ненадежный,
Зачем тебе спирт, если воздух балдёжный,
Иди-ка ты в баню, возьми с собой веник,
Узнаешь, что счастье бывает без денег.

Эй, на асфальте стрекочущий рокер,
Бросай мотоцикл - стране нужен брокер.
А ты, садовод, заводи себе свинок
Ведь можешь подохнуть, пока будет рынок.

И вот за сто первым живут Километром
В годы застоя унесённые Ветром
Санкт-Петербуржцы - Луисы, Марьванны
Без унитаза и даже без ванны.

Шесть СОТОК простора на Мшинском болоте,
Прелестней земли вы нигде не найдете,
Шесть СОТОК простора - в краю не богатом,
Ни пяди земли не отдам демократам !!!

Шесть соток простора на Мшинском болоте,
Прелестней земли вы нигде не найдете,
Шесть соток простора - МОЯ тут земля,
Дачурка, дачурка, дачурка моя.

1993 г. садоводство "Сигнал-2", уч. 23

Коллективное творчество уч.23 НСТ "Сигнал-2"

<https://www.youtube.com/watch?v=whk9LYmKzOI>

Выложил: Виктор Зиновьев